

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

**УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА**

Под редакцией Г. Д. Тульчинского

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом
высшего образования в качестве учебного пособия для
студентов высших учебных заведений, обучающихся
по гуманитарным направлениям и специальностям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2014

Ответственный редактор:

Тульчинский Григорий Львович — доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург).

Рецензенты:

Попова О. В. — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, заместитель главного редактора научного журнала «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС»;

Сулимов В. А. — доктор культурологии, академик Международной академии наук (Русская секция), профессор кафедры культурологии Коми Государственного педагогического института, член правления Российского общества культурологов.

Политическая культура : учебное пособие для академического бакалавриата / Г. Л. Тульчинский [и др.]. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 000 с. — Серия : Авторский курс.

ISBN 978-5-9916-4251-4

Настоящее учебное пособие построено по проблемному принципу, состоит из девяти тем и включает учебно-методические материалы, такие как: рекомендуемая литература, Вопросы и задания для самостоятельной работы, а также темы для проведения деловых игр и практических занятий.

В книге систематически рассмотрены понятие и значение политической культуры, типологии политических культур, факторы их формирования и развития, роль политической культуры в модернизации общества. Специальное внимание уделяется методам изучения политических культур, особенностям политической культуры современного массового информационного общества.

Для студентов (слушателей) и преподавателей, а также для специалистов, экспертов, всех интересующихся политическими и социально-культурными проблемами развития современного общества. Может быть рекомендовано также и при изучении общеобразовательных дисциплин в высшей и средней школе: «Обществознание», «Культурология», «Политология».

УДК
ББК

Оглавление

Авторский коллектив	6
Введение.....	8

Раздел I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Глава 1. Понятие и виды политической культуры	15
1.1. Понятие и роль политической культуры	16
1.2. Основные подходы к концептуализации политической культуры.....	23
1.3. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации	27
1.4. Типологии национальных деловых культур	33
1.5. Типологии организационных деловых культур	51
1.6. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры.....	61
<i>Вопросы для обсуждения.....</i>	<i>74</i>
<i>Анализ кейсов.....</i>	<i>74</i>
<i>Деловая игра .....</i>	<i>75</i>
<i>Практическое задание.....</i>	<i>75</i>
<i>Рекомендуемая литература .....</i>	<i>75</i>
Глава 2. Политическая культура, социальные институты и социальные порядки.....	76
2.1. Нормативно-ценностные системы и динамика институционализации	76
2.2. Институт собственности.....	84
2.3. Права человека	86
<i>Вопросы для обсуждения.....</i>	<i>94</i>
<i>Рекомендуемая литература .....</i>	<i>94</i>
Глава 3. Методы изучения политической культуры	96
3.1. Эксперимент как метод изучения политической культуры.....	97
3.2. Количественные методы изучения политической культуры.....	100

3.3. Сравнительный анализ политических культур.....	105
3.4. Гуманитарная экспертиза.....	110
3.5. Анализ дискурса.....	114
3.6. Изучение несоциальных факторов политической культуры.....	115
<i>Вопросы для обсуждения</i>	126
<i>Деловая игра</i>	127
<i>Рекомендуемая литература</i>	127

Раздел II РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ЛИЧНОСТЬ

Глава 4. Факторы формирования и развития политической культуры.....	131
4.1. Ценностные и институциональные факторы социального развития.....	132
4.2. Культурные изменения, человеческое развитие и демократия.....	139
4.3. Урбанизация: концентрация социального и человеческого капитала.....	157
4.4. Социальные силы и общественные интересы.....	160
4.5. Социальное партнерство: роль бизнеса и организаций-посредников.....	165
4.6. Социально-культурные технологии в развитии политической культуры.....	177
<i>Вопросы для обсуждения</i>	183
<i>Практическое задание</i>	183
<i>Рекомендуемая литература</i>	183
Глава 5. Политическая культура массового информационного общества.....	185
5.1. Реализация проекта «Просвещения»: маркетинг социальной мифологии.....	185
5.2. Консолидирующая роль культуры массового общества.....	192
5.3. Урок тоталитаризма.....	197
5.4. Проектно-сетевой социум и проблема доверия.....	201
<i>Вопросы для обсуждения</i>	208
<i>Практические задания</i>	209
<i>Рекомендуемая литература</i>	209
Глава 6. Политическая культура и личность.....	211
6.1. Социальный контроль.....	211
6.2. Социально-культурные эмоции.....	217

6.3. Историческая динамика позиционирования и самореализации личности.....	220
<i>Вопросы для обсуждения</i>	229
<i>Практическое задание</i>	230
<i>Анализ кейсов</i>	230
<i>Деловая игра</i>	230
<i>Рекомендуемая литература</i>	230

Раздел III ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 7. Политические культуры и политические изменения.....	235
7.1. Динамика форм государственности.....	236
7.2. Модернизация и демократия.....	243
7.3. Потенциал имперской политической культуры.....	246
7.4. Суверенитет, сецессия, сепаратизм.....	255
7.5. Глобализация и разнообразие культур: перспективы современной цивилизации.....	262
<i>Вопросы для обсуждения</i>	270
<i>Рекомендуемая литература</i>	271
Глава 8. Политическая культура, нации и государство.....	272
8.1. Этноты и нации.....	273
8.2. Наднациональное и кросс-национальное в современной политической культуре.....	284
<i>Вопросы для обсуждения</i>	295
<i>Практическое задание</i>	296
<i>Рекомендуемая литература</i>	296
Глава 9. Развитие политических культур: возможности управления.....	297
9.1. Культура как ресурс и барьер модернизации.....	297
9.2. Современные концепции революции.....	305
9.3. Управление нововведениями: принуждение, адаптация и кризис.....	310
<i>Вопросы для обсуждения</i>	314
<i>Практическое задание</i>	314
<i>Рекомендуемая литература</i>	314
Заключение.....	315
Глоссарий.....	317

Авторский коллектив

Акопов Сергей Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Северо-Западного института управления РАНХиГС, доцент кафедры прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — параграф 8.2 и отдельные фрагменты главы 8 (в соавт. с Г. Л. Тульчинским);

Вельцель Кристиан, профессор факультета политических наук университета Леуфана (Leuphana University), ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — параграфы 4.1, 4.2 (в соавт. Инглхарт Рональд Ф.);

Инглхарт Рональд Ф., профессор факультета политических наук Мичиганского университета (University of Michigan), научный руководитель Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — параграфы 4.1, 4.2 (в соавт. Вельцель Кристиан);

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, почетный президент Российской ассоциации политической науки (РАПН) — параграфы 1.2, 3.5;

Понарин Эдуард Дмитриевич, доктор философии Мичиганского университета (University of Michigan), профессор, заведующий лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — параграф 3.2;

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук, доктор биологических наук, старший научный сотрудник, заведующий кафедрой и отделением приклад-

ной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — параграф 2.3;

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — основной текст книги;

Щербак Андрей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры прикладной политологии, научный сотрудник НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) — параграфы 3.1, 3.6.

Введение

Учебное пособие подготовлено на основе опыта преподавания курса «Основы политической культуры» в Национальном исследовательском университете Высшая школа экономики согласно базовому учебному плану по направлению 41.03.04 «Политология» подготовки бакалавра (базовая профессиональная часть). Он может быть использовано также и для изучения иных дисциплин при подготовке бакалавров по направлению «Политология», ряда других основных курсов по выбору («Введение в специальность», «Категории политической науки», «Политическая теория» и др.), при подготовке магистров по политологии, социологии и экономике широкого круга программ, включающих рассмотрение роли философии, культуры, политики, формальных и неформальных институтов в развитии общества, при изучении общеобразовательных дисциплин в высшей и средней школе: «Обществознание», «Культурология», «Политология».

Отдельного самостоятельного учебника (учебного пособия) по политической культуре в настоящее время нет. В учебно-методической литературе данная тематика представлена разделами (главами и параграфами) в учебниках по политологии, культурологи и социологии культуры, в которых политическая культура рассматривается в контексте практик политического участия, роли личности в политике, психологии поведения, т.е. преимущественно в качестве мотивационного фактора. Иногда авторы ограничиваются описанием политических культур исторического прошлого или своеобразия политических культур различных стран. Из работ, посвященных особенностям российской политической культуры, в этой связи следует отметить книгу Ю. С. Пивоварова «Политическая культура пореформенной России» (М. : ИНИОН РАН, 1994), публикацию очень содержательной дискуссии «Куда ведет кризис культуры?» (М. : Либеральная миссия, 2011), в которой прини-

мали участие А. П. Давыдов, И. М. Клямкин, А. В. Тихонов, И. А. Яковенко и другие видные отечественные исследователи и эксперты. Ни в коей мере не оспаривая содержание и значение этих и ряда других работ, а наоборот, в соответствующих разделах отсылая к ним, авторы учебного пособия сделали акцент на следующих аспектах.

Во-первых, на ценностно-нормативных аспектах социогенеза позволил не только рассмотреть динамику политической культуры, ее роль в развитии общества, но и не противопоставить различные концепции и подходы (либерализм и коммунитаризм, марксизм и корпоративизм, институционализм и солидаризм, рационализм и постсекуляризм и пр.), рассмотрев их как не исключающие, а взаимодополняющие друг друга, раскрыть их возможности в зависимости от исторической и определенной политической ситуации в конкретном обществе. Это позволило опереться на результаты всемирного научно-исследовательского проекта World Value Survey (далее — WVS), в рамках которого на протяжении почти 40 лет отслеживалась динамика ценностей в более чем 80 странах и на данных которой Р. Инглхарт и его коллегами была построена модели человеческого развития, на ряд других авторитетных международных исследований, таких как «Культура имеет значение» (Culture Matters) С. Харрисона, исследования Г. Хофстеде, Р. Льюиса, и органично использовать их результаты в контекст учебного пособия.

Во-вторых, упор на данный нормативно-ценностный подход сделал возможным уход от понимания политической культуры как преимущественно ментального (психологического) феномена. В результате политическая культура впервые систематически рассматривается как проявление социогенеза в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. Особое внимание при этом уделено факторам, определяющим формирование и развитие политических культур, что открывает возможность не только учитывать роль политической культуры в процессе выработки и проведения реформ, но и управления развитием самой политической культуры. Впервые с единой точки зрения изучена связь политической культуры с национальными и корпоративными деловыми культурами, что весьма плодотворно для осмысления политической культуры на макро- и микроуровнях.

В результате изучения дисциплины с применением данного учебника студент должен:

знать

- понятия и виды политической культуры, ее роль в развитии общества;
- причины и источники развития политической культуры, возможности и технологию управления этим развитием;
- особенности формирования и развития политической культуры в современных цивилизационных условиях массового постиндустриального общества;

уметь

- различать подходы к анализу и оценке политических культур;
- использовать возможности политической философии, социологии и психологии в обосновании исследований, разработке и реализации проектной деятельности, реализации культурной, национальной политики;
- использовать различные подходы к анализу проблем политической истории и актуальных проблем политической теории и практики;

владеть

- основным терминологическим аппаратом анализа политической культуры;
- способами сравнительного анализа политических культур, оценки их роли в социально-экономическом развитии;
- способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по актуальным проблемам.

Основной текст пособия посвящен рассмотрению политической культуры, ее природы и значения, ценностно-нормативных факторов социогенеза и компонентов политической культуры, ее соотношения с социальными институтами и порядками. Анализируются методы изучения политической культуры, типологии политических культур, факторы (механизмы) формирования и развития политической культуры, роль в этих процессах социальные коммуникации, особенности политической культуры массового информационного общества. Специальное внимание уделяется соотношению политической культуры и личности; национальных, корпоративных деловых куль-

тур и политической культуры; роли культуры в формировании и развитии наций. На основе сравнительного анализа выявляется значение политической культуры как ресурса и барьера развития (модернизации) общества.

Рубрикация текста, состоящая из трех разделов и девяти глав, соответствует логике изложения учебного материала и программе учебной дисциплины. Все главы содержат выводы, обобщающие учебный материал по теме, а также дидактический аппарат: рекомендуемую по данной теме литературу и вопросы для контроля и самостоятельной работы, глоссарий используемых терминов.

Содержание данного издания является дополнением и развитием содержания учебника «Политическая философия» (М. : Юрайт, 2014). Поэтому эти два издания рекомендуется использовать в комплексе.

Применяемые определения и формулировки соответствуют общепринятой научной терминологии. Изложение строится от простого к сложному с использованием примеров и сравнений, взятых из политической истории и современной политической практики.

Авторы выражают искреннюю признательность Российской ассоциации политических наук (РАПН). Конгрессы, конференции и симпозиумы, организуемые РАПН и при ее поддержке, всегда отличаются высоким теоретическим уровнем и широкой палитрой обсуждаемых вопросов, что весьма помогло нам дать максимально возможный обзор современных точек зрения, позиций и подходов к осмыслению роли и значения политической культуры в современном обществе.

Без публикаций в таких периодических изданиях, как «Вопросы философии», «Культура и семиозис», «Публичная политика», «Философские науки», «Человек.ru», «Journal of Russian Communication» и других ряд авторских идей, используемых в данном издании, не прошел бы научной апробации.

Авторы также благодарны своим студентам — бакалаврам и магистрантам, принимавшим активное участие в семинарах и коллоквиумах, на которых обсуждались многие идеи, представленные в книге, и проходила ее апробация, что позволило более точно расставить акценты и отработать методические приемы и рекомендации. Особая признательность С. М. Шмелевой, принявшей актив-

ное участие в обеспечении учебно-методического формата рукописи.

И наша особая благодарность издательству «Юрайт», давшему нам возможность подготовить и опубликовать данную авторскую работу.

Раздел I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Глава 1.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

• Понятие и роль политической культуры • Основные подходы к концептуализации политической культуры • Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации • Типологии национальных деловых культур • Типологии организационных деловых культур • Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные подходы к понятию «политическая культура»;
- соотношение между понятиями «культура» и «субкультура»;
- типологию политических культур, национальных и организационных деловых культур;
- содержание ценностно-нормативной модели социогенеза;

уметь

- использовать различные подходы к определению политической культуры;
- объяснять роль политической культуры в целостной системе культуры общества;
- применять различных типологии политических культур, сопоставлять их с национальными деловыми культурами;
- применять ценностно-нормативную модель политической культуры для решения познавательных задач по актуальным проблемам развития российского общества;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической культуры;
  - навыками формулирования на основе приобретенных знаний собственных суждений и аргументов по поставленным проблемам.
-

1.1. Понятие и роль политической культуры

В теории культуры существует множество разнообразных подходов к трактовке феномена культуры. Прежде всего это **ценностный подход**, при котором под культурой понимается совокупность материальных и духовных ценностей народа или человечества в целом. Действительно, ни одно общество не может существовать и развиваться без накопления опыта предшествующих поколений, ибо только на их основании становится возможной жизнь последующих. Согласно другому — **деятельностно-технологическому подходу** культура есть способ жизнедеятельности. Все люди спят, едят, трудятся, любят, но в каждом обществе это делают по-своему. Именно быт и нравы или принятые в данном сообществе способы осуществления жизненных актов понимаются здесь как выражение конкретной культуры. В деятельностно-технологическом понимании к культуре относятся и такие сомнительные с точки зрения ценностного подхода явления, как «культура преступного мира», «технология средств массового уничтожения». При третьем подходе — **человекотворческом** культурными признаются не все без исключения способы осуществления жизнедеятельности, а только способствующие развитию, совершенствованию и возвышению человека.

Ценностный, деятельностно-технологический и человекотворческий подходы по своему справедливы, поскольку акцентируют внимание на разных, но в то же время действительно значимых сторонах культуры. Особый интерес представляет предложенное Ю. М. Лотманом определение культуры как «внегенетического механизма наследования социального опыта»¹. Действительно, в отличие от животного поведение человека программируется не только и не столько генетически, сколько социально-культурно. Поведение животного регулируется инстинктами, т.е. является врожденным, полностью заданным каждому животному и каждому виду животных генетически. Животное, а точнее вид животного, выживает за счет того, что он уже заранее приспособлен жизни в определенной среде. Если же среда меняется, вид может сохраниться только за счет изменения генотипа (мутации). Человек, не меняясь как биологический вид, изменяет саму окружающую

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 684.

среду, как бы заставляя ее «мутировать» в нужном ему направлении. Он заменяет природную среду искусственно создаваемой культурной средой, превращая природу в культуру. Но, оказываясь в новой, им самим созданной среде, человек испытывает на себе ее обратное воздействие. Его собственное «творение» в свою очередь начинает изменять его самого — но уже не как вид, а как личность.

С этой точки зрения, обобщая упомянутые подходы, *культуру можно понимать как систему порождения, накопления, хранения, передачи социального опыта.*

Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы — правила этой деятельности по достижению целей. Последние могут быть конкретными, выражающими представления о желаемом результате, а могут и выражать представления о нереализуемом полностью, но желаемом идеале (истины, добра, красоты, свободы, святости). В обоих случаях речь идет о материальных и духовных ценностях — образцах желаемого должного. Ценности — не предметы, не вещи, а их значения для человека и общества. Мир ценностей — мир значений. Здание — памятник культуры, книга — ценности не в силу их материальной вещественности, а в силу того значения, которое они имеют для социального опыта и памяти о нем. Ценностные установки и ориентации определяют стремления и намерения людей. Их реализация предполагает деятельность, осуществляемую по правилам, образцам, т.е. нормам, определяющим социально приемлемые средства и способы достижения целей. Наиболее развитой формой норм являются институты, динамику формирования и развития которых рассмотрим далее.

Ценности и нормы образуют единые комплексы — **нормативно-ценностные системы**. В основе любой сферы человеческой деятельности можно обнаружить нормативно-ценностную систему. Деятельность всякого социального института от религиозной секты до академии наук, от политической партии до семейного круга строится на том или ином нормативно-ценностном фундаменте. Именно в нем аккумулируется социальный опыт, который есть не что иное, как совокупность определенных программ эффективной (результативной) целесообразной деятельности.

Культура таким образом предстает собой совокупность нормативно-ценностных систем, действие которых закреп-

пляется в многообразных формах вовлечения человека в социально упорядоченную деятельность. Формы такого вовлечения многообразны. Это и детские игры, и личный пример окружающих, прежде всего родителей, и обучение (школьное и профессиональное) — все то, из чего складывается личный опыт личности. Итогом этого процесса и является социализация личности — формирование социального субъекта, способного к активной продуктивной деятельности.

В определенном отношении культура напоминает игру. Игра вообще имеет в культуре важнейшее значение. Важность этой свободной, вроде бы необязательной, несерьезной деятельности трудно переоценить. В играх усваивает первоначальный жизненный опыт ребенок. Игры взрослых не только связаны с досугом, отдыхом, развлечениями. Широкое применение имеют обучающие и деловые игры как метод принятия решения.

Художественное творчество включает в себя явно выраженный игровой компонент. Политика, бизнес во многом имеют соревновательный (игровой) характер. Конфликты, переговоры, даже войны содержат в себе игровые моменты. Религиозные ритуалы, придворный церемониал, дипломатический и бытовой этикет — все это происходит по правилам, представляющим совершенно естественными для их участников, но с точки зрения постороннего наблюдателя может показаться игрой. Все мы постоянно, удачно и не очень, играем какие-то социальные роли: ребенка, родителя, товарища, пассажира, покупателя, продавца и т.п. И вообще, как известно, «Что наша жизнь? Игра»¹.

Что характерно для игры? Прежде всего любая игра условна, осуществляется по правилам, о которых участники договариваются специально или которые они должны заранее знать и принять. Любая игра ограничена в пространстве и времени. Игра имеет какие-то границы, место: арена, площадка, стадион, стол... В нее можно войти, а можно выйти. Игра начинается, длится, заканчивается — имеет границы во времени. У каждой игры есть свой сюжет, завязка, интрига, завершение, итог. Игра вызывает напряжение, требует мобилизации физических, интеллектуальных, духов-

¹ Пиковая дама : опера в 3 действиях по А. С. Пушкину / музыка П. И. Чайковского ; либретто М. И. Чайковского. М. : Музгиз, 1937.

ных сил. Она увлекает человека, способна доставить ему удовольствие и удовлетворение. Игра предполагает успех или неудачу, соревновательность. Каждая игра творит свой порядок, осуществляется по правилам и требует послушания этим правилам, их соблюдения. Тем самым игра объединяет, создает сообщества. Одновременно игра отделяет играющих от «непосвященных», создавая иногда даже атмосферу секретности. В игре выражаются способы деятельности и осмысления действительности человеком, его личных возможностей и целей.

Все эти характеристики применимы и к культуре, к человеческой жизни в целом. По отношению к самым серьезным вещам всегда можно найти какую-то внешнюю, стороннюю позицию, когда они предстают игрой. Но тогда — существует ли что-то всерьез? Ответ на такой вопрос фактически есть вопрос личностного самоопределения, смыслового выбора личностью ценностной позиции, задающей смысл его существованию, с которой он всерьез оценивает себя и действительность. Другими словами, «игры», которые кем-то играют всерьез, составляют содержание его идентичности, самоопределения. Если признать, что игра — понятие более общее, чем культура, то можно сказать, что игра — «инстинкт» культуры, тогда как культура — «сознание» игры.

Культура «предлагает» человеку определенные программы деятельности, в которых человек осваивает действительность. Она как бы очерчивает горизонт этой действительности, показывая человеку, что он может желать в этой жизни и какие средства удовлетворения этих желаний могут быть доступны ему в его положении. А поскольку человек осмысляет мир только в контексте своей деятельности и ее программ, то культура очерчивает границы и осмысленного (имеющего значение и понятного) мира человека, «рисует» ему определенную картину этого мира. Такая «картина мира», система взглядов, мировоззрения и миропонимания является основанием отличия одной культуры от другой. Эта картина мира выражается и закрепляется в мифах, религиозных верованиях, философских учениях и научных теориях.

В свете сказанного *политическую культуру можно рассматривать как механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта.*

Если политика — деятельность, связанная с властными отношениями (принципами, нормами, институтами), гарантирующими жизнеобеспечение и развитие общества, то вне зависимости от конкретной политической системы и исторической ситуации реализация политического опыта предполагает решение вопросов о власти, жизнеобеспечении общества, а значит — проблем безопасности, развития, справедливого порядка, регулирующего реализацию интересов социальных акторов. При этом следует различать политику (policy) как конкретное решение, программу действий по решению проблем, реализации интересов, как конкуренцию различных идей, целей, интересов, например, в связи с легализацией нового закона, нормы, положения, и политику (politics) как борьбу за получение и удержание власти.

При этом, однако, центральным, системообразующим политический опыт является феномен и идея власти, которая не сводится к формированию и развитию государства. Политическое существовало до возникновения государства, оно проявляется в отношениях между различными организациями, в гражданском обществе, в межличностных отношениях.

Таким образом, политическая культура включает в себя целый ряд компонентов:

- политические институты, включая собственно политическую систему государства, порождения и функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и групп интересов, процедуры принятия политических решений, политической самоорганизации гражданского общества;
- политическое поведение, включая формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов;
- политическое сознание, совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений.

Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному обществу вообще. Его социальность всегда реализуется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции

и герои, предания и легенды, нередко — язык или жаргон. Культура всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта нравов, обычаев. Люди всегда входят в некие профессиональные, возрастные, региональные и прочие сообщества, образующие «субкультуры». Субкультуры, выступая промежуточным звеном между личностью и обществом воздействуют на сознание человека, на его эмоциональную жизнь. В этом процессе огромную роль играют образцы, личный пример, подражание, формирующие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном.

Политическая культура реализуется на нескольких уровнях: как национальная политическая культура, как региональные политические культуры и как политические субкультуры, различающиеся прежде всего политическими взглядами, убеждениями и целями людей.

В политическом плане наиболее значимыми являются некоторые профессиональные субкультуры (бизнеса, чиновничества, военных, научного экспертного сообщества), возрастные (молодежь, ветераны и пенсионеры). Значимость их определяется как электоральными возможностями, так и другими формами социального капитала. Своей спецификой обладают и субкультуры политической элиты, иногда сознательно отделяющие себя от общего социума местом проживания, формами досуга, системой образования и т.д.

В целостной системе культуры общества политический опыт играет особую роль, обеспечивая совокупное единство этой системы. Политика в чем-то аналогична медицине. Так же как целью медицины является обеспечение здоровья (целостности) организма, так и целью политики является обеспечение здоровья (целостности) социума (общественного «организма»). Более полное содержание аналогии показано на рис. 1.1.

Это означает, что политика — не просто одна из подсистем социальной культуры, а одновременно, при этом и некий ее системообразующий принцип. Тем самым политическая культура:

- обеспечивает воспроизводство политической жизни, ее преемственность и развитие;

Реальность («лаборатория»)	Суд, оценка («клиника»)	Политическая власть («здравоохранение»)
Фактические данные	Помощь, консультация любому	Доступные формы политического участия, самоорганизации (доступные населению услуги)
Самоорганизация («самолечение»)	Кодекс правил, норм, присяги, клятвы	Корпоративность профессионального сообщества, политического класса.
Конфликты	Интерпретация: сведение единичного и общего (квалификация), использование терминов, нарративы, аргументация.	Обеспечение справедливости, дистанцирование в позиции «третьего». Не может быть беспредельного сострадания
Решение (practical reasoning), риск при дефиците времени и информации. Реализация решения = событие		
Доверие	Врач стремится излечить и сохранить тайну.	Необходимость гражданских инстанций, перед которыми исполнительные институты несут ответственность. Публичность, прозрачность. Роль СМИ
Большой хочет выздороветь и имеет право знать диагноз и лечение.	Власть хочет разрешить конфликт (проблему)	
Гражданин хочет решить проблему и знает способ ее решения	Врач не должен злоупотреблять слабостью, незнанием и зависимостью больного.	
Риск	Власть (суд) не должна злоупотреблять зависимостью гражданина	
Большой не должен требовать бессмертия.		
Гражданин не должен требовать решения исключительно в свою пользу		

Рис. 1.1. Аналогия медицины и политики

- участвует в социализации личности, усвоении ею норм и ценностей политической жизни конкретного общества, открывая личности возможность участвовать в жизни общества, реализовывать свои интересы в соответствии с принятыми политическими нормами, правилами;
  - способствует обретению личностью сопричастности политической общности;
  - выступает средством консолидации социальных сил и общества в целом.

В анализе и изучении политической культуры, таким образом, важны не только ценностные ориентации в поведении – в характере политической культуры необходимо учитывать также роль норм, институтов, политической системы, неоднозначность взаимоотношения политической культуры и политической системы, их взаимовлияние. Важны также учет динамики политической культуры, различных темпов ее регионального развития, наличие и роль этнических, религиозных, возрастных, гендерных субкультур.

Тем самым на первый план в формировании и развитии политических культур выходят:

- ценностно-нормативные факторы формирования и развития общества;
- стадии институционализации ценностно-нормативных комплексов культуры;
- взаимосвязь политических и деловых национальных культур с субкультурами, включая организационные и корпоративные культуры.

1.2. Основные подходы к концептуализации политической культуры

Термин «политическая культура» (political culture), предложенный в 1956 г. Г. Алмондом для обозначения «специфических моделей ориентации на политические действия»¹, сегодня имеет уже более широкое значение.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих фор-

¹ Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3. P. 396.

мирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, то и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Поэтому нередко под политической культурой понимают политическое поведение в зависимости от ценностных ориентаций. Так, Т. Парсонс и Э. Шилз определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике. Р. Карр и М. Бернштейн полагали, что политическая культура — это установочная и поведенческая матрица, способ политического поведения социальной группы и природа политических верований и ценностей ее членов. По мнению Г. Алмонда и С. Вербы, политическая культура зависит от того, как политическая система интернализируется (переводится в субъективный план сознания личности) в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения.

Трудности концептуализации политической культуры обусловлены тем, что данное понятие претендует на роль мостика между микро- и макроуровнями политики. Предполагается, что разделяемые членами определенного сообщества исторически сложившиеся ценностные установки, репертуары смыслов, модели поведения и прочее, значимы для понимания политических явлений и процессов, поскольку они определяют особенности функционирования институтов и пределы их изменений. Наличие такого рода связей интуитивно не вызывает сомнения, однако выработать систему понятий для их описания оказывается не так просто. Наиболее принципиальным водоразделом для концептуализации политической культуры является интерпретация ее как психологического феномена, фиксируемого на уровне субъективных ориентаций или же как свойства сообщества, выявляемого на социальном уровне. Конечно, эта альтернатива скорее обозначает полюса, к которым в большей или меньшей степени тяготеют разные трактовки. Однако выбор «полюса» предопределяет последующую методологию исследования. Можно выделить два подхода к концептуализации политической культуры.

Сторонники первого, психологического подхода интерпретируют политическую культуру как *совокупность социально-психологических свойств, которые проявляются на индивидуальном уровне*, будучи следствием сходного политического опыта или исторических условий социальной группы. Этот подход развивается в русле методологического индивидуализма, доминирующего в англо-американской политической науке. Именно он был реализован в концепции Алмонда и Вербы, предположивших, что политическое поведение индивидов определяется не только их рационально понятыми интересами, но и усвоенными в процессе социализации ориентациями, располагающими действовать определенным образом в ситуациях того или иного рода. Вслед за Парсонсом создатели концепции политической культуры выделяли когнитивные, аффективные и оценочные аспекты ориентаций. Политическая культура, по их замыслу, может быть представлена как «специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной нации»¹. При этом предполагалось, что ориентации обладают внутренней связностью. Понимаемую таким образом политическую культуру можно «измерять» с помощью репрезентативных опросов, проводить сравнительные межстрановые и кросс-темпоральные исследования, подвергать полученные результаты статистическому анализу с целью проверки гипотез и т.д. Возможность применения количественных методов считается несомненным преимуществом данной концепции. Кроме того, данный подход позволяет изучать политическую культуру во всей ее сложности, выявляя сосуществующие в обществе субкультуры и фиксируя их соотношение и динамику. Он принципиально отказывается рассматривать политическую культуру как неподвижную и монолитную.

Вместе с тем такой подход уязвим для критики. Во-первых, трудно показать наличие связи между социальными установками индивидов и развитием политических институтов ввиду наличия множества промежуточных переменных, которые не всегда надежно контролируются. Во-вторых, можно усомниться в адекватности методики

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, 1989. P. 13.

исследования (напомним, что основным методом сбора данных были массовые стандартизированные интервью). В частности, критики ставили вопросы о том, в какой мере на основе декларируемых ценностей можно судить о поведении; насколько эквивалентны сравниваемые данные о политических ориентациях, полученные в разных культурных контекстах; в какой мере зафиксированные результаты отражают фундаментальные характеристики исследуемых культур, а в какой — их конкретный временной срез и т.п. В-третьих, культурное измерение политики не исчерпывается психологическими ориентациями по отношению к политическим объектам. Хотя предложенная Алмондом и Вербой интерпретация и позволяет операционализировать политическую культуру так, чтобы ее можно было исследовать количественными методами, то, что было оставлено за рамками, также весьма существенно.

Сторонники второго, «социетального» подхода рассматривают политическую культуру как *свойство социальных коллективов*, которое укоренено в исторически обусловленных социальных практиках и репертуарах смыслов, определяющих действия индивидов и функционирование институтов. С этой точки зрения изучать политическую культуру — значит исследовать, как это историческое наследие влияет на развитие и изменение социальных и институциональных практик. В рамках такого подхода предлагаются разные способы концептуализации политической культуры.

Один из них — интерпретация ее как *исторически складывающихся символических структур*, восходящая к работам известного антрополога К. Гирца. Исходной посылкой этой интерпретации является тезис о том, что человек действует в определенной системе смысловых значений, которая и есть поле культуры. Ориентация в социальном пространстве предполагает наличие некоторых систем смыслов (своеобразный культурологический эквивалент социологическому понятию «ориентации»), которые опираются на предшествующий культурный опыт.

Другое направление в концептуализации политической культуры, тяготеющее к «социетальному полюсу», фиксирует внимание на *культурных основаниях поведенческих практик*. В 1980-х гг. интерес к интерпретируемой таким образом политической культуре был стимулирован раз-

витием «нового институционализма». Пожалуй, наиболее известной работой, написанной в русле данного подхода, стала книга Р. Патнэма¹, продолжившая линию исследований Алмондом и Вербой связей между исторически складывающимися культурными основаниями политических систем и условиями стабильности демократических режимов.

«Социетальный» подход больше ориентирован на использование интерпретативных методов; он хуже поддается операционализации, его сложно использовать в сравнительных исследованиях, отсюда — ограниченные возможности его эмпирической проверки и его объяснительного потенциала. Поэтому значительная часть исследований политической культуры ведется в рамках изучения динамики ценностных ориентаций.

1.3. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации

Традиционно в анализе политических культур в качестве базовой рассматривается типология политических культур, выработанная в 1963 г. на основе анализа политических систем Великобритании, Италии, Мексики, США² и ФРГ³) Г. Алмондом и С. Вербой, которые выделили три чистых типа политических культур:

1. Приходская, патриархальная (parochial culture) — ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни.

2. Подданническая (subject culture) — пассивное и отстраненное отношение к политической системе, без стремления изменять что-либо, участие в политической жизни (в том числе сознательно) «по традиции», «ритуально».

3. Участническая (participant culture) — активистский тип, где граждане проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти,

¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала : Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. А. Захарова. М. : Ad Marginem, 1996.

² Соединенные Штаты Америки.

³ Федеративная Республика Германия.

воздействовать на нее, используя законные способы влияния, включая протесты.

Чистые типы в реальной политической жизни встречаются чрезвычайно редко. Чаще имеет место их смешение, наложение, распределение по субкультурам. Например, представители делового мира, а также молодежь, могут демонстрировать активную культуру участия, тогда как некоторые другие группы (профессиональные, возрастные, этнические, гендерные, региональные) нередко склоняются к культуре приходского типа. Оптимальной Алмонд и Верба полагали смешанный тип — «культуру гражданственности», свойственную Великобритании и США, с соотношением чистых типов 1:3:6. Для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, а для демократии, установленной сверху, 55:40:5.

Основания этой типологии, прежде всего сама концепция гражданской культуры, неоднократно подвергалась критике. Во-первых, она основана на трактовке культуры как системы ценностных ориентаций, не затрагивая факторы порождения таких ориентаций. Во-вторых, она носит отчетливо оценочный (если не апологетический) характер, определяя степень близости к поведению, свойственному гражданам развитых демократий. В-третьих, авторы не учитывали различные исторические и общекультурные традиции, а также всевозможную смысловую нагрузку терминов, что приводило к парадоксальным выводам: так, получалось, что политическая культура США и Великобритании во многом сходна с культурой СССР с его активностью граждан на выборах.

Позже Алмонд предложил другую типологию, разделив политические культуры на два типа: поляризованный и консенсусный. Однако эта типология тем более нуждалась в конкретном наполнении ее характеристик относительно проблем и природы поляризации и консенсуса (интеграции) социума. А главное — этот подход также оставлял политической культуре статус сугубо психологического феномена, не выходящий за рамки, в лучшем случае, социальной психологии¹.

¹ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2 (57). С. 122–144.

Впоследствии базовая концепция была развита У. Розенбаумом, дополнившим ее видами ориентации на политические объекты относительно:

- институтов государства (относительно политического режима, реакции на его решения);
- «других» (политическая идентичность, доверие, отношение к «правилам игры»);
- собственной политической деятельности (политическая компетентность и активность).

По степени консенсуса в обществе между его членами касательно вопросов политического устройства и определения правил политической «игры» Розенбаум выделил два крайних положения общества для такой модели: фрагментарное и интегрированное. Для фрагментарного общества, по его мнению, характерно отсутствие какого-либо единого согласованного решения касательно политического устройства страны, следующее из этого нестабильное положение правительства, минимальный уровень доверия между общественными группами, отсутствие всеми принятых процедур улаживания социальных конфликтов. Для интегрированного типа общества характерно прямо противоположное: развитое гражданское общество, непротиворечивость и согласованность политических идентификаций, улаживание возникающих социальных конфликтов при помощи гражданских процедур, высокий уровень доверия среди общественных групп, лояльность в отношении существующего политического режима, а также низкий уровень политического насилия. Что примечательно, такой тип политической культуры присущ и поддерживается в странах с высоким уровнем образования и материальной обеспеченности граждан.

Эти идеи были дополнены в 1980-х гг. Д. Каванахом, предложившим различие гомогенных (однородных) политических культур, которым свойственно единство общества, толерантность, и культур фрагментарных с их конфликтной оппозиционностью субкультур. Помимо двух чистых типов, он выделил «смешанную» политическую культуру, которая обладает ценностными ориентациями, отличными от ценностей и норм установленного режима, а также «искусственно гомогенную» политическую культуру, которая характеризуется своим подданническим

характером, одновременно соединенным с мобилизованным участием. Данная типология носит отчетливо выраженные черты теории *ad hoc*¹ — подгонки под классическую типологию и одновременно — под ту реальность, которая в нее не укладывается.

В 1990-х гг. голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предприняли попытку усовершенствовать типологию Г. Алмонда и С. Вербы, выделив три переменные: интерес к политике, легитимность и участие. Каждый из этих факторов был операционализирован и при измерении классифицирован на высокие, средние и низкие показатели. По результатам комбинаций измерений признаков авторами были выделены пассивные и активные политические культуры. Тем самым была сохранена преемственность с идеей Алмонда и Вербы, что основной функцией политической культуры является регулирование активности политического участия, а основание для классификации политических культур — суть активность политического поведения.

Такой подход стал очевидным вкладом в операционализацию традиционного понимания политической культуры. Хотя он и оказался достаточно уязвимым для критики. Так, вряд ли приходская культура обладает низкой легитимностью. Она соответствует авторитарному режиму и традиционной легитимности, где доверие не зависит от политической компетентности носителей этой культуры. Скорее можно говорить о комбинации низкого интереса, высокой легитимности и низкого участия. Наверное, нельзя отрицать и вариант, в котором все индикаторы могут иметь низкие значения: его можно рассматривать как «нулевой» уровень развития политической культуры, как политическое бескультурье. Более того, в этой типологии, если к понятию культуры участия подходить формально, то к ней можно отнести и культуру подданническую, которой может быть свойственна большая степень участия, которое может быть навязанным, как это было, например, в СССР. Другой разговор, что это участие было недобровольным и негражданским: низкий интерес и высокое участие могут сочетаться только в случае принуждения или ритуализации. Но зало-

¹ *Ad hoc* (лат.) — «по месту»; является латинской фразой, означающей «к этому, для данного случая, для этой цели». Как правило, используется для обозначения решения.

женные в модели критерии эту специфику не улавливают. Кроме того, в предложенной типологии автономная политическая культура и политическая культура участия оказывается вариантами протестной — средний или высокий интерес, низкая легитимность, высокое участие. Но протестной культуре свойствен больше интерес, чем заложен в типологию. У протестующих по определению не может быть низкого интереса к политике, так как протест является и результатом этого интереса и стимулом для реализации нового интереса.

Таким образом, в развитии традиционной модели политической культуры четко прослеживается тренд к накоплению *ad hoc* и выходу за рамки социальной психологии. Однако во всех этих случаях политическая культура рассматривается как психологический феномен фактически сводится к мотивации.

Попытки преодолеть сугубо психологическое понимание политической культуры как ориентации политического поведения индивидов предпринимались неоднократно. Можно выделить в этой связи две тенденции.

Во-первых, это различие микро- и макроуровней анализа с попытками говорить об их соотношении, например, в духе соединения психологических и социологических аспектов анализа. Это открывает возможность на микроуровне в анализе конкретных политических государственных и общественных организаций применять хорошо разработанные типологии корпоративных (организационных) деловых культур. А на макроуровне рассматривать «национальные политические культуры» вроде политико-исторических описаний либо концепций типа «духа нации» И. Гердера и русских славянофилов. Другой возможностью реализации такого подхода может быть различие общей политической культуры и субкультур, которые являются совокупностью ориентаций и моделей поведения в политической сфере. Общая политическая культура характеризуют политическое поведение и сознание основной массы населения, а субкультура — совокупность политических моделей и ориентаций политического поведения, характерных для определенных социальных групп и регионов, которые отличаются от доминирующей в обществе культуры: социально-классовые, национально-этнические, религиозные, региональные и т.д.

Во-вторых, неоднократно предпринимались попытки преодоления субъективно-психологического понимания политической культуры с помощью институционального подхода. Тем самым преследовалась цель проследить влияние на политическую культуру экономических и правовых факторов. Примерами прослеживания такой взаимосвязи могут служить как ранние работы советских марксистов, в которых политическая культура сводится к политической системе, так и более зрелые работы отечественных обществоведов и историков (Ю. С. Пивоваров). За рубежом также предпринимались попытки сведения политической культуры к политической системе. Однако в контексте развитости в политических науках понятий «политическая система», «политическая структура», «политические организации», идея политической культуры как их аналога оказалась излишней.

Это, в свою очередь, на долгие годы предопределило предвзятое отношение специалистов к самому термину «политическая культура» как малопродуктивному концепту, глубоко вторичному по отношению к политической реальности.

Поэтому представляется полезным обратиться к концептуальному опыту общей теории культуры (культурологии), в которой выработано (и доминирует) понимание культуры как внешнего «кода», усваиваемого личностью. В этом случае акцент переносится из субъективного плана в объективный, открывая возможность рассмотрения их взаимодействия, позволяя выявлять и отслеживать причинно-следственные отношения в формировании и развитии политической культуры, что, как следствие, открывает возможность воздействия на эти процессы. Действительно, если рассматривать культуру как нечто, формирующее личность, ее оценки, отношения и установки, то целесообразно сначала рассмотреть само это нечто, его содержание и структуру. И очевидно, что это «нечто» имеет социальную природу, связано с регулирующим воздействием социума на личность. В культуре и с помощью культуры реализуются как социальность личности, так и личность социума, который существует только благодаря индивидам-носителям определенной культуры.

В этом плане полезно и поучительно обратиться к опыту изучения деловых культур.

1.4. Типологии национальных деловых культур

Деловая культура — составная часть культуры общества в целом. Поэтому в разные эпохи, в различных цивилизациях, странах и обществах формировались и формируются весьма специфичные деловые культуры, значительно отличающиеся по системе приоритетов, стилю ведения дел, агрессивности, допустимым рискам, способам разрешения конфликтов и т.д.

В этом плане национальные деловые культуры самым непосредственным образом воздействуют на формирование и развитие политических национальных культур, во-первых, в силу тесной взаимосвязи политических и деловых элит, экономической жизни и политики. Национальные деловые культуры, определяя поведение людей в бизнесе, с неизбежностью оказывают влияние на политическую культуру: хотя бы потому, что вся политика суть «концентрированное выражение экономики». Во-вторых, конкретные отношения и технологии, характеризующие политическую жизнь, могут рассматриваться как часть деловых отношений между людьми и организациями. В-третьих, концепции национальных деловых культур важны тем, что они опираются на реальные многолетние научные исследования, доказавшие свою релевантность: учет такого подхода дает более объективную характеристику, чем психологически ориентированная и оценочная модель Г. Алмонда и С. Вербы. И некоторые модели дают выход на организацию социальной и межличностной коммуникации, что принципиально важно для учета организации и динамики политического опыта и культуры.

Особый интерес представляет сопоставление деловых культур, сформировавшихся в культурах различных обществ. Здесь возможно два основных подхода: исторический (диахронический) и типологический (синхронический). В первом случае речь может идти о сопоставлении деловых культур различных цивилизаций и эпох, их динамике и преемственности. Во втором — о сопоставлении деловых культур различных народов. При всей важности исторического подхода, в дальнейшем рассмотрении акцент делается на типологическом подходе, поскольку он открывает широкие возможности сравнительного анализа. Пожалуй, наиболее продуктивным в этом плане ока-

зываются подходы Г. Хофстеде и Р. Льюиса¹, предложивших типологии национальных деловых культур, которые широко используются в практике международных и кросс-культурных коммуникаций, включая политические.

Анализ национальных культурных типов управленческой деятельности, выполненный Г. Хофстеде в 1960–1980 гг., опирался на данные опроса более 60 тыс. респондентов в 70 странах мира об их отношении к труду, жизненным целям, к начальству, сослуживцам, производственным вопросам. Исследование показало, что на формировании деловой культуры решающим образом сказываются базовые ценности национальных и этнических культур, определяющие культурную идентичность участников бизнес-процесса. Хофстеде выделил четыре базовых критерия, по которым отличаются национальные деловые культуры: масштаб власти (Power Distance Index, PDI), снижение неопределенности (Uncertainty Avoidance Index, UIA), индивидуализм и коллективизм (Individualism/Collectivism Index, IND), мужественность и женственность (Masculinity/Femininity Index, MAS) (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Показатели по странам в соответствии с критериями Г. Хофстеде²

Страна	PDI	UIA	IND	MAS
Австралия	36	51	90	61
Австрия	11	70	55	79
Аргентина	49	86	46	56
Бельгия	65	94	75	54
Великобритания	35	35	89	66
Германия	35	65	67	66
Голландия	38	53	80	14
Греция	60	112	35	57

¹ Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999.

² См.: Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml (дата обращения: 20.07.2014).

Окончание табл. 1.1

Страна	PDI	UIA	IND	MAS
Дания	18	23	74	16
Израиль	13	81	54	47
Индия	77	40	48	56
Испания	57	86	51	42
Италия	50	75	76	70
Канада	39	48	80	52
Мексика	81	82	30	69
Норвегия	31	50	69	8
Португалия	63	104	27	31
США	40	46	91	62
Финляндия	33	59	63	26
Франция	68	86	71	43
Швеция	31	29	71	5
Швейцария	34	58	68	70
Югославия	76	88	27	21
Южная Африка	49	49	65	63
Япония	54	92	46	95

Масштаб власти характеризует, в каком объеме общество признает неравномерное распределение власти. Руководство стремится при расширении зоны своей власти дистанцироваться от подчиненных, которые, в свою очередь, стремятся эти параметры сократить. Достижимое равновесие и обуславливается культурными особенностями. Оказалось, что PDI коррелирует с географическим положением, количеством и плотностью населения, благосостоянием общества, историческими традициями и политическим устройством:

- в южных и тропических странах масштаб власти выше, чем в странах с умеренным и холодным климатом;
- в странах с высокой плотностью населения масштаб власти наиболее высок;
- благосостояние (то ли как причина, то ли как следствие) связано со снижением масштаба власти;

- страны, имевшие длительный опыт имперской истории (например, романские) или колониальной зависимости, имеют более высокий масштаб власти, чем не имевшие такого опыта;

- страны с низким масштабам власти тяготеют к демократической государственности при политической стабильности (Австрия, Германия, Швеция, Швейцария, США), тогда как страны с высоким масштабам власти склоняются к стабильному авторитарному правлению, а для стран со средним масштабам власти характерна политическая нестабильность (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Соотношение признаков низкого и высокого PDI

Низкий PDI	Высокий PDI
Антиавторитарное воспитание	Авторитарное воспитание
Принятие решений при обсуждении с подчиненными	Автократическое принятие решений
Жесткий контроль оценивается негативно	Жесткий контроль
Иерархия рассматривается как ролевая при равенстве прав	Неравенство как основа порядка, система привилегий
Плюрализм и мультикультурализм Децентрализация	Авторитаризм и элитаризм Централизация
Различия в статусе невелики	Большие различия в оплате труда

Снижение неопределенности. Неопределенность в отношении будущего — один из базисных факторов человеческого бытия, и в разных культурах используются разные механизмы и способы снижения такой неопределенности:

- страны с высоким UIA придают большее значение государственному регулированию, чем с низким;
- в странах с низким UIA слабо выражено стремление к детальной регламентации различных сфер жизни, удостоверению личности и т.п.;
- в странах, недавно перешедших к демократическому правлению, UIA выше, чем в странах старой демократии;
- в странах с имперским культурно-историческим наследием UIA выше (табл. 1.3).

Соотношение признаков низкого и высокого UIA

Низкое UIA	Высокое UIA
Готовность жить, не думая о завтрашнем дне	Страх перед будущим
Мобильность	Ограниченная мобильность
Мотивация к достижению успеха	Низкая достижительная мотивация
Готовность рисковать	Нежелание риска
Терпимость к погрешностям	Нетерпимость ко всяким отклонениям
Избегание агрессивности	Агрессивность в конфликтах и конкуренции
Конструктивное использование конфликтов и конкуренции. Признание различий во мнениях	Сильная потребность в согласии и одобрении авторитета
Нежесткая идентичность	Высокая идентичность
Слабые регламентация и ритуализация	Жесткая регламентация, стандартизация и ритуализация
Прагматизм и релятивизм	Идеологическое, доктринальное мышление, стремление к абсолютной истине
Доминирование стратегического мышления	Ориентация на решение отдельных задач
Гибкость	Ригидность и инерционность
Разнообразие стилей	Стремление к унификации

Индивидуализм и коллегиальность. Высокий индивидуализм связан с независимостью индивида от организации, членство в которой для него имеет инструментальный, прагматичный характер. Коллегиальность же опирается на высокое значение отношений в организации, за пределами которой индивид выступает как ее представитель. Параметр IND коррелирует с экономическими, географическими и демографическими особенностями:

- существует сильная позитивная зависимость индекса IND от благосостояния общества — богатые страны более индивидуализированы, нежели бедные;

- страны с умеренным или холодным климатом более индивидуализированы, чем страны с климатом более теплым или жарким;
- страны более населенные и с более плотным населением индивидуализированы в меньшей степени;
- использование современных технологий предполагает большую степень индивидуализации (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Признаки индивидуализма и коллегиальности

Индивидуализм	Коллегиальность
Эмоциональная независимость	Эмоциональная зависимость от фирмы
Индивидуально принимаемые решения	Предпочтение групповых методов принятия решений
Разнообразие мнений	Стремление к единообразию
Стремление к переменам	Избегание перемен
Самоопределение	Социальная система как основа идентичности
Организация как функция	Организация как семья
Рост в зависимости от достижений	Возрастное продвижение по службе

Мужественность и женственность. Индекс мужественности (табл. 1.5) демонстрирует, насколько общество отдает

Таблица 1.5

Признаки мужественности и женственности

Мужественность	Женственность
Заслуги, признание	Контакты с начальством
Требовательность	Приятная рабочая атмосфера
Индивидуальный поиск решений	Групповое принятие решений
Высокая достижительная мотивация	Низкая достижительная мотивация
Ориентация на деньги и материальные ценности	Ориентация на взаимоотношения
«Жить, чтобы работать»	«Работать, чтобы жить»

Окончание табл. 1.5

Мужественность	Женственность
Рациональность	Интуиция
Неравенство полов, мужские и женские профессии	Равенство полов
Влияние профессии на частную жизнь	Четкое разделение рабочего и свободного времени

предпочтению самоутверждению, успешности, материальному успеху, конкуренции, честолюбию («мужские» ценности) по сравнению с предпочтением профессиональной безопасности, содержанием общения и качеством жизни («женскими» ценностями):

- MAS тем выше, чем страна расположена ближе к экватору;
- наименьший MAS в северных странах;
- католические страны более мужественны, чем протестантские;
- немецкоязычные страны имеют высокий MAS, англоязычные — выше среднего, романские — ниже среднего.

В этой связи несомненный интерес вызывает влияние национальной деловой культуры на процесс разработки инноваций. Ряд исследований показал взаимосвязь между национальной культурой и разработкой инноваций посредством установления зависимости между процессом разработки нового продукта, с одной стороны, и пятью параметрами национальной культуры — индивидуализмом, глубиной властных полномочий, мужественностью, избеганием неопределенности — с другой стороны. Оказалось, что индивидуализм способствует выработке новых идей, тогда как на стадии внедрения он оказывается скорее помехой, в то время как коллективистская деловая культура становится эффективной. Аналогичная ситуация складывается и по параметру власти: малая глубина властных полномочий способствует разработке новых рыночных продуктов, но большая их глубина и концентрация облегчает реализацию проектов. В свою очередь, низкая степень мужественности (благодаря вниманию к персоналу, установлению теплого, поддерживающего климата) позитивно влияет на начальную стадию разработки, но высокая степень мужественности деловой культуры способствует успешной реа-

лизации на стадии внедрения. Низкий уровень избегания неопределенности благоприятен на стадии инициализации нового продукта, а высокий — благоприятен на стадии внедрения, поскольку делает упор на жесткое планирование и контроль.

Реализуемая на этой основе типология позволяет строить модели взаимодействия, стратегию переговоров и другие формы сотрудничества представителей различных деловых культур.

Не менее эффективную для практических целей типологию предложил президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга Р. Льюис, согласно которому в зависимости от способов организации деятельности можно различать три основных типа деловых культур:

1. Моноактивные (task oriented) — ориентированные на решение конкретных проблем, когда деятельность разбивается на последовательные этапы решения этих проблем и не отвлекается на другие задачи. Такие деловые культуры свойственны англосаксонским странам, Германии и скандинавским странам (кроме Финляндии).

2. Полиактивные (people oriented) — в которых одновременно может совершаться несколько дел, чередуемых по сиюминутной привлекательности и часто не доводимых до конца. Главная ориентация не на конкретную задачу, а на людей, заинтересованных в ее решении и участвующих «в процессе». Примеры таких культур дают страны Южной Европы, Латинской Америки, арабские государства.

3. Реактивные (respect oriented) — ориентированные на обеспечение общей гармонии культуры, в которых деятельность осуществляется не по плану, а в зависимости от изменяющихся контекста и условий. Яркие деловые культуры этого типа характерны для Японии, Китая и Финляндии.

Деловые культуры, принадлежащие каждому из названных типов, существенно отличаются по ряду особенностей.

Прежде всего, **идентичностью** носителей этих культур, т.е. разделяемыми ими базовых ценностей конкретных национальных культур. «Я-образ» — неотъемлемая и центральная часть самосознания и самовосприятия личности, определяющая образ мысли и поведения человека. Речь идет не о внешнем имидже, а о том, что, в итоге, этот имидж

определяет: как человек относится к самому себе, другим людям, как определяет свое место в мире, среди других людей, что считает допустимым, а что — невозможным для себя и т.д. Речь идет о религиозных взглядах, чтимых исторических личностях и событиях, национальных героях, деятелях культуры, праздниках, уровне образования и нравственной культуры. Важнейшую роль играет религия. Не случайно моноактивные культуры, по преимуществу, протестантские, полиактивные связаны с католицизмом, православием, отчасти — исламом, реактивные — конфуцианством, даосизмом, чань- и дзен-буддизмом.

Ключевую роль в идентичности играет **язык**. Нетрудно заметить, что моноактивные культуры характерны преимущественно странам с германской группой языков, полиактивные — романоязычным, реактивные — говорящим на языках китайской и финно-угорской групп. Национальный язык формирует образ мысли, владение им открывает доступ к соответствующей культуре. Незнание иностранного языка или плохое владение им создает серьезные проблемы в деловом и бытовом общении: от простых неурядиц и недоразумений до языкового барьера.

Не менее важны отличия в **мировоззрении**, среди которых особый интерес представляет отношение ко времени и его использованию. Речь идет о своеобразной метафизике времени, определяющей течение жизни, планирование работы, распорядка дня.

В моноактивных культурах время объективно и линейно. Прошлое не значимо, а настоящее пока еще можно ухватить, расчленив на части и заставить работать на будущее, которое также поддается линейному пошаговому планированию. В результате жизнь и работа регламентируются расписаниями, графиками и т.д. Человек вынужден подделываться, подстраиваться под определенные лимиты времени. Носители такой культуры озабочены деловой насыщенностью времени и не могут заниматься несколькими делами параллельно. Они предпочитают делать конкретное дело в определенное время, сосредоточившись на нем и стремясь уложиться в запланированные сроки, полагая, что таким образом успеют сделать больше и лучше, а значит и больше заработать денег. Буквально — «время — деньги». Этот принцип, очевидный для американца, немца, даже англичанина, совершенно неочевиден для итальянца, даже

француза и тем более — для русского: в России, особенно в советское время, наиболее преуспевшим считался тот, кто мог обеспечить себе солидное вознаграждение малым трудом или вовсе без него.

В полиактивных культурах время субъективно и пластично, легко поддается изменению его содержания, переносам, откладываниям (в духе знаменитого испанского тапана (завтра!)), его легко приспособлять «под себя», с ним можно обращаться, не глядя на часы. Испанец или араб не понимают американца или немца, стремящихся не опоздать, имеющих на все определенный лимит времени. Они считают, что тем самым люди сами себе создают совершенно ненужные проблемы. Нередко такое отношение ко времени и жизни оказывается не менее эффективным, чем в моноактивных культурах. Зачем придерживаться графика и расписания, если изменились обстоятельства и всплыл какой-то более важный вопрос. Там, где американец будет упорно обсуждать одну задачу, чтобы затем перейти к следующей, мексиканец или грек успеют решить обе, а то, что для этого придется отложить какие-то другие дела и встречи, то они тоже будут решены таким же образом, по мере реального появления заинтересованных участников. Прошлое в этих культурах значимо, в нем коренится настоящее. Поэтому действия и решения нуждаются в объяснениях типа «почему», «кто виноват» и т.п., несущественных в моноактивных культурах.

В реактивных культурах время циклично, а не уносится в будущее. Зато люди могут становиться мудрее. Поэтому восточный человек, в отличие от западноевропейца или американца, не спешит принимать решение, не любит пошаговые обсуждения, стремясь понять и глубоко осмыслить весь контекст. Но зато, когда он понял ситуацию, он действует удивительно точно и быстро. А поскольку, по их мнению, время вечно, то для них крайне важны ритуалы, обозначающие различные фазы жизни и деятельности. Зачастую соблюдение таких ритуалов значимее предмета переговоров и их результатов — обстоятельство, плохо укладывающееся в сознании представителей других культур.

Такие мировоззренческие понятия с неизбежностью скажутся на отношении к **истине**. В моноактивных культурах «истина есть истина», а «факты — упрямая вещь», тогда как в культурах полиактивных истинность и правдивость

отстают перед интересами, честью и статусом, а в реактивных культурах вообще существует только конкретная ситуация.

Отношение ко времени определяет и отношение к **порядку**, жесткости соблюдения норм, предписаний, договоренностей, даже к закону. Ангlosаксы и немцы воспринимают решение, вошедшее в протокол встречи, как устный контракт, который вскоре будет оформлен в письменном виде как официальный документ. И такое решение, с точки деловой этики, следует выполнять, не возвращаясь к уже принятому решению. Японцы же и южноевропейцы, наоборот, не видят ничего зазорного, чтобы вернуться к пунктам, по которым уже было достигнуто согласие. При этом они считают неэтичным настаивать на выполнении решения, которое стало несостоятельным или бесполезным в силу изменившихся обстоятельств. В отличие от носителей моноактивной культуры, пекущихся о правовой стороне дела, содержащих для этого множество юристов, носители других культур более озабочены здравым смыслом происходящего. Зачем настаивать на выполнении достигнутых соглашений, когда развалился финансовый рынок или были приняты новые налоги? Представители таких культур отлично понимают возможность личных интересов с другой стороны, легче идут на удовлетворение этих интересов. Понимают необходимость «подмазать» чиновника, поскольку «закон — немецкий фокус», а есть конкретные интересы.

В разных культурах совершенно различны представления о природе и роли **лидерства**. Менеджеры в моноактивных культурах приобретают и демонстрируют технические умения, опираются на факты и логику, а не на чувства и эмоции, концентрируют внимание подчиненных на конкретной задаче и результатах. Они организованны, тщательно планируют и контролируют соблюдение сроков. Каждый работник может вносить свои предложения в обсуждение вопроса, но мнение руководства приоритетно и не оспаривается.

Полиактивные менеджеры больше полагаются на свое красноречие, умение убеждать, силу характера, социальный статус (происхождение, образование, родственные и дружеские связи). Сыновья, племянники, двоюродные братья и близкие друзья семьи часто занимают ключевые посты.

Задачи определяются наверху, стратегии и успех в значительной степени зависят от связей в обществе и министерствах, а также взаимовыгодного сотрудничества между властвующими семьями.

В реактивных культурах лидеры тоже ориентированы на людей, но управляют с помощью знания, терпения, спокойного контроля, способностью реагировать на весь комплекс взаимодействий, создания гармоничного настроения в команде. Приоритетно долговременное развитие фирмы. Менеджер, как и любой работник, — не отдельная личность, а представитель фирмы. Ни сам менеджер, ни его подчиненные или партнеры не должны терять своего лица.

Немаловажны также отличия в **стиле коммуникации**. Для моноактивных деловых культур характерно общение в стиле чередующихся монологов, использование логической аргументации, ее доказательность. Полиактивным культурам более присущ диалог, в котором одновременно могут участвовать несколько лиц, а убедительность зависит не столько от убедительности аргументов, сколько от яркости и эмоциональности. Представители реактивных культур — идеальные слушатели. Они стремятся не столько проявить свою точку зрения и позицию, сколько понять других.

Представители разных деловых культур по-разному относятся и к **источникам информации**. В моноактивных культурах основной упор делается на формальные источники деловой информации: статистику, справочники, деловые издания. В полиактивных — прежде всего пользуются неформальными источниками информации: личными контактами и связями, слухами. Наиболее широк круг источников информации в реактивных культурах, когда информация черпается из самого широкого круга источников. В ход идут официально сообщаемые данные и сплетни, сведения от друзей и знакомых, данные из средств массовой информации (СМИ) и от партнеров по спортивному клубу. Эти отличия определяют, например, совершенно различный подход к переговорам, их стратегии и тактике. Если для носителей моноактивных культур переговоры это способ принятия решения, они решают задачу «здесь и сейчас», то для представителей других культур переговоры — только способ сбора дополнительной информации, а решение они будут принимать не здесь и не сейчас. На переговорах их

интересует не предмет обсуждения, не что говорится, а кто и как говорит. Их главная цель — перспектива долгосрочных отношений, а не сиюминутная выгода.

Каждый из трех типов деловых культур можно охарактеризовать с учетом способов формирования информации, общего мировоззрения, прежде всего отношения ко времени, лидерству, собственно коммуникации (отношения к партнеру, тип аргументации, доля и характер невербальной коммуникации (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Характеристика основных типов национальных деловых культур по Р. Льюису¹

Тип культуры	Информация	Мировоззрение	Лидерство	Коммуникация
Моноактивные (Германия, Швейцария, скандинавские страны)	Объективная, формализованная	Время объективно, линейно, последовательно	Порядок, нормы	Рациональная доказательная аргументация, факты, логика, что говорится
Полиактивные (Италия, Латинская Америка, арабские страны)	Личностная, доверительная, неформальная	Время субъективно, пластично, «под себя», одновременно несколько дел	Красноречие, социальный статус, происхождение, связи	Эмоции, привлекательность, образность
Реактивные (Япония, Китай, Финляндия)	Отношения в обществе, широкий круг, включая слухи	Время циклично. Главное — достижения гармонии. Зависимость от контекста	Знание, терпение, учет интересов	Вежливость, уважительное выслушивание, консенсус, кто и как говорит

Так соотношение моноактивности и полиактивности можно представить в виде шкалы, в которой на одном

¹ См.: Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999.

полюсе будут наиболее моноактивные деловые культуры, на другом — выражающие наиболее радикально выраженные полиактивные характеристики (табл. 1.7).

Таблица 1.7

Соотношение моноактивности и полиактивности¹

Моно-, полиактивность	Национальные деловые культуры
Моноактивность = max, полиактивность = min.	Германия, Швейцария, США (WASP — белые англосаксы-протестанты), скандинавские страны, Австрия, Британия, Канада, Новая Зеландия, Австралия, ЮАР, Япония, Дания, Бельгия, США (субкультуры — еврейская, итальянская, польская и др.), Франция, Бельгия (валлоны), Чехия, Словакия, Хорватия, Венгрия, Италия (северная: Милан, Турин, Генуя), Чили, Россия (восточные и православные славяне вообще), Португалия, Полинезия, Испания, Италия (южная), другие средиземноморские народы, Индия, Пакистан, страны Юго-Восточной Азии, Латинская Америка, арабские страны, страны Африки
Моноактивность = min, полиактивность = max	

Характерные черты руководителей, принадлежащих моноактивным, полиактивным и реактивным деловым культурам можно привести в виде табл. 1.8.

Некоторые национальные деловые культуры давно и хорошо известны. Показательно сравнение японской и американской моделей менеджмента, предложенное Э. А. Уткиным (табл. 1.9).

Черты характера менеджеров различных деловых культур по Р. Льюису¹

Моноактивные	Полиактивные	Реактивные
Интроверт. Терпеливый. Ровный. Занят своими делами. Любит уединение. Систематически планирует будущее. Всегда делает только одно дело. Работает в фиксированное время. Пунктуальный. Подчиняется графикам и расписан. Разбивает проекты по этапам. Строго придерживается плана. Строго придерживается фактов. Черпает информацию из статистики, справочников, баз данных. Ориентирован на работу. Бесстрастен. Работает только внутри отдела. Следует установленной процедуре. Неохотно принимает покровительство. Поручает компетентным коллегам. Завершает цепь действий. Любит твердо установленную повестку дня. Говорит коротко по телефону.	Экстраверт. Нетерпеливый. Словоохотливый. Любопытный. Общительный. Планирует только в общих чертах. Делает одновременно несколько дел. Работает в любое время. Непунктуальный. График непредсказуем. «Накладывает» проекты друг на друга. Меняет планы. Подгоняет факты. Предпочитает информацию из первоисточника (устно). Ориентирован на людей. Эмоционален. Занимается делами всех отделов. Использует связи. Ищет протекцию. Поручает родственникам. Завершает межличностные взаимодействия. Связывает все со всем. Разговаривает часами. Делает пометки редко.	Интроверт. Терпеливый. Молчаливый. Почтительный. Хороший слушатель. Сверяет с общими принципами. Реагирует по ситуации. Гибкий график. Пунктуальный. Подстраивается под график партнера. Видит долговременную картину в целом. Вносит легкие коррективы. Утверждения носят общий характер. Пользуется всеми возможными источниками информации. Ориентирован на людей. Ненавязчиво заботлив. Занимается всеми вопросами. Непроницаемый, невозмутимый. Бережет репутацию другого. Поручает надежным людям. Реагирует на действия партнера. Внимателен к происходящему. Умело обобщает.

¹ См.: Льюис Р. Д. Указ. соч.

¹ См.: Там же.

Моноактивные	Полиактивные	Реактивные
Делает записи на память. Уважает официальность. Не любит терять лицо. В споре опирается на логику. Сдержанные жесты и мимика Редко перебивает. Разграничивает социально-личностное и профессиональное	Выискивает ключевую фигуру. Всегда готов извиниться. В споре эмоционален. Несдержанные жесты и мимика. Часто перебивает. Смешивает профессиональное и социально-личностное	Планирует медленно. Сверхчестный. Не может потерять лицо. Избегает конфронтации. Едва уловимые жесты, мимика. Не перебивает. Соединяет социально-личностное и профессиональное

Таблица 1.9

Сравнение японской и американской моделей менеджмента по Э. А. Уткину

Японская модель менеджмента	Американская модель менеджмента
Управленческие решения принимаются коллективно на основе единогласия	Индивидуальный характер принятия решений
Ориентация управления на группу	Ориентация управления на отдельную личность
Гибкая структура управления	Формализованная структура управления
Оценка управления по достижению гармонии в коллективе и коллективному результату	Оценка управления по достигнутому результату
Коллективный контроль	Индивидуальный контроль
Основное качество менеджера — умение осуществлять координацию и контроль	Главные качества менеджера — инициатива и профессионализм
Акцент на личных отношениях руководителя с подчиненными	Преимущественно формальные должностные отношения
Замедленная оценка работника и служебный рост	Быстрая оценка результатов труда и служебный рост

Японские коллективизм, трудолюбие, тяга к знаниям коренятся в конфуцианских ценностях и традициях, подкрепляемых опытом дзен-буддизма и государственным культом синтоизма. Вдобавок ко всему традиционный долг служения во второй половине XIX столетия (в эпоху Мэйдзи) молодыми самураями был переосмыслен как необходимость обеспечения экономического подъема с тем, чтобы страна заняла достойное место среди развитых держав. В результате в Японии сложилась деловая культура с высокой ролью государства, ориентацией на стабильность и минимизацию риска, конфликтности, достижение гармонии интересов участников дела. Сложившаяся система принятия решений «ринги» предполагает подготовку предложений снизу вверх и согласование практически на всех уровнях корпорации. Огромное значение придается статусу работника и партнера. Письменный контракт имеет в японской деловой культуре лишь самое общее, предварительное значение средства налаживания отношений — не более. Детально разработанный договор с конкретными обязательствами может восприниматься как выражение недоверия.

В Китае веками складывались конфуцианские традиции рационального управления. Однако к хозяйственной деятельности эта система ценностей относится с позиции чиновника, а не предпринимателя. Поэтому трудолюбие, рачительность, честность сочетаются с исполнительностью, почитанием старших по возрасту и должности, благосклонностью, справедливостью, стремлением к «золотой середине». Человек ориентируется не на конкретные цели и результат, а на межличностные отношения в иерархии, семье, и такая персонификация деловых отношений на хозяйственную деятельность оказывает неоднозначное влияние: с одной стороны, она стимулирует личную ответственность, с другой — тормозит личную инициативу.

Основой социальной стабильности в Китае считается социальное неравенство, определяемое пятью главными типами взаимоотношений, перечисляемых в порядке убывания значимости: правитель — подданный, отец — сын, старший брат — младший брат, муж — жена, старший друг — младший друг. Неравенство взаимоотношений означает не просто предоставления преимуществ главенствующему в отношениях, но и определенные его обязанности.

По традиции китайцы замкнуты в системе «расширенной семьи», где связи между детьми и родителями, дядьями и дедушками, двоюродными братьями и сестрами, семьями жены и мужа, с великим множеством прочих дальних родственников в самом Китае и за рубежом намного теснее, чем на Западе.

Особенности и перспективы российской деловой культуры обусловлены спецификой духовного опыта, уходящего корнями в восточно-христианскую традицию православия, о котором будет говориться в последней главе учебника. Многие специалисты отмечают парадоксальность российской деловой культуры. По типу делового поведения она близка к культуре латиноамериканской, т.е. полиактивной, «отношенческой», ориентированной скорее на создание и сохранение хороших отношений с партнером, нежели на конечный результат и эффективность. В то же время сами российские предприниматели предпочитают выбирать в качестве идеальных партнеров представителей моноактивной культуры: американцев, немцев, скандинавов.

Значение национальных и региональных деловых культур не следует преувеличивать. В некоторых случаях институциональная (корпоративная, организационная) культура фирмы может быть настолько сильной и специфичной, что национальная деловая культура может отходить на второй план. Именно это объясняет нередко встречающееся различие в эффективности схожих компаний, действующих в рамках одной и той же национальной культуры.

Более того, деловые культуры наиболее эффективных корпораций способствуют интеграции национально-этнических деловых культур. Перед современным человеком раскрывается разветвленная система возможностей самореализации, добиться успеха, признания и престижа в производственной, политической, научной сферах, искусстве и спорте. Постиндустриальному обществу с его обилием субкультур — национально-этнических, возрастных, локальных, профессиональных, досуговых — также свойственна терпимость (толерантность) к свободе выбора идентичности личности — от культурной до гендерной.

Для этой культуры, как и для постмодерна в целом, характерен акцент на индивидуальные начала, творчество, коммуникативное единство в сочетании с глубокой специализацией, возникновение нового коллективизма на этой

основе. Профессиональный труд в этих условиях приобретает новый смысл и новую мотивацию: из обезличенного занятия и способа зарабатывания денег он становится формой самовыражения, реализации личного творческого потенциала. В предпринимательстве все большее значение приобретают малые формы, максимально приближенные к индивидуальным особенностям и стилю.

К базовым ценностям складывающейся общемировой деловой культуры относятся ответственный труд, успех (личный, профессиональный, деловой), собственность, рациональность (в широком смысле — как практичность и эффективность), предприимчивость, профессионализм и качество. Человеку, знакомому с некоторыми особенностями российского духовного опыта, нетрудно заметить, что отношение в нем почти ко всем перечисленным ценностям неоднозначно. Это касается не только собственности и успеха, но и предприимчивости, качества и даже труда. Поэтому вопрос об интеграции России в мировую экономику и перспективы такой интеграции отнюдь не так просты, как это может казаться некоторым экономистам и политикам, сводящим все к макроэкономическим моделям.

Стратегия российского обновления должна ориентироваться на то, чтобы работать на опережение, учитывая не сегодняшний, а завтрашний день мировой науки и техники, социально-культурного прогресса и политических структур. Такая ориентация на опережение с учетом определения своего места в мировой глобальной экономике уже получилась в XX столетии у Японии и ряда стран Юго-Восточной Азии, почти удается и Китаю. Если можно предвидеть, что политическая элита и деловые люди будущего в своих отношениях будут использовать японский принцип «сохранения лица», немецкую пунктуальность, американскую практичность, китайскую философичность, то уже сейчас можно отметить во всем деловом мире признаваемый «русский вклад»: изобретательность в экстремальных, казалось бы — безвыходных обстоятельствах.

1.5. Типологии организационных деловых культур

Если типологии национальных деловых культур имеют значение для понимания природы национальных и региональных политических культур, то не менее значим для

понимания политической культуры опыт, накопленный в теории и практике формирования и развития организационных (корпоративных) культур, поскольку речь идет об опыте эффективного управления конкретными учреждениями и организациями. Политическая деятельность также осуществляется в организациях, конкретных органах власти, НКО, партиях и т.д., которые, по сути, являются такими же организационными формами нормативно-ценностных систем, что и компании, фирмы.

Концепции организационных (корпоративных) культур позволяют конкретизировать характеристику политической культуры на уровне конкретной организации и учреждений, операционализировать анализ, ориентировать его на динамику изменений. Речь идет о системе формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения и стиля руководства, показателей удовлетворенности условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентификации работников с организацией, перспективами ее развития. В результате организация, компания предстает культурой — в буквальном смысле, когда к ней применимы все характеристики любой культуры: нормы и ценности, традиции, эпос (герои и легенды), фольклор, ритуалы, «священные» даты и места, субкультуры. Тем самым обеспечиваются, с одной стороны, стабильность и узнаваемость организации на товарных рынках и рынке труда, а с другой — выступает мотивационным фактором развития и конкурентоспособности.

Американский исследователь У. Оучи выявил три основных вида организационных культур:

- 1) *рыночную* культуру, которая характеризуется господством стоимостных отношений и ориентацией на прибыль;
- 2) *бюрократическую* культуру, основанную на господстве регламентов, правил и процедур;
- 3) *клановую* культуру, дополняющую предыдущие. Ее основу составляют внутренние ценности организации. Источником власти здесь служат традиции.

Широкое распространение получила типология Ч. Хэнди, который выводит четыре основных вида культуры в организациях:

1. *Культура власти (Зевса)*. Ее существенный момент — личная власть, источником которой является обладание

ресурсами. Организации, исповедующие такую культуру, имеют жесткую структуру, высокую степень централизации управления, немногочисленные правила и процедуры. Они авторитарны, подавляют инициативу работников, осуществляют жесткий контроль над всем. Успех предопределяется квалификацией руководителя и своевременностью выявления проблем. Все это позволяет быстро принимать и реализовывать решения в условиях острой конкуренции. В таких фирмах подбор персонала осуществляется прежде всего с ориентацией на людей, которые по образу мышления похожи на шефа и способны самостоятельно и эффективно работать. Структура таких организаций напоминает паутину, в центре которой — сильный паук, управляющий всеми нитями.

2. *Ролевая культура (Аполлона)* свойственна для организаций, ориентированных главным образом не на личность, а на должность, функцию, рабочее место, нормы и правила, определена роль работнику и работа сверх роли не поощряется. Это бюрократическая культура, основывающаяся на системе правил и инструкций, характеризующаяся четкой специализацией, распределением ролей, прав, обязанностей, ответственности, специализацией участников, словом, всем тем, что обеспечивает административный успех. Она негибка, препятствует инновациям, затрудняет изменения. Пока фирма устойчива на рынке, ролевая культура гарантирует безопасность и предсказуемость. Как правило, организации с ориентацией на ролевую культуру конкурентоспособны в стабильной среде. Такая управленческая культура свойственна крупным корпорациям и государственным учреждениям.

3. *Культура личности (Диониса)* связана с эмоциональным началом, основывается на творческих ценностях и объединяет людей для достижения их личных целей. Решения здесь принимаются на основе согласования, поэтому задачей власти является координация. Организации этого типа часто создаются такими специалистами, как адвокаты, архитекторы, консультанты. Как правило такой тип культуры можно найти внутри большой организации, когда некоторая группа специалистов имеет сильную потребность в отстаивании своих интересов или прав на особый тип отношений (например, программисты, исследователи).

4. *Культура цели, задачи (Афины)* приспособлена к управлению в экстремальных условиях и постоянно меняющихся ситуациях, поэтому основное внимание здесь уделяется скорости решения проблем. Она основывается на сотрудничестве, коллективной выработке идей, общих ценностях. Власть покоится здесь на компетентности, профессионализме и обладании информацией. Этой культуре присуще совмещение в одной команде носителей разных функций, разных уровней компетентности и подчинение иерархической власти процессу разработки или исполнения задания. Вся деятельность в таких фирмах ориентирована на проекты, рабочие задачи. Создание временных творческих групп для решения конкретных задач, разработки проектов, позволяет каждому реализовать свой творческий потенциал и одновременно позволяет работать в нескольких группах над несколькими проектами, т.е. переходить из одной группы в другую. Организация культуры целей эффективна при высокой конкуренции, требующей мгновенной реакции. Это переходный тип управленческой культуры и способен перерасти в один из предыдущих. Он свойственен проектным или венчурным организациям.

К типологии Хэнди близка не менее распространенная типология различения культур:

1) *праксеологической* культуры — определение целей, выбор направлений деятельности рассматривается как средство повышения экономической эффективности, увеличения прибыли (близка культуре цели);

2) *предпринимательской* культуры — предпринимательская деятельность является средством привлечения ресурсов для дальнейшего развития (близка культуре личности);

3) *опекунской* (патриархальной) культуры, где средством достижения единства является выполнение принятых руководством решений, их разъяснение (близка культуре власти);

4) *бюрократической* культуры, в которой единство обеспечивается за счет разработки формальных процедур принятия решений, оценки, контроля и т.д. (близка культуре роли).

Типология, которая также содержит четыре главных вида корпоративных культур, была предложена Ф. А. Морозовым. Это:

1. *«Часовой механизм»*, когда организация функционирует на основе системы правил, процедур и стандартов,

соблюдение которых должно гарантировать ее эффективность, т.е. такая культура фактически является бюрократической (ролевой). Сослуживцы обычно не поддерживают неформальных отношений. Внутрифирменные сплетни не поощряются. Каждый знает и делает только то, что ему положено. Бюрократическая культура жестко ограничивает человека. Наряду с этим организация работает, как часы с хорошо отлаженным механизмом. В процессе подбора работников в компанию учитываются не столько профессиональные способности кандидатов, сколько их готовность точно исполнять должностные инструкции. В то же время им практически гарантирован постепенный карьерный рост. Но чрезмерно проворным работникам придется набраться терпения — необходимо сдерживать свои амбиции и ограничивать инициативность, которые при этом типе культуры просто неуместны. Тщательно отобранные специалисты, прекрасно выполняющие регламентированные обязанности, чаще всего не способны справиться с непредвиденными трудностями. Привычка следовать конкретным должностным инструкциям не позволит им действовать эффективно в нестандартной ситуации.

2. *«Культ личности»* формируется чаще всего в компаниях, где руководитель одновременно является еще и ее хозяином. Помимо административной власти он также наделен явно выраженными лидерскими качествами. Это фактически «силовая» культура власти (Зевса). Как правило, вокруг такого лидера сформирован особый круг приближенных сотрудников, с помощью которых он осуществляет руководство. Но последнее слово всегда остается за хозяином. Сотрудники в компании с такой культурой могут быть менее ограничены в своих действиях, чем в бюрократической организации, более инициативны и даже принимают участие в решениях. Но за ними осуществляется более жесткий контроль. При этом помимо формального исполнения обязанностей от людей требуется проявление лояльности по отношению к своему шефу, и именно этот фактор зачастую бывает решающим. В таких фирмах обычно приняты неформальные отношения между сотрудниками, совместные празднования и общение, выходящее за рамки офиса. Впрочем, служебная субординация всегда соблюдается, и права лидера неоспоримы. «Силовую» корпоративную культуру предпочитают компании, находящиеся в стадии

формирования, поскольку она способствует мобильности и легкой адаптации к любым изменениям на рынке. Однако в этом случае мобильность фирмы зависит, прежде всего, от личностных и профессиональных качеств ее лидера. Еще один недостаток организаций с «силовым» типом корпоративной культуры заключается в том, что она ограничивает рост предприятия. Зачастую руководители в таких компаниях не желают делиться властью. А эффективно управлять большим предприятием в одиночку невозможно. Специалисты по управлению считают, что лимит при авторитарном руководстве составляет 60 человек. Кроме того, стремление сохранить власть в одних руках лишает персонал компании видимых перспектив служебного роста. Поэтому на предприятиях с силовой культурой всегда сильная текучесть кадров, особенно среди специалистов низшего и среднего звена.

3. «Первый среди равных», когда в коллективе, как правило, работают специалисты с высоким уровнем профессионализма и личной ответственности. В принципе, такие работники могут вообще обойтись без руководителя. Личностная корпоративная культура предоставляет огромные возможности как для удовлетворения амбиций, так и для реализации личных интересов и инициатив сотрудников. В ее основе лежат способность специалистов договариваться между собой и их независимость друг от друга. Как правило, деятельность работников не контролируется «сверху», а только координируется. Подчиненные обладают большой самостоятельностью и могут работать по гибкому графику. Функции каждого работника не закреплены в инструкции и подчас даже не определяются его формальной должностью. Главный критерий эффективности в таких компаниях — профессиональное и четкое исполнение взятых на себя обязательств. При этом в фирмах с личностной корпоративной культурой обычно культивируются артельные, общинные, товарищеские отношения между сотрудниками. Для данного типа культуры характерна иерархичность отношений: руководитель занимает положение первого среди равных, а все решения принимаются коллегиально. Рядовые сотрудники в этом непосредственно участвуют и всегда в курсе планов руководства. Личностная корпоративная культура встречается нечасто. Как правило, она характерна для организаций, деятельность которых

требует творческого (креативного) подхода: в адвокатских конторах, консалтинговых фирмах, архитектурных бюро, дизайнерских студиях. Иногда она формируется не в самой организации, а в каком-то ее отделе или подразделении. Однако при всех преимуществах есть у такой культуры и недостаток — возможность анархии, столкновений амбиций сотрудников, несогласованность их действий. По этой причине долго она существовать не может. Чаще всего в такой организации выделяется лидер, и культура переходит в «силовую».

4. «Единая команда» — фактически целевая культура. Она формируется в фирмах, деятельность которых направлена на решение конкретных задач, например, в компаниях, действующих в условиях динамично развивающегося рынка. Организации с целевой корпоративной культурой, как правило, имеют довольно размытую структуру. И тем не менее должностные обязанности каждого работника здесь четко ограничены и расписаны, каждый отвечает за «свой» участок. Работа сотрудников жестко контролируется, и иногда используется система отчетности. Руководитель в таких организациях обычно выполняет функции «координатора» и не подчеркивает своего лидерства. Как и в фирмах с личностной культурой, решения принимаются коллегиально и сотрудники имеют доступ ко всей внутренней информации. Основное внимание в компаниях с целевой культурой уделяется профессионализму сотрудников, поскольку здесь приняты коллегиальные методы работы. Сослуживцы нередко поддерживают неформальные отношения. Целевая культура эффективна в тех случаях, когда ситуативные требования рынка являются определяющими в деятельности организации.

Одна из самых популярных типологий предложена К. Камерон и Р. Куинном в книге «Диагностика и изменение организационной культуры»¹. Их исследования «рамочной конструкции конкурирующих ценностей» привели к выводу, что типов организационных культур также четыре:

1. *Клановая* организационная культура характерна для очень дружелюбного места работы, где у людей много общего. Организации (подразделения) похожи на большие

¹ Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры : пер. с англ. / под ред. И. В. Андреевой. СПб. : Питер, 2001.

семьи. Лидеры или главы организаций воспринимаются как воспитатели и даже как родители. Организация держится вместе благодаря преданности и традициям. Делается акцент на долгосрочной выгоде совершенствования личности, придается большое значение сплоченности коллектива и моральному климату. Успех определяется как доброе чувство к потребителям и забота о людях. При этом типе организационной культуры организация поощряет бригадную работу, участие людей в бизнесе и согласие. Лидер в клановой культуре выполняет две роли: 1) помощника, улаживающего конфликты и занятого поиском консенсуса на основе «клановых» норм и правил, вовлечением людей в принятие решений и разрешение проблем; 2) наставника, заботливого и проявляющего участие к проблемам отдельных лиц.

2. *Адхократическая* (от лат. *ad hoc* — к случаю) организационная культура, в которой большую роль играет способность к решению конкретных проблем, нахождению новых решений. В подобной культуре основополагающую роль играет способность к творчеству. Такая организация — динамичное предпринимательское и творческое место работы. Ради общего успеха работники готовы на личные жертвы и риск. Лидеры считаются новаторами и людьми, готовыми рисковать. Связующей сущностью организации становится преданность экспериментированию и новаторству. Подчеркивается необходимость деятельности на переднем рубеже. В долгосрочной перспективе организация делает акцент на рост и обретение новейших ресурсов. Успех означает производство и предоставление уникальных новых продуктов или услуг, стремление лидировать на рынке. Организация поощряет личную инициативу, творчество и свободу. Лидер в такой организации выполняет две роли: 1) новатора, предвидящего изменения и лучшего будущего; 2) провидца, делающего акцент на возможностях и оценивающего вероятности результатов.

3. *Иерархическая* организационная культура — это культура организации очень формализованной и структурированной, в которой порядок и организация процесса ставятся превыше всего. Люди следуют официальным централизованным правилам, а все процессы формализованы. Часто ее называют бюрократическим типом организационной культуры. Тем, что делают люди, управляют

процедуры. Лидеры гордятся тем, что они — рационально мыслящие координаторы и организаторы. Предприятие объединяют формальные правила и официальная политика. Управление работниками предполагает озабоченность гарантией занятости и обеспечением долгосрочной предсказуемости. Этот тип организационной культуры доминирует в организациях, ориентированных на результаты и рынок. Главная цель организации данного типа культуры — выполнение поставленной задачи. Люди целеустремлены и соперничают между собой. Лидеры — твердые руководители и суровые конкуренты. Они непоколебимы и требовательны. Организацию связывает воедино акцент на стремлении побеждать. Репутация и успех составляют предмет общего раядения. Стиль организации — жестко проводимая линия на конкурентоспособность. Лидер в иерархической культуре выполняет роли: 1) инструктора, хорошо информированного эксперта; 2) координатора, осуществляющего текущий мониторинг организации работ.

4. *Рыночная* культура, в которой главным является достижение цели, основанное на конкуренции. Соперничество является основным мотивационным механизмом: люди целеустремлены и соперничают между собой. Лидеры — требовательные руководители и суровые конкуренты. Организацию связывает воедино акцент на стремлении побеждать. Репутация и успех являются общей заботой. Фокус перспективной стратегии настроен на конкурентные действия, решение поставленных задач и достижение измеримых целей. Успех определяется в терминах проникновения на рынки и увеличения рыночной доли. Важно конкурентное ценообразование и лидерство на рынке. Стиль организации — жестко проводимая линия на конкурентоспособность. Лидер в рыночной культуре: 1) боец, агрессивный и решительный в достижении целей в борьбе с конкурентами; 2) постановщик задач, ориентированный на принятие решений; 3) надсмотрщик, обеспечивающий реализацию принятых решений.

Важным элементом управленческой культуры организации является культура отношения к женщинам (как занимающим руководящие должности, так и рядовым исполнителям), определяющая их положение. В этой связи коллектив авторов, во главе с Д. Д. Вачуговым сформулировал следующие виды культур:

1) «культура джентльменского клуба» — культура вежливых, гуманных, цивилизованных людей, в рамках которой мужчины-менеджеры, основываясь на патерналистских позициях, мягко удерживают женщин на определенных ролях, не позволяя им подняться выше;

2) «культура казармы», деспотичная и свойственная бюрократическим организациям с множеством уровней управления, где женщины занимают низшие ступени, и к ним относятся грубо и презрительно;

3) «культура спортивной раздевалки», в рамках которой мужчины строят межличностные отношения на базе специфических мужских интересов, демонстрируют к женщинам открытое пренебрежение и в свой круг общения не допускают;

4) «культура равенства», отрицающая дискриминацию, но одновременно невидящая реальных различий между полами, игнорирующая женскую сущность, семейные обязанности женщин, а потому требующая от них выполнения тех же задач, что и от мужчин;

5) «культура ложной защиты женщин», в рамках которой идея равенства, основанная на общечеловеческих ценностях, подменяется мифами о равенстве: имеет место дискриминация в форме покровительства, когда женщин насильно привлекают к активной работе, постоянно напоминая им, что они — жертвы, нуждающиеся в поддержке;

6) «культура мышленных мачо», не принимающая во внимание половые различия, ставящая во главу угла просто умных и энергичных людей, умеющих в условиях жесткой конкуренции обеспечивать высокую экономическую эффективность работы фирмы.

Проведенный анализ различных взглядов на классификацию организационных культур позволяет сделать вывод о том, что практически все типологии организационных культур содержат устойчивую структуру из четырех основных чистых типов, наиболее удачно охарактеризованных Ч. Хэнди, К. Камерон и Р. Куинном. В результате эти типы можно рассматривать как некие оси, на которых строятся профили культур конкретных организаций: фактические, желаемые, проектируемые (рис. 1.2).

Опыт показывает, что, конкретная деловая культура складывается в зависимости от вида деятельности, конкретных задач, зрелости руководства и коллектива.

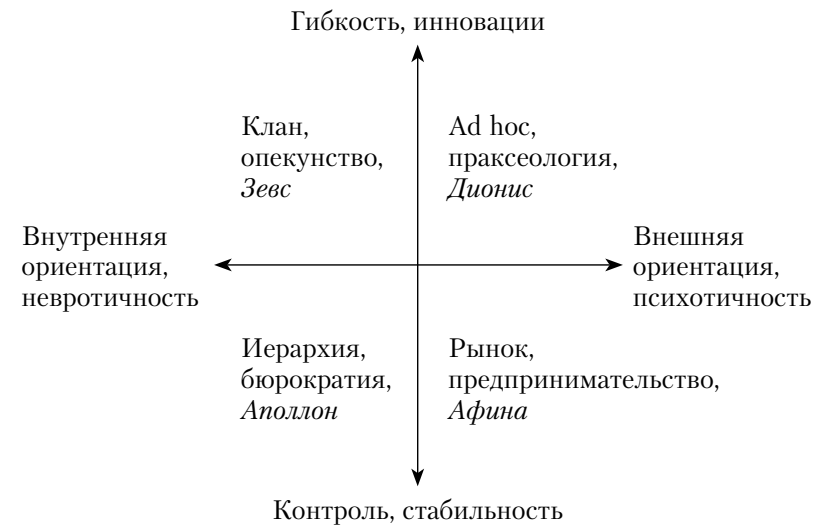

Рис. 1.2. Построение профилей культур конкретных организаций

Как правило, на стадии зарождения организации в управлении преобладает культура власти; стадию роста характеризует ролевая культура; стадию стабильного развития — культура задачи или культура личности; в кризисе предпочтителен акцент на культуре власти.

Этот аппарат достаточно перспективен в анализе и проектировании политических культур не только на микроуровне конкретных организаций, учреждений. Эти инструменты могут быть полезны и в макроанализе политических культур.

1.6. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры

Обобщая анализ типологий политических и деловых культур, можно признать, что в самой истории формирования и использования концепта политической культуры содержится ее чрезвычайно перспективное ядро, позволяющее строить достаточно ясные модели и на их основе проследить четкие и конструктивные перспективы междисциплинарных исследований.

Анализ политической культуры не может ограничиваться рассмотрением только психологических феноменов. Вне

выявления объективных факторов формирования политических ориентаций общество попадает в замкнутый цикл воспроизводства политической культуры, становящейся барьером развития. Необходим учет широкого спектра факторов объективного характера: от реального поведения, опыта повседневности, социальных практик традиций до институциональной среды, включая право. Это позволяет не только учитывать роль политической культуры в выработке и проведении решений, проектов, программ, но и возможности управления развитием самой политической культуры.

В этом плане новые перспективы открывает ценностно-нормативная модель социогенеза, которая не противопоставляется традиционному подходу или его альтернативам, а может рассматриваться как их обобщение и систематизация.

Политическая культура суть проявление социогенеза в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. С этой точки зрения культура выступает системой порождения, хранения и трансляции социального опыта. Такой подход позволяет обобщить ценностный (культура как система ценностей), нормативный (культура как система норм, правил, традиций), деятельностный (культура как способ жизни) и «человекотворческий» (культура как «машина» социализации) подходы к пониманию культуры. Соответственно, и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, постольку и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Кроме того, культура — не только и не столько некий ментальный план, сколько именно фреймовая структура образа жизни конкретного социума, соответствующего социального опыта.

К базовым ценностям социогенеза относится прежде всего **безопасность**, позволяющая преодолевать угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питанием и другими жизненными ресурсами, продолжению рода лежит в основе

образования обществ, групп самого различного уровня. Учет данного обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной и пр.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны случаи манипулирования сознанием людей, а именно, формирование образа внешнего и внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг «мудрого руководства». Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной позитивной основе.

При этом в любом социуме — в любой форме и на любом уровне — с самого момента его возникновения неизбежно возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentimentа.

Следует подчеркнуть важность и концептуальную смелость фундаментальной работы Х. Шека «Зависть. Теория социального поведения»¹. Тема зависти и ressentimentа была одной из ведущих в социальной и политической философии конца XIX — начала XX столетий. Достаточно вспомнить то значение, которое уделялось этой теме Ф. Ницше, А. Шопенгауэром, М. Шелером. То, почему зависть и ressentiment стали «белым пятном» в философии прошлого, да и начала нынешнего столетий, Шек объясняет торжеством либеральной демократии, которую он рассматривает как институционализированную зависть, использование ее энергетики в конструктивных целях.

Именно с разрешением проблем зависти и ressentimentа, так или иначе, но связаны возникновение и роль второй базовой ценности социогенеза — **справедливости**. Реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха и пр.

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как

¹ Шек Г. Зависть. Теория социального поведения. М. : ИРИСЭН, 2008.

несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй — связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказания, изгнания, а то и казни. История убедительно демонстрирует, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-инноваторов нарушителями завета предков, установленных норм, взывая к ним то полицию, то врача. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается прежде всего как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать справедливость и удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им, зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства. И в связи с этим, становится понятной модернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям: именно в городах накапливается их критическая масса, которая и становится социальной базой модернизационного развития.

Традиционное общество обходится, таким образом, двумя указанными базовыми ценностями. Для обеспечения консолидации и социализации ему достаточно обеспечения безопасности и справедливости, а для обеспечения легитимности государства — политической власти. В таком

обществе вполне достаточно апеллировать к безопасности и справедливости. Однако, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, делая ставку на справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность — **свобода**, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Не всякое общество рассматривает такую ответственную автономию (свободу) как ценность. Значительная часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы (ответственности) личности.

Таким образом, в общем случае, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода (рис. 1.3).

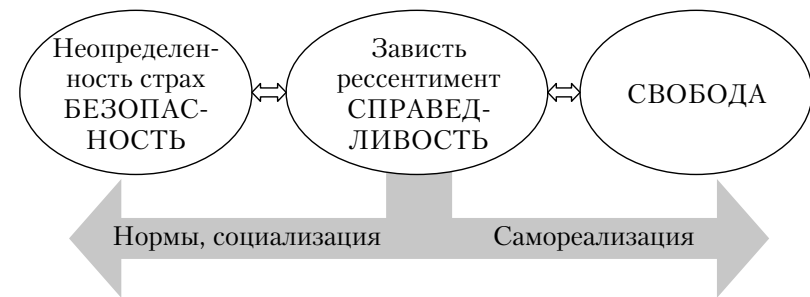

Рис. 1.3. Базовые ценности социогенеза

Причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической, экономической стабилизации на первый план выходят права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 г. под научным руководством Р. Инглхарта и охватившего более 80 стран.

Согласно этим результатам индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности и пр.). Это позволило авторам программы WVS сделать вывод, что в 1970—1990-е гг. в странах с наиболее развитой экономикой произошла «тихая революция», названная Инглхартом «переходом к постматериализму»¹. Имеется в виду стадия модернизации, обеспечивающая новый уровень качества жизни, гарантирующий материальное благосостояние, уверенность в завтрашнем дне, образование, здравоохранение, экзистенциальную безопасность от угрозы войны, криминала. Тем самым установки на безопасность, выживание, защищенность уступают место ориентации на самореализацию, самовыражение, личностную свободу.

«Материалистов» волнуют в первую очередь насущные потребности, связанные с выживанием, обеспечением безопасности. «Постматериалисты» ощущают относительную уверенность в том, что удовлетворение этих нужд им уже гарантировано и направляют свои силы и интересы на решение вопросов качества самореализации. Эта динамика сказывается в ориентациях поколений (старшие *еще* более материалисты, младшие *уже* более постматериалисты), на формах политической и гражданской активности. Так, «материалисты» склонны к традиционным формам (выборы, митинги, встречи с руководством, письменные обращения), тогда как постматериалисты демонстрируют большую гибкость и разнообразие, в том числе — в протестной деятельности (флешмобы, сетевая активность в блогосфере, стрит-арт), концентрируясь не на идеологии, а на прямом выражении своих предпочтений по конкретным вопросам, таким как: экология, охрана культурно-исторических памятников, аборты, коррупция и пр. При этом

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.

формы протеста, связанные с насилием, не пользуются массовой поддержкой, вызывают неприятие. Другими словами, по мере постиндустриальной модернизации традиционные формы политической активности, включая практики либеральной демократии, могут уступать новым, в том числе еще недостаточно изученным формам. Иногда этот процесс ошибочно воспринимается как упадок или кризис демократии, тогда как, скорее, речь идет о ее дальнейшем развитии и гуманизации, проявлении ее сути, а не формы. Подлинная поддержка демократии возникает не в связи с учреждением (или импортом) демократических институтов, а с высокой оценкой людьми своих гражданских и политических прав, обеспечивающих возможность самовыражения, и восприятием их в качестве самоцели.

Более того, если поддержка демократии на ранних стадиях перехода (так называемая «трансфера») основывается на завышенных ожиданиях в политической сфере, а не на убежденности в ценности свободы как ответственности, экономические неудачи могут привести к разочарованности в демократии и даже — чувству безысходности перед почти неизбежным авторитаризмом. Именно такова была ситуация в постсоветских демократиях. При этом парадоксально, что в случае экономических успехов авторитарные режимы тем быстрее утрачивают легитимность, чем дольше им удается поддерживать экономический рост, способствующий распространению в обществе ценностей самовыражения, а значит и демократии. Так годы «тучных коров» (2000—2011) подготовили почву мощного гражданского протеста в России зимой 2011—2012 гг.

В странах же, где ценности самовыражения уже широко распространены, провалы в экономике (Бельгия, Испания, Чили и др.) не ведут к утрате легитимности демократических политических систем (табл. 1.10).

Распространение секулярно-рациональных ценностей ведет к секуляризации власти, легитимность которой начинает зависеть не от традиционных религиозных верований, а от светских и рациональных представлений. И такие секуляристские представления и установки могут быть не менее не менее догматичными, чем религиозные. Так, они не всегда противоречат неограниченной политической власти, как например, коммунистическая или фашистская идеологии.

Таблица 1.10

Соотношение ценностей и типа общества

Общество \ Ценности	Родоплеменное	Аграрное (феодалное)	Индустриальное	Массовое информационное
Доверие	Личное — к «своим»	Личное — к иерарху	Социальное — к суду	Социальное — к брендам
Справедливость	Своим — нечужим	По заслугам	По закону	По известности
Личность	Этническая принадлежность	Статус	Ролевая	Проектная
Собственность	Общая	Иерархическая	Частная	Сетевая рента
Свобода = ответственность	Род, племя	Вассалитет	Индивид	Точка сборки Я

Однако утверждение ценностей свободы, самовыражения ведет к эмансипации от власти, от любого внешнего воздействия, посягающего на личные права. В этом случае власть воплощается в самом человеке. В морально и политически автономной личности институциональная и суверенная свободы совпадают, воплощаясь в единой ответственности.

Роль справедливости, тем не менее, связана с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов как формальных, так и особенно неформальных.

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) — культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций — организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечиваю-

щих реализацию соответствующих норм, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «мы», преимущественно эмоционального. Политическая власть, государство — идентичность «мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И, если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие, «сплывающее», личностное, возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно состоящего из представителей разных этносов, конфессий, доверия сплывающего недостаточно. Необходимо доверие институциональное, «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества. Это доверие и формируют формальные институты, прежде всего правовую культуру, задающую нормативную рамку отношениям и взаимодействию различных групп и слоев государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то неформальные — гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

На религиозный фактор обратил внимание еще М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»¹. Действительно, модернизацию первыми осуществили и наиболее успешно реализовали догоняющую модель после распада СССР именно протестантские страны. В то же время исламские страны с их антирыночными установками, существенно отстали и отстают в экономическом развитии. А экономическому росту Турции и отчасти Египта во многом способствовали относительно длительные периоды правления светских политических режимов.

Однако как примеры Турции и Египта, так и сопоставление развития Севера и Юга Кореи, Западной и Восточной Германии показывают, что культурный фактор по своей значимости уступает политическому и правовому режиму. То есть роль неформальных институтов важна, но она уступает значению институтов формальных.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 61—272.

Кроме того, формальные институты, обеспечивающие возможность развития рыночной экономики, в немалой степени способствуют концентрации социального и человеческого (а значит и финансового капитала). В этой связи, можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это проявляется в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (обнаруживающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы) (рис. 1.4).

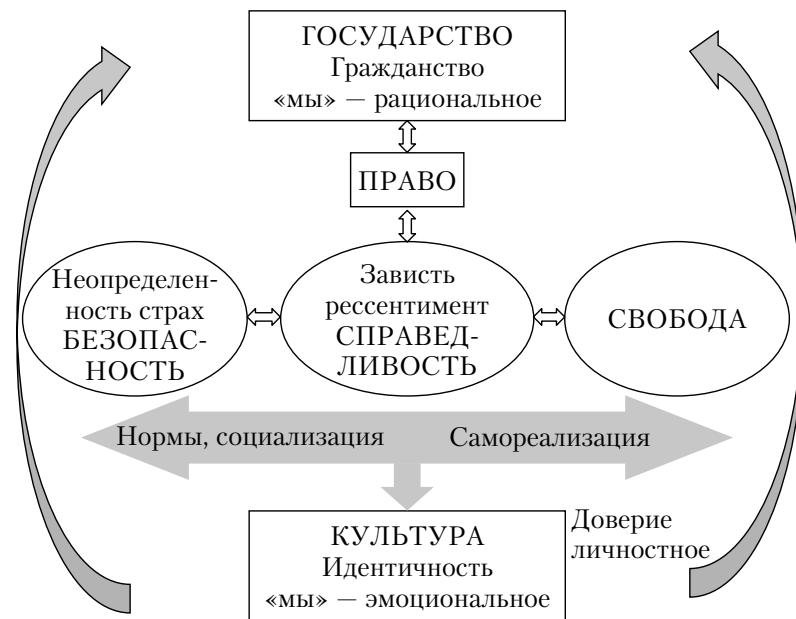

Рис. 1.4. Роль формальных и неформальных институтов в консолидации общества

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность — справедливость — свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических

идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Так, на кафедре прикладной политологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал) с привлечением студентов проведена серия исследований сравнительного анализа и динамики политической культуры России. Например, в исследовании А. Богдановой, с опорой на базу данных Г. Хофстеде удалось сопоставить профили политических культур различных стран, а также динамику политической культуры России за 2008—2011 гг. (рис. 1.5, 1.6).

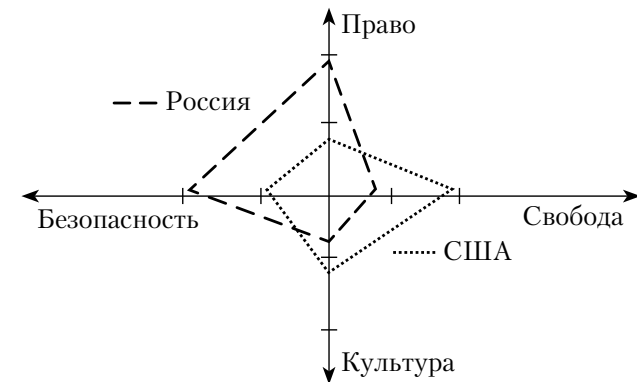

Рис. 1.5. Сравнение политической культуры России и США

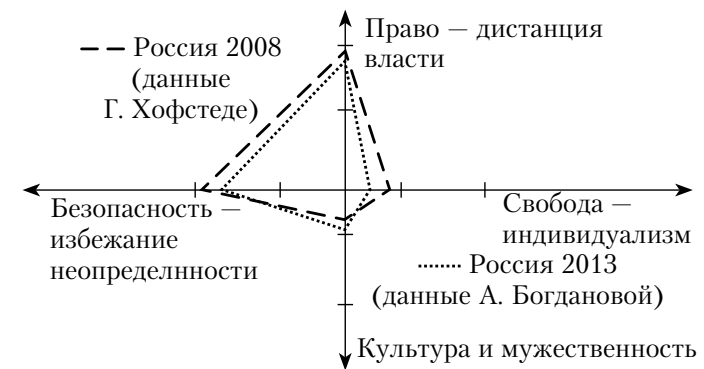

Рис. 1.6. Динамика российской политической культуры (2008—2011 гг.)

Исследование А. Камаева позволило сравнить профили существующей и желаемой политических культур для 12 основных социальных групп России. Суммированные профили для всех этих групп приведены ниже (рис. 1.7).

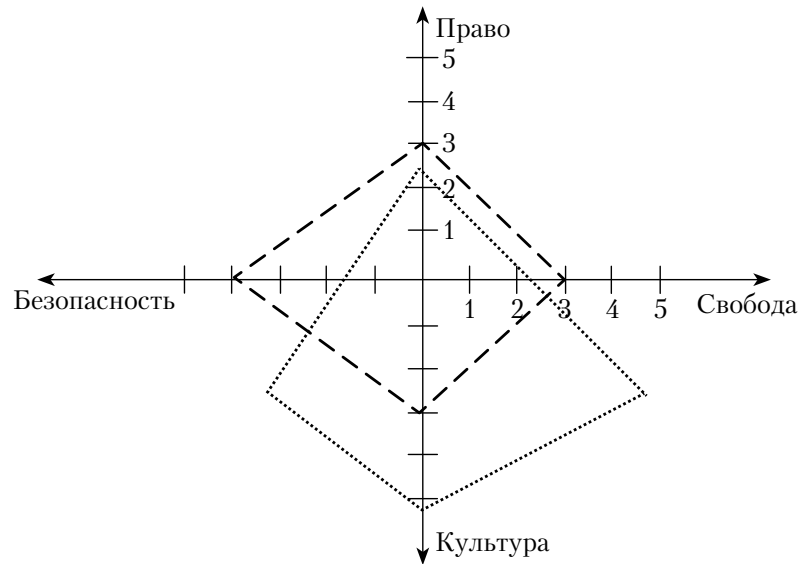

Рис. 1.7. Интегрированные существующий и желаемый профили российской политической культуры

В пространстве, образуемом ценностной и нормативной осями, очевидны свойственные для российского общества доминирование традиционализма и правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом и неразвитостью институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности, между которыми нет органической и естественной связи. Более того, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративным политическим дизайном. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием понимания свободы как ответственности. Подобные поверхностные попытки демократизации и либерализации неизбежно оказываются несостоятельными.

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет так называемый «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, имеется ввиду движение не только по ценностной оси, а по оси нормативно-институциональной, что, кстати, подтверждается приведенными выше данными исследования А. Богдановой.

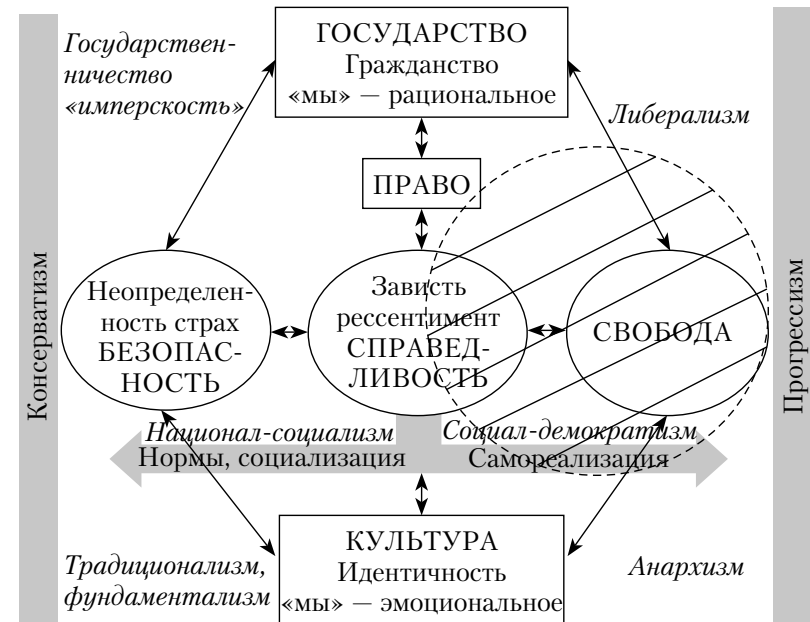

Рис. 1.8. Политические идеологии и российская деформация

В ценностно-нормативной модели политической культуры (рис. 1.8) очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. Для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества и придания ему импульсов

модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая социальная инженерия.

Тем самым ценностно-нормативная модель политической культуры открывает широкие перспективы синтеза различных подходов и аналитик, не отрицающих, а интегрирующих выработанные концепции и накопленные результаты.

Вопросы для обсуждения

1. Какие существуют группы подходов к определению политической культуры?
2. Почему для анализа политической культуры необходимо учитывать роль норм, институтов, политической системы, неоднозначность взаимоотношения политической культуры и политической системы? Приведите примеры.
3. Каковы основные тезисы критики концепции политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы?
4. Как деловые культуры соотносятся с политическими культурами в разных странах? Приведите примеры.
5. Почему успех модернизации и инновации предполагает наличие достаточно зрелой традиционной культуры?
6. Почему индивидуализм способствует выработке новых идей? Почему на стадии внедрения эффективнее коллективистская деловая культура?
7. В чем отличие между моноактивными, реактивными и полиактивными культурами? Приведите примеры стран с этими типами культуры.

Анализ кейсов

Определите модель деловой культуры участников ситуации. Как строилась бы ситуация в других моделях деловых культур?

1. Бизнесмен N приехал в командировку для переговоров о продаже автокомпонентов для завода К. При предварительном телефонном разговоре N назначил встречу в конференц-зале гостиницы рядом с центральным парком, не упомянув название. На встречу представители завода опоздали на два часа, так как объезжали все 11 гостиниц рядом с центральным парком. График N был сорван, встреча не состоялась.

2. Во время деловой встречи на территории исследовательской лаборатории компании Y представитель компании Z усомнился

в необходимости использования специальной одежды и отказался надевать бахилы. Компании не заключили соглашение о сотрудничестве.

Деловая игра

Участники разделяются на четыре группы — компании из России, Японии, Германии и США. Все компании — крупные национальные холдинги и их целью является вхождение в глобальный рынок (специализация компании определяется участниками самостоятельно).

Для участников предлагается написать краткий план действий как организационно, технологически и рыночно будет перестраиваться компания при выходе на глобальный рынок, исходя из типа присущей ей деловой культуры.

Вопросы: Что относится к базовым ценностям социогенеза? Какая ценность является центральной? С чем это связано?

Практическое задание

Исследуйте кейсы, которые бы раскрыли взаимовлияние и связи между современными молодежными субкультурами и политической культурой современной России.

Рекомендуемая литература

Алмонд, Г. А. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры / Г. А. Алмонд, С. Верба // Полития. — 2010. — № 2 (57). — С. 122—144.

Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис. — М., 1999.

Шихирев, П. Н. Введение в российскую деловую культуру / П. Н. Шихирев. — М., 2000.

Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks. — California Los Angeles : Sage Publication, 2001.

Hofstede, G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Michael Minkov. URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml (дата обращения: 20.07.2014).

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

• Нормативно-ценностные системы и динамика институционализации • Институт собственности • Права человека.

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- динамику развития политических институтов;
- основные характеристики и этапы развития нормативно-ценностных систем;
- историю развития идеи прав человека;
- специфичность института собственности и различные подходы к его определению;

уметь

- использовать понятие нормативно-ценностных систем деятельности для оценки динамики политических институтов;
- объяснять соотношение понятий свобода и собственность;
- применять различные подходы к концепции прав человека;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
- навыками анализа институтов политической культуры;
- способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.

2.1. Нормативно-ценностные системы и динамика институционализации

Наиболее развитой формой норм являются институты — не просто нормы и правила, но и механизм контроля их исполнения, а также санкций к нарушителям, отклоняю-

щихся от нормы. Институты могут быть неформальными, реализуемыми на основе традиций, привычек («как принято»), или формальными, вплоть до писаных нормативов, законов и суда как механизма восстановления нарушенной нормы и справедливости, а также системы санкций, вплоть до лишения свободы, а то и жизни.

Первичными социальными институтами выступает система ограничений и запретов (табу).

В Священном писании человеческая история начинается с Завета и его нарушения. Недаром практически все священные тексты, образующие смысловое содержание традиционных культур уделяют столь повышенное внимание нарушениям Завета, а также раскаявшимся грешникам. Осознанное нарушение правила, завета и осознанное возвращение к правильному пути есть особо значимый сознательный выбор правила, нормы, добра. Это не действие в силу неосознанной привычки, а именно сознательный выбор.

Социальные институты в политике даны не раз и навсегда, а проходят ряд этапов развития: возникновения, роста, «кристаллизации», а то и «выращивания».

Конкретизировать представление о динамике политических институтов можно с помощью понятия нормативно-ценностных систем деятельности как подсистем социальной практики. Нормативно-ценностные системы (далее — НЦС) определяются:

- во-первых, ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности;
- во-вторых, нормативным компонентом (правилами, регулирующими осуществление деятельности);
- в-третьих, способом организации коллективной деятельности социального субъекта, поскольку речь идет о системах социальной практической деятельности.

Именно НЦС выступают в качестве «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» и т.д. В процессе жизнедеятельности человек участвует в самых различных НЦС. Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность НЦС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т.д. Важнейшую роль играют НЦС политики, поскольку их функцией является обеспечение целостности и успешного развития не только их самих, но и общества в целом.

Основные блоки НЦС социальной культуры можно представить, воспользовавшись их систематизациями, предложенными Л. Болтански и А. Тевенем, назвавшими такие блоки «градами», а также систематизацией М. Уолцера (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Основные блоки нормативно-ценностных систем социальной культуры

Нормативно-ценностные системы	Л. Болтански и А. Тевень	М. Уолцер
Экономика, промышленность	«Град индустрии»: производство пользы	Промышленность
Рынок	«Град торговли»: обмен и конкуренция	Товарообмен, деньги
Социальные коммуникации, СМИ	«Град мнения: репутации, известность, реноме	Коммуникация
Творчество: искусство, наука, религия	«Град вдохновения»: величие личности, подтверждаемое благодатью, даром небесным, чувством kosmos	Божественная благодать
Свободное время	«Град дома»: семья, домашность, ценности верности, преданности, почтительности	Свободное время
Политика	«Град гражданства»: подчинение личности общему закону, правилам общественного договора	Политическая власть

Каждый из указанных блоков НЦС связан со своими ценностями и нормами. В каждом из них своя мораль, а то и специальное право, а значит — и своя справедливость. Но политика и политическая культура — это не только отдельная специфическая НЦС, но и НЦС, объединяющая другие в целостную систему социума.

Понятие НЦС позволяет преодолеть «дилемму» феноменологизма (психологизма) и трансцендентализма, концептуализма и менеджеризма в динамике политических институтов. В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, идеологические и социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития политической сферы. НЦС формируются, дифференцируются

и специализируются по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности.

Особый интерес представляет рассмотрение социальной организации НЦС как общностей людей. Они могут иметь формальную (определенную закрепленными функциями и связями, правами и обязанностями, инструкциями, отношениями координации и субординации, средствами контроля и стимулирования) и неформальную (основанную на межличностных взаимоотношениях) организационную сторону деятельности.

При рассмотрении НЦС под этим углом зрения выявляется динамика развития форм организации НЦС, каждая из которых проходит путь от нерегулярной случайной общности людей (типа «тусовки») до формирования социальных институтов, являющихся наиболее развитой формой организации НЦС. Характерными чертами социальных институтов являются то, что:

- они возникают на стадии достаточно дифференцированной общественной практики, когда на основе разделения труда выделяются НЦС, связанные с достижением социально-значимых целей;
- в этих НЦС доминирует формальная сторона организации, закрепленная в специальных положениях, уставах и т.д., регламентирующих функционирование систем;
- функционирование таких систем обусловлено сложившимися экономическими, правовыми социальными отношениями.

Первопричина динамики и дифференциации НЦС социальной практики — разделение и специализация этой практики, обусловленные развитием цивилизации. Можно предположить, что НЦС социальной практики развились из единой системы духовно-практической деятельности, синкретично совмещающей различные функции (от магических до хозяйственных). НЦС ремесел, науки, искусства и т.д. дифференцировались и специализировались постепенно, по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности. Это выражалось в выделении отдельных функций в самостоятельные виды деятельности, профессиональном закреплении людей за ними, соответствующих изменениях в системе образования и воспитания. Таким образом возникают стили поведения, мотивированные изнутри, а не санкционированные извне.

Будучи целевыми общностями НЦС объединяют людей в формальные и неформальные организации с целью определенной практической деятельности. Предпосылкой и условием успеха этой деятельности является относительно единый способ осмысления действительности всеми ее участниками. Смысловой аспект институционализации НЦС выражается в некотором нормативном понимании, которое определяет общность не только цели деятельности, но и восприятия предмета деятельности, его анализа и т.п. Когерентное понимание (осмысление) наличествует в любой НЦС. Различия заключаются только в форме и степени его выраженности. Это может быть и простая общность психологической установки, и не вербализуемое знание, и формальная экспликация в виде учебников, манифестов, положений, программ. Когерентное понимание задается общностью целей, предмета и правил деятельности.

В этой связи особое внимание заслуживает роль языка — специфической НЦС, реализующейся в целях обслуживания других НЦС, в том числе и самого себя. Язык — суть социальная деятельность по поводу общения. Мы имеем в виду не только цели адекватной передачи мысли (довольно часто языковая практика преследует цель сокрытия, а то и искажения мысли), но эффективное воздействие на других людей. Хотя он и является относительно независимой и самостоятельной НЦС, язык (речь и письмо) не самоцель, а средство, используемое в различных видах деятельности. Взятые сами по себе и для себя язык и речь бессмысленны. Они «встроены» фактически в каждую НЦС социальной практики, реализуя в них возможность общения. В этой связи язык оказывается как бы путеводителем по совокупной системе НЦС, по миру определенной культуры. Без знакомства с определенным языком невозможно вхождение ни в национальную, ни в профессиональную, ни в возрастную и т.п. культуры.

Взятая как процесс в единстве смыслового и социально-организационного аспектов идей, динамика их институционализации предстает осуществляемой в несколько стадий:

1. *Стадия выработки нового осмысления.* Характеризуется минимальной степенью организации. Коммуникация участников носит спорадически случайный и во многом лично-доверительный характер;

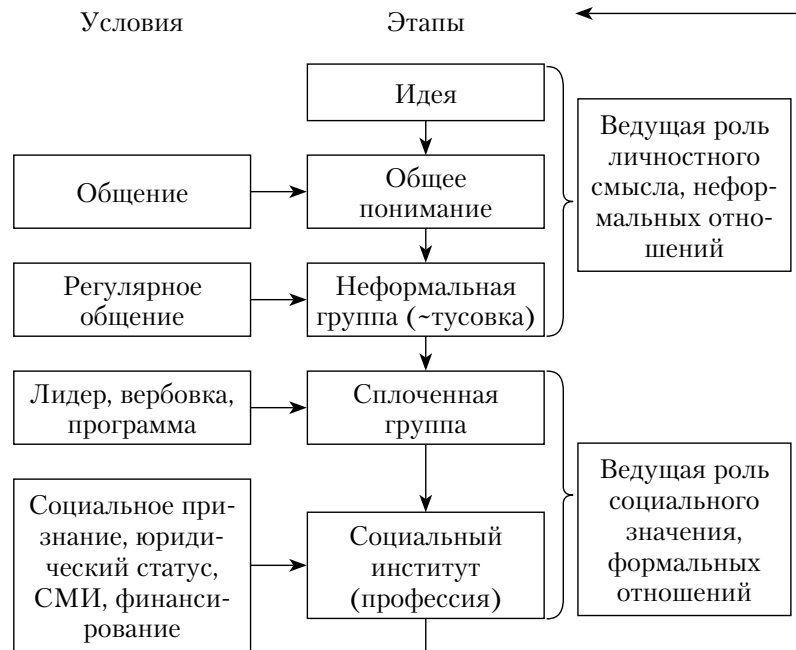
2. *Стадия выработки когерентного понимания* (коалиция). Характеризуется несколько большей устойчивостью связей и отношений между специалистами, которые начинают объединять себя в группу единомышленников. Подобная избирательность в общении «уплотняет» коммуникацию, хотя само общение носит слабо регламентированный характер — типа «тусовки».

3. *Стадия парадигмы.* Общение начинает носить систематический характер (семинаров, конференций, переписки, обмена научными материалами на ранних стадиях (рукописи, препринты, заявки)). Делаются попытки выработать программные материалы, пробиться в СМИ. Выдвигаются лидеры мнений. В наше время особую роль играют информационные технологии web 2.0 и 3.0 (сетевые сообщества, wiki и т.п.).

4. *Стадия сплоченной группы* (ассоциации). На этой стадии когерентное понимание уже фиксируется участниками деятельности в явной форме программного заявления. Коммуникация становится все более ограниченной рамками группы, в которой выделяются признанные лидеры, между которыми может существовать разделение сфер влияния. Лидер выступает центром, вокруг которого формируется группа. Именно он обычно выступает с программным заявлением, обеспечивает селекцию и интерпретацию информации. Важным моментом на этой стадии являются успех и социальное признание. Они свидетельствуют о развитии группы и обеспечивают социальный престиж (имидж) ее деятельности, а значит и постоянный приток сторонников. Их привлечение достигается обычно с помощью пропагандистской и популяризаторской деятельности, public relations, осуществляемых обычно либо самим лидером, либо под его контролем. Этой цели могут служить СМИ, интернет, семинары, конференции. Нередко создаются специальные центры, школы, курсы подготовки. Явным становится отличие деятельности данной группы от материнской НЦС: группа становится либо элитарной, ведущей в материнской НЦС, либо «мятежной», отвергающей ортодоксальные установки. Причем во втором случае деятельность группы может оканчиваться либо тупиковой, либо дать начало новой традиции. По некоторым оценкам для «прорыва» старой традиции необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции, движения — от 500 до 1000 человек.

5. *Стадия формализации.* На этой стадии в НЦС фиксируется формальная организационная структура. НЦС становится юридическим лицом, проходит регистрацию, обеспечивает финансирование, трудоустройство функционеров, стимулирование деятельности профессионалов, формируется писанный кодекс поведения (устав, положения, должностные инструкции). Вся прогрессирующая рутинизация деятельности зачастую приводит к формированию в ее недрах нового смыслового сдвига, развитие которого может вызвать дальнейшую дивергенцию системы, формирование фракции, отделение нового движения.

Процесс институционализации идеи и соответствующих НЦС, взятых в единстве смыслового и социально-организационного аспектов, можно представить в виде схемы (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Процесс институционализации идеи и соответствующих нормативно-ценностных систем

Совсем необязательно, чтобы каждая НЦС проходила все указанные стадии институционализации. Возможна стагнация на каждой из указанных стадий. Далеко не каж-

дой НЦС удастся развиваться даже в стадию сплоченной группы, не говоря уже о наиболее развитой стадии формального социального института. Роль смыслового и социально-организационного аспектов институционализации в их динамике различна. На первых этапах ведущую роль играет смысловой, неформальный аспект, на поздних — формальный. Формирование направлений, движений, партий, школ осуществляется зачастую на начальных этапах так называемыми «маргиналами», «фанатиками-неудачниками», дилетантами — там где нет дисциплины, специальности, не может быть и специалиста в строгом смысле слова. Однако раз возникшее осмысление неизбежно вызовет те или иные формы социальной организации лиц его разделяющих — вплоть до в той или иной степени «борьбы за чистоту рядов». Разумеется, возможна ситуация, когда достаточно развитый организационный аппарат объединяет людей, не разделяющих единое осмысление, но это лишь будет свидетельством того, что у истоков такой социальной организации некогда стояло когерентное осмысление «отцов-основателей».

Смысловой и социально-организационный аспекты институционализации НЦС выражают различные стадии зрелости и становления деятельности, лежащей в основе социальных значений, причем стадии, реализующие все смысловые уровни социального опыта. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой отлившиеся в институционные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения каждая политическая идея, научное понятие — это интеллектуальный зародыш политического или научно-исследовательского института, а последние суть институционализированные понятия.

Развитие идей предстает динамикой НЦС от идей на уровне личного осмысления к формированию до полной институционализации программы социальной деятельности, лежащей в ее основе. Тем самым в формировании и развитии социальных политических институтов теснейшим образом оказываются взаимосвязанными не только идейный и социологический, но персонологический, этический и организационный компоненты.

2.2. Институт собственности

Как писал Х. Ортега-и-Гассет, «человек — это человек и его обстоятельства». Собственность является одним из ключевых таких обстоятельств. Она определяет границы свободы и ответственности, их выход за границы кожного-волосяного покрова индивида. Именно собственность определяет интересы личности, ее возможности не только экономической, но и любой другой деятельности. Наличие собственности порождает проблему права на саму собственность, на ее защиту. Поэтому полноценным гражданином, политическим актором, вменяемым и ответственным человеком делает именно собственность.

Собственность — неотъемлемое естественное право человека. Даже животное метит ареал своего обитания, выступает в защиту своего «права» на него. Ребенок всегда стремится выделить, оградить свой угол, в котором он полноправный хозяин, и где он творит свой мир. Собственность непосредственно связана со свободой как ответственностью.

Именно в собственности реализуется взаимосвязь, взаимопереход свободы и ответственности. Наиболее точно границы свободы и ответственности совпадают именно в собственности.

Свобода как ответственность тесным образом связана с собственностью, которая может пониматься как расширение ресурса свободы. Предметом собственности могут выступать: мысли, способности, мнения; тело; сама жизнь; вещи; товары; деньги; земля. Так же как инструменты, приборы, техника являются (по удачному выражению П. А. Флоренского) «органопроекциями» человека, продолжениями его органов, так и собственность является проекцией возможностей влияния человека на окружающий мир, выступая ресурсами реализации его воли. Расширение зоны влияния личности делает ее более свободной и ответственной. В этом плане можно сказать, что границы собственности совпадают с границами свободы личности (рис. 2.2).

В истории философии сложилось два подхода в трактовке роли собственности в отношении личности и общества, сформулированные еще в античности Платоном и Аристотелем (табл. 2.2). Согласно Платону, собственность, связанные с нею возможности экономической дея-

тельности должны служить общему, от которого человек получает блага. По мнению Аристотеля, человек — хозяин своей жизни.

Рис. 2.2. Свобода и собственность по П. А. Флоренскому¹

Таблица 2.2

Классические концепции собственности

Аристотель	Платон
Личные интересы	Интересы общего
Взаимные обязательства	Служение общему, от которого индивид получает блага
Личность — владелец собственности	Личность — пользователь собственности
Человек — хозяин своей жизни	Человек — не хозяин своей судьбы

Аристотелевское отношение к собственности в Новое время получило развитие в утилитаризме и либерализме, платоновское — в социалистических установках на общественную собственность. Политический опыт показал, что оба подхода правомерны — в зависимости от того, на какие блага распространяется тот или иной тип собственности. Отчуждаемые блага, производимые и реализуемые рыночной экономикой наиболее эффективно регулируются частной собственностью. Неотчуждаемые — общественной.

¹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи : в 12 письмах. М., 1914. С. 586.

Различаются два основных вида собственности:

1) собственность частная, отчуждаемая, которая может соединяться с другими, отделяться от них: личная, кооперативная, государственная.

2) собственность неотчуждаемая: общенародная, общественных организаций.

Любая собственность реализуется на трех уровнях: владения, распоряжения, пользования. Так, в СССР в условиях «ликвидации» частной собственности на средства производства и доминировании социалистической государственной собственности на уровне владения имелись широчайшие возможности для распоряжения и тем более пользования этой собственностью в групповых и личных целях.

Поскольку собственность связана с определенными ресурсами, а также осуществляемой с их помощью деятельностью, производимым продуктами, возникает борьба за собственность, ее передел. Поэтому собственность — вечный источник конфликтов, разрешаемых иногда с помощью насилия, агрессии, захвата. По точному замечанию Д. Норта, эффективная собственность стимулирует такую борьбу, тогда как наименее эффективные формы собственности оказываются наиболее устойчивыми. В рамках каждого общества и государства складываются свои практика и традиции, в том числе правовые, справедливого решения вопроса о собственности.

Споры о собственности не утихают. Это относится не только к частной собственности на землю, ее недра, средства производства. Нередко моральной критике подвергается права на наследство. Острейшей современной проблемой (особенно в связи с возможностями интернета) является интеллектуальная собственность и авторское право. Например, возникновение современного проектно-сетевому социума породило «сетевую ренту» — возможность присвоения чужого интеллектуального труда — от банального плагиата до экономической эксплуатации.

2.3. Права человека

Идея прав человека производна от автономного индивида, т.е. вменяемой (разумной и ответственной) личности. Формирование идеи прав человека связано с Новым временем, эпохой Просвещения, возникновением буржуазного

государства и стремлением третьего сословия к гарантиям от государства, в том числе и от вмешательства государства в личную жизнь.

Концепция существования неких независимых не только от суверенного монарха, но от избранного народом парламента прав человека является одной из наиболее интересных и в то же время провокативных концепций, в существенной мере влияющих на современную общественную и политическую жизнь. Отметим, прежде всего, что эта концепция является одной из важных составляющих идеологии либерализма, которую можно кратко охарактеризовать как идеологию свободы личности. Именно представление об естественной свободе, иначе говоря, о наличии у человека неких данных ему Богом и природой прав, которые у него никто не может забрать, лежит в основе этой первой нерелигиозной идеологии. Отметим, что и сама идеология либерализма, и представление о существовании естественных прав человека, возникли в рамках реформистского направления христианства — протестантизма, основатели которого решились на такую «ересь» как возможность прямого диалога человека с Творцом, не требуя такого посредника, как католическая церковь. Несколько позже ссылки на творца были заменены ссылками на естественных ход вещей.

Собственно говоря, некоторые из этих прав, в частности право не быть лишенным жизни или свободы по произволу правителя, а лишь по решению суда, возникали как результат процесса ограничения воли монархов — подписание королем Иоанном Безземельным Великой Хартии Вольностей в 1215 г., принятый английским парламентом в 1679 г. Хабеас корпус акт явились важными этапами становления правового государства, разделения властей и предпосылок установления демократии.

Исторически концепция прав человека определяла прежде всего пределы вмешательства государства в личную жизнь человека (право на жизнь, свободу, собственность, справедливый суд). Именно поэтому эту группу прав называют также «негативными правами», которые определяют то, что государство **не должно** делать. К основополагающим правам человека относят также гражданские или политические права — право избирать и быть избранным, право на информацию и свободу слова и т.д. — все то, что обеспе-

чивает демократический характер политического режима, дающего гарантии на соблюдение личных прав. Эта группа прав человека получила название «**права первого поколения**» и была сформулированы еще в XVIII в.

Итак, к правам человека первого поколения относятся: 1) личные права и свободы: право на жизнь, свободу и неприкосновенность личности, тайну частной жизни, защиту чести, свободу передвижений и выбор места жительства, свободу совести и свободу мнений; 2) политические права и свободы: свобода слова и право на информацию, избирательные права, свобода ассоциаций, свобода митингов и демонстраций и свобода обращений; 3) экономические права: право частной собственности, свобода предпринимательства, свобода распоряжаться своей рабочей силой и свобода контракта. Основные экономические права включаются в права первого поколения исходя из понимания, что в отсутствие частной собственности никто не может быть свободным.

Именно эти основополагающие права, права человека «первого поколения», были первыми зафиксированы в позитивном праве сначала в тексте Декларации независимости США (1776 г.), а затем в тексте Декларации прав человека и гражданина в революционной Франции (1789 г.). Позже, в XIX и начале XX в. на повестку дня встала борьба за социально-политические права, которая, особенно после победы большевиков в России и становления Советского государства, вынудила лидеров стран Западной Европы и Америки обратить внимание на необходимость защиты социально-экономических прав, которые способны стать преградой для социалистических революций в этих странах. Эти права называют также «**правами второго поколения**» или позитивными правам (фактически это то, что государство **должно** защищать). К таким правам, определяемым также как «Право на достойную жизнь», относят: 1) экономические права: право на труд, справедливые и благоприятные условия труда, защиту от безработицы, отдых и др. и 2) социальные и культурные права: право на социальное обеспечение, охрану здоровья, жилище, образование, доступ к культурным ценностям и др. Права второго поколения тесно связаны с *позитивной концепцией* свободы, иначе говоря — с наличием реальной возможности осуществить свою волю наравне с другими людьми. Это предусматривает

возложение на государство и других агентов обязанности обеспечить материальные условия для равной реализации некоторых экономических, социальных и культурных прав. Следствием такого возложения является аккумуляция государством ресурсов с целью их последующего распределение. И здесь остро встает проблема дистрибутивной справедливости — кто и какую долю общественных ресурсов надо передавать нуждающимся, чтобы обеспечить их права?

Еще недавно от многих правозащитников с опытом сопротивления советскому режиму можно было услышать, что подлинными правам человека являются права первого поколения, тогда как социально-экономические права — это всегда предмет договоренностей и определяются возможностями государства, его потенциалом делать то, что **должно**. Тем не менее сейчас большинство людей, вовлеченных в защиту и осмысление прав человека, сходится в том, что для очень многих людей, живущих сегодня в нищете, наиболее острой проблемой является именно нарушение их социально-экономических прав, и к этому надо относиться серьезно. Отметим также, что эти две группы прав получили в системе ООН закрепление вначале в тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а затем, в 1966 г. в виде двух пактов — Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Еще сложнее ситуация с так называемыми коллективными правами, называемыми также «**правами третьего поколения**» или «правами солидарности». Это права, которыми индивиды обладают коллективно, в силу своей принадлежности к определенной группе. Иначе говоря, права, реализуемые не отдельными людьми, а коллективом, общностью, нацией. К этой группе прав относят «Права народов» (по аналогии с правами индивидов): право народа на существование, самоопределение, развитие, суверенитет над своими природными ресурсами, благоприятную окружающую среду, равноправие с другими народами, развитие и т.д., а также «права маргинальных групп», представители которых в силу физиологических или социальных причин не имеют равных с остальными возможностей осуществлять общие права и свободы: права детей, женщин, молодежи, престарелых, инвалидов, беженцев, представителей расовых и национальных меньшинств и др.

Можно выделить следующие проблемы, связанные с этими, так называемыми правам третьего поколение. Кто является субъектом прав человека — исключительно индивиды или индивиды и группы? Могут ли права народов рассматриваться по аналогии с правами человека? Являются ли права человека универсальными или культурно-особенными, отражающими специфический опыт западных стран? Должна ли в вопросах, связанных с правами человека, учитываться культурная специфика конкретных стран и групп? Правомерна ли «позитивная дискриминация», т.е. предоставление дополнительных возможностей для реализации своих прав группам, которые находятся в наименее благоприятных условиях? Не является ли она нарушением самой идеи прав человека? Многие правозащитники, например, Марек Новицкий (Польша) считают неоправданным вообще говорить о коллективных правах человека. Правильнее же говорить о нарушении прав конкретного индивидуума в связи с его принадлежностью к определенной этнической или социальной группе. Дело в том, что в любой группе, например этнической, появляются люди, готовые и желающие говорить от имени всей группы. При этом личные права других членов группы зачастую нарушаются подобными лидерами.

Отметим, что у третьего поколения прав есть автор. Карел Васак, бывший директор департамента прав человека и мира ЮНЕСКО в 1977 г. предложил конструкцию трех поколений прав человека по аналогии с известным лозунгом Французской революции 1789 г. «Свобода, равенство, братство». По мнению Васака, «свободе» соответствуют права первого поколения, т.е. личные и политические права, «равенству» — социально-экономические, или права второго поколения. В таком случае «братству» будут соответствовать права третьего поколения — права солидарности, или коллективные права. Сегодня существует также точка зрения, что само разделения прав человека на три поколения — это реликт «холодной войны». Эта позиция основана на Декларации Сопредседателя по правам человека в Вене в 1993 г., которая гласит: «Все права человека универсальны, неразделимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно соблюдать права человека глобально в честной и равной мере и одинаковым образом». Исходя из этой Декларации, указанное выше разделение на поколения во многом устарело.

Эвристические возможности концепции поколений прав человека пока достаточно велики, и нет оснований от нее отказываться. К тому же жизнь выдвигает новые проблемы, и в качестве их решения возникают концепции новых поколений прав человека. Например, в работах ряда российских ученые ставится вопрос о выделении так называемого «четвертого» поколения прав человека, хотя единства в том, какие именно права относить к этой группе, согласия нет. Так, В. И. Крусс (Тверь) поставил вопрос о существовании так называемых «соматического» права человека, т.е. права распоряжаться собственным телом. Иначе говоря, права осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами. Сюда же могут относиться право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, и (в уже зримой перспективе) на клонирование, а затем и на виртуальное моделирование, в смысле полного утверждения (дублирования) себя в неметрической форме объективного существования¹. По мнению Ф. М. Рудинского, права четвертого поколения должны защищать человека от угроз, связанных с экспериментами в сфере генетической наследственности личности, с клонированием и другими открытиями в области биологии². А. Б. Венгеров называет четвертое поколение правами человечества (право на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические, информационные права и др.)³.

Рассмотрев кратко представления о поколениях прав человека, вернемся к вопросу о содержании этого понятия. Анализ различных определений прав человека⁴ позволяет выявить пять составляющих этого понятия:

¹ См.: Крусс В. И. Личностные (соматические) права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

² См.: Рудинский Ф. М. Наука прав человека : предмет, функции, современные методологические проблемы // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2003. № 56. С. 104–124.

³ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2004.

⁴ См., например: Сунгузов А. Ю. Права человека и другие близкие понятия: подходы к пониманию // Права человека. 2010. Вып. 7.

1. Права человека как синоним свободы.
2. Права человека как отражение достоинства личности.
3. Права человека как притязание на обладание определенными предпосылками и возможностями.
4. Права человека как характеристика отношения «человек-государство».
5. Права человека как инструмент ограничения власти.

Таким образом, права человека — это понятие, тесно связанное с понятием свободы, отражающее как само достоинство человеческой личности, так и притязания на обладание конкретными возможностями, позволяющими сделать жизнь этой личности действительно достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношений человек — государство и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком. Обсуждение двух взглядов на свободу — «свобода от» и «свобода для» — находится в тесной связи с «негативной» (что власть не должны делать по отношению к человеку) и «позитивной» (что власть должна делать для человека) трактовками прав человека¹. И здесь, бесспорно, существенную роль играют культурные традиции той или иной страны, особенности понимания свободы. Так, для России традиционна трактовка свободы как воли, включающей в себя, в том числе и «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», за которым с неизбежностью следует жесткий авторитарный режим. Как выбраться нашей стране из этого круговорота, думают сегодня многие мыслители. Приглашаем к этим раздумьям и вас.

Тесная связь понятий прав человек и его достоинства являются одним из важных направлений в осмыслении прав человека. Как понятие достоинства понимается в культурах разных стран и народов, как можно говорить о правах человека, если этот человек не ощущает собственного достоинства, если он готов быть прислугой у любого начальника, а если он получает власть, то мгновенно превращается в начальника-хама?

Мы затронули здесь лишь некоторые вопросы, тесно связанные с концепцией прав человека. Но нельзя не остановиться кратко на причинах, приведших к всемирному

¹ Сунгуров А. Ю. Права человека как предмет политической науки и как междисциплинарная концепция // Полис. 2010. № 6. С. 90.

признанию прав человека во второй половине 40-х гг. прошлого века, к объединению в рамках ООН государств, признающих и уважающих права человека, несмотря на все различия их культур и цивилизационных традиций. Отметим, что сомнения в целесообразности принятия Всемирной декларации прав человека высказывались и тогда. «Как известно, в 1947 году, в канун голосования Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу принятия Международной Декларации прав человека, Американская антропологическая ассоциация обратилась с заявлением в комиссию, занимающуюся подготовкой проекта Декларации с протестом против универсализации прав. Ассоциация антропологов доказывала, что уважать права индивидуума — значит, уважать культурные различия, поскольку индивидуум реализует свою личность в рамках своей культуры, и не существует методики, при помощи которой можно было бы дать количественную оценку значимости той или иной культуры, стандарты и ценности релевантны той культуре, которая их породила. Некоторое время спустя Американская ассоциация антропологов отозвала это письмо, однако проблема соотношения уважения к культурным различиям и универсальности прав человека все же остается»¹.

Основной причиной, побудившей правительства стран — основателей ООН подписать эту Декларацию, стали шок и ужас от Второй мировой войны, от преступлений гитлеровского нацизма, которые другие державы не могли предотвратить прежде всего из-за представлений о суверенитете как основе международных отношений. Однако приговор Нюрнбергского суда, осудивший генералов, выполнявших законные, но античеловеческие приказы своего руководства, заложил основы признания приоритета соблюдения прав человека по сравнению даже с принципом суверенитета, т.е. основы нового мироустройства. И хотя за прошедшие 60 с лишним лет мы видели многие случаи использования концепции прав человека для реализации конкретных геополитических интересов, все же мироустройство на основе прав человека показало

¹ Сунгуров А. Ю. Права человека : предмет политической науки и междисциплинарная концепция // Права человека перед вызовами XXI века / под ред. В. В. Смирнова и А. Ю. Сунгурова. М. : Российская ассоциация политической науки ; Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 10—29.

свою жизнеспособность. При этом, конечно, и сама концепция прав человека постоянно развивается, эволюционирует в соответствии с необходимостью решения сложных задач уже XXI в.

Вопросы для обсуждения

1. Что порождает человеческое общество? Каково его происхождение?
2. Какие существуют способы регулирования политической жизни?
3. Кто может выступать в качестве субъекта политического права? Кто (что) обеспечивает правовое регулирование политической жизни в России?
4. Каковы условия возникновения общественных организаций? Каковы факторы их развития?
5. Каковы причины признания универсальности прав человека?
6. В чем заключается различие понятий позитивной и негативной свободы?
7. Как соотносятся представления об универсальности прав человека и об уникальности разнообразных человеческих сообществ?
8. Относится ли к правам человека право на неповиновение власти?
9. Приведите пример ситуации, когда культура выполняет не только роль механизма демонстрации нормы, но и контроля за ее выполнением.
10. Какие стадии в процессе институционализации НЦС являются необязательными?
11. Как соотносятся понятия свобода и собственность?
12. Проведите дебаты, обсудив на конкретных исторических примерах различия между институтами собственности в России и странах Северной Америки / Западной Европы.
13. Сопоставьте две концепции прав человека, представленные в следующих публикациях: 1) Мальцев Г. В. Существует ли долг гражданского неповиновения? URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/ubilmysl2_05/maltsev2_05/ (дата обращения: 20.07.2014); 2) Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. — М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008.

Рекомендуемая литература

Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 20.07.2014).

Луковская, Д. И. Проблема универсальности прав человека / Д. И. Луковская // История государства и права. — 2007. — № 12. — С. 32—35.

Мутагиров, Д. З. Права и свободы человека : теория и практика : учеб. пособие / Д. З. Мутагиров. — М. : Университетская книга ; Логос, 2006.

Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. — М., 2000.

Панов, П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / П. В. Панов. — М. : РОССПЭН, 2011.

Политические институты в современном мире. — СПб. : Аллегро, 2010.

Глава 3

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

• Эксперимент как способ изучения политической культуры • Количественные методы изучения политической культуры • Сравнительный анализ политических культур • Гуманитарная экспертиза • Анализ дискурса • Изучение несоциальных факторов политической культуры.

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- различные методологии изучения и проектирования политической культуры;
- несоциальные факторы изучения политической культуры, концепцию биополитики;
- специфичность гуманитарной экспертизы как метода изучения политической культуры;

уметь

- использовать различные подходы к методологии изучения политической культуры;
- осуществлять сравнительный анализ политических культур;
- применять междисциплинарный подход к изучению политической культуры;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - различными методами изучения политической культуры;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

3.1. Эксперимент как метод изучения политической культуры

Проведение экспериментов становится все более популярным методом изучения в политической науке. Обычно исследователи задают определенные условия, вручают участникам задания и далее наблюдают за их поведением. Часто особенность эксперимента заключается в том, что участников делят на группы: подопытную и контрольную. В подопытную группу попадают участники, чья реакция и поведение более всего интересуют ученых; в контрольную — те, чья реакция и поведение в эксперименте считается обычным. Предполагается, что если есть различия между контрольной и подопытной группами, то эксперимент удался. Иногда участники из контрольной группы могут знать условия эксперимента, в этом случае реакция и поведение подопытной группы проявляется наиболее наглядно.

Приведем классические примеры экспериментов.

Ультиматум. Два игрока, имена которых друг другу не известны, должны разделить между собой определенную сумму денег (например, 1000 руб.). Первый игрок получает 1000 руб.; далее он должен предложить второму игроку любую часть от этой суммы (от 0 до 1000 руб.). Второй игрок должен решить, принимает ли он эту сумму или нет. Если принимает, то деньги делятся, как предложил первый игрок, если нет — то никто ничего не получает. Правила игры известны обоим игрокам. Игра интересна тем обстоятельством, что согласно концепции Homo economicus, т.е. человека экономического, рационального, второй игрок должен быть доволен любому предложению выше нуля, даже 1 руб. На практике оказывается, что предложения меньше 100 руб., как правило, отвергаются. Экономисты и психологи предпочитают проводить этот эксперимент (во многих модификациях) с целью изучения эгоизма и альтруизма.

Диктатор. Суть эксперимента заключается в разделении небольшой суммы денег между участниками, например, 1000 руб. Однако теперь деление денег зависит от решений только одного игрока. Он должен выбрать один из двух зафиксированных вариантов распределения денег: а) все деньги делятся поровну, б) первый игрок (который и при-

нимает решение) получает 900 руб., а второй — 100 руб. Наиболее рационально ожидать, что первый игрок будет выбирать второй вариант, так как он сулит ему больше выгоды. Тем не менее, в ходе экспериментов выясняется, что игроки делятся деньгами гораздо чаще. Этот эксперимент воспроизводился нами в разных странах и в всевозможных социальных группах. На его основании ученые делают выводы о существовании альтруизма.

Более интересный эксперимент с точки зрения изучения политической культуры выглядит как **стандартная игра с распределением небольшого количества денег между игроками**. Все игроки получают одинаково небольшую сумму денег. Во время первой фазы они могут пожертвовать любую сумму на благотворительность; после принятых решений, все получают возможность увидеть, кто какие взносы сделал. Во время следующего раунда правила меняются: сделав взносы, игроки вновь видят суммы взносов своих партнеров и по желанию могут наказать кого-то, наложив штраф на них и самим заплатив при этом 20% от суммы штрафа (например, наказать игрока на 50 руб., самим потерять 50 руб.). При этом ученые проверяют, кого же пожелают наказать игроки: тех, у кого взнос меньше среднего, или тех, у кого взнос выше среднего. В последнем раунде игроки получают возможность покупать страховки от наказания, за 10% от суммы (например, застраховать 100 руб. стоит 10 руб.).

Наиболее яркие результаты этот эксперимент показывает в кросс-культурной перспективе. В одних странах участники предпочитают наказывать тех, у кого взнос меньше. Ученые называют это «просоциальным» поведением. Участники тем самым выражают недовольство теми, кто является «безбилетником» и не показывает достаточной солидарности. Например, просоциальное поведение свойственно игрокам в странах Западной Европы и США. В то же время в ряде стран игроки наказывают тех, чей взнос *больше* среднего. Это поведение было названо «недоброжелательным». Наказание игроками тех, кто проявляет больше солидарности и альтруизма, распространено в странах Восточной Европы, в том числе и в России.

Данные экспериментов зачастую подтверждают те результаты, которые получены другими методами, например, опро-

сами. Между представителями стран Западной и Восточной Европы существует огромная разница в доверии как межличностном, так и институциональном. Особенно в бывших советских странах социологи и политологи констатируют низкий уровень развития гражданского общества — там мало солидарности и групповой сплоченности.

Следует отметить и эксперименты, не связанные с распределением денег. Наиболее известный из них — **«тест по переписке»** (англ. *correspondence test*). Д. Лейтин проводил этот эксперимент для изучения ксенофобии на рынке труда во Франции. Авторы эксперимента составляли резюме вымышленной женщины. По легенде, она была африканкой, родом из Сенегала, с мусульманским именем Khadija. Было составлено также резюме двух других вымышленных женщин: африканки, но уже с христианским именем Marie и европейской белой женщины с типичным французским именем Aurélie. Все они были гражданами Франции; примерно одного возраста, с почти одинаковым профессиональным опытом и образованием. После того, как были собраны десятки объявлений о вакансиях, на эти адреса были попарно отправлены резюме: Aurélie/ Khadija и Aurélie/ Marie (чтобы не вызывать искусственную конкуренцию между Khadija и Marie. Резюме белой женщины рассматривалось в качестве контрольного показателя: с его помощью фиксировалась доля ответов в принципе. С этой долей ответов ученые сравнивали ответы, пришедшие на имя африканских женщин. В обеих группах/парах Aurélie получила примерно одинаковые доли положительных ответов — 25 и 27%, однако разница между ответами Khadija и Marie была огромной. Христианка Marie получила 21% положительных ответов, а мусульманка Khadija — только 8%. На основании этого ученые сделали вывод, во-первых, о существовании дискриминации мусульман на рынке труда Франции, а во-вторых, о наличии ксенофобских настроений по отношению именно к мусульманам, а не просто выходцам из Африки.

Эксперимент — это довольно редкий метод для изучения политической культуры, который требует тщательной подготовки. Но по причине своей редкости исследования, проводимые с его помощью, часто привлекают внимание ученых.

3.2. Количественные методы изучения политической культуры

Эмпирические исследования политической культуры с применением математических методов возникли после Второй мировой войны на волне интереса к феномену фашизма и тоталитарного общества. Пионером в этой области был Т. Адорно, один из основателей Франкфуртской школы, в 1947 г. разработавший специальную серию вопросов, которая стала называться Ф-шкалой, где «Ф» означает «фашизм». Ответы по Ф-шкале можно было сопоставлять с данными об образовании и другими характеристиками индивида. Исследования с использованием этой шкалы были использованы Адорно для разработки концепции «авторитарной личности» и были опубликованы им в 1950 г. в книге, которая так и называлась¹.

В шкале присутствовал ряд измерений характерных, по мнению Адорно, для авторитарной личности: конвенционализм (конформность по отношению к нормам и ценностям среднего класса), подчинение нормативному авторитету, агрессия по отношению к нарушающим нормы, суеверия, властность и жесткость, стереотипное мышление, цинизм, отсутствие эмпатии, ханжество в сексуальной сфере. Последовавшая критика отмечала, что шкала одновременно измеряет качества общества и психологические качества индивида. Шкала неоднократно модифицировалась различными исследователями, но в измененном виде продолжает использоваться по сей день, например, в виде шкалы правого авторитаризма Б. Альтмайера, оставившем в ней три первые измерения Адорно и убравшего остальные шесть². В таком виде Ф-шкала используется и в современных кросс-культурных исследованиях.

Вскоре после выхода книги Адорно ряд социальных психологов предложили экспериментальные методы изучения личностного авторитаризма. В этом ряду выделяются исследования С. Аша и С. Милгрэма. В экспериментах Аша испытуемый приходил в лабораторию, в которой остальные испытуемые были сотрудниками эксперимен-

татора. Испытуемый должен был оценить длину линии, на краткое время предъявляемой на экране, а сотрудники, игравшие роль испытуемых, консолидировано высказывали заведомо неверное суждение. Значительная часть испытуемых (порядка одной трети) при этом соглашались с неправильным суждением, высказанным группой, хотя в контрольной группе (без группового давления) ошибки не превышали 1%. В экспериментах Милгрэма испытуемый выполнял функцию «учителя», наказывавшего за неправильные ответы другого испытуемого, «ученика» (бывшего, на самом деле, сотрудником экспериментатора), ударами электрического тока, доходившими до 450 вольт. (На самом деле, ток не применялся, но «учитель» был уверен, что удары настоящие.) Манипулируя условиями эксперимента (пол испытуемого, престиж экспериментатора и т.п.), исследователи отмечали разную степень конформности и подчинения авторитету.

К концу 1960-х гг. ученые задумались о том, чтобы получить инструменты, позволяющие сопоставлять ценностные установки в различных обществах. Значительную роль в развитии этого направления исследований сыграл М. Рокич, в 1968 г. основавший Rokeach Value Survey (Исследование ценностей Рокича). Систематически повторяемые исследования Рокича вдохновили других ученых на проведение сравнительных проектов. Так, Ш. Шварц придумал свой собственный набор универсальных ценностей, охватывавший 10 измерений. Хотя часть из них, как выяснилось впоследствии, повторяли друг друга, шкала Шварца получила широкое признание и используется во многих кросс-культурных проектах, включая European Social Survey (Европейское социальное исследование).

Систематические исследования различных ценностей на большом эмпирическом материале привели к появлению ограниченного набора личностных измерений. Несколько групп исследователей независимо друг от друга пришли к мнению о пятичленном наборе универсальных ценностей, известном как «большая пятерка»: открытость (любопытство или осторожность), добросовестность (организованность или безалаберность), экстраверсия (общительность или замкнутость), доброта (сочувствие или безразличие к страданиям других), невротичность (нервозность или уверенность в себе). Эти ценности стали частью многих

¹ Adorno T. W. The authoritarian personality / T. W. Adorno, K. Frenkel-Brunswick, D. J. Levinson, R. N. Sanford. N.Y. : Harper & Row, 1950.

² Altemeyer B. The Authoritarian Specter. Harvard University Press, 1996.

кросс-культурных исследований. Кроме того, было показано, что они сильно коррелируют со всеми большими кросс-культурными исследованиями, например, с упомянутыми исследованиями Г. Хофстеде, начавшего свои исследования в 1980 г. в 40 странах, а к настоящему времени охватившему уже 93.

Но большая политическая, а не психологическая теория стоит только за одним значительным исследованием: Всемирным исследованием ценностей (World Values Survey), начавшемся в 1981 г. и охватывающим на данный момент 100 стран. Новая версия теории модернизации родилась в 1970-х гг. на ограниченном материале, собранном в европейских странах, когда Р. Инглхарт обратил внимание на систематические различия между поколениями. Он рискнул предположить, что это не эффект биологического возраста, а эффект социальных изменений в послевоенной Европе и выдвинул новую теорию, которая впоследствии подтвердилась на огромном эмпирическом материале.

Инглхарт фиксировал не только различия по странам, но и изменения, происходящие во времени. Его данные убедительно демонстрируют связь ценностных установок, экономического прогресса и эффективного государства. В частности, карта политических культур мира Р. Инглхарта и Х. Вельцеля (рис. 3.1) показывает связь ценностных установок с традиционной религией и политическим прошлым; связь ценностных установок на массовом уровне и эффективностью государства; динамику развития ценностных установок в различных странах и регионах мира на протяжении 25 лет.

Основное положение теории модернизации Инглхарта заключается в том, что определенный экономический уровень развития приводит к появлению поколения людей, уже не опасющихся за свое выживание. В этом поколении происходит сдвиг ценностных установок от материалистических и конформистских ценностей в сторону самовыражения, индивидуализма, доверия и толерантности. Эти ценности создают новую среду, которая еще более способствует экономическому росту и в то же время социальной сплоченности и демократизации. В то же время, это лишь общая тенденция, которая в различных условиях может по-разному выглядеть. Например, экономический кризис способен затормозить процесс, как это произошло в Гер-

мании 1920-х гг. Кроме того, важным фактором являются культурно-исторические особенности общества: в некоторых культурных традициях этот сдвиг происходит легче, чем в других. Тем не менее, общая тенденция мирового развития заключается в том, что по мере улучшения условий жизни происходит изменение норм и ценностей в направлении, предсказанном Инглхартом, что в свою очередь еще более способствует как экономической, так и политической модернизации.

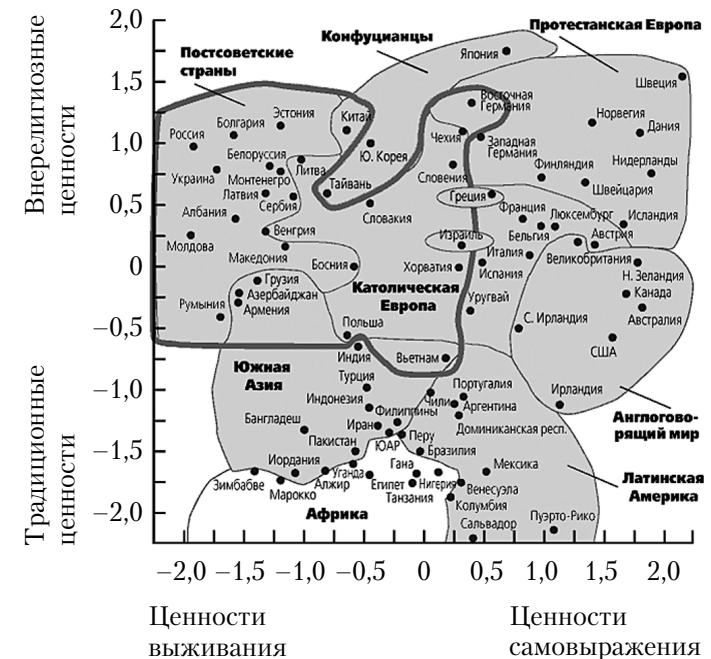

Рис. 3.1. Карта политических культур мира Р. Инглхарта и Х. Вельцеля¹

По вертикальной оси находится шкала (см. рис. 3.1), низкие значения которой соответствуют традиционно-религиозным ценностям, а высокие — светско-рациональным. Низкие значения горизонтальной шкалы соответствуют ценностям, направленным на выживание (материализм

¹ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.

и подозрительность), а высокие — на самовыражение и доверие.

Пространство посткоммунистических стран обведено жирной чертой. Различия внутри этого пространства отчасти определяются прошлой культурной традицией (православием, католицизмом, конфуцианством или южноазиатской традицией).

На рис. 3.2 использованы те же шкалы, что и на рис. 3.1: вертикальная ось отражает секулярно-рациональные ценности, а горизонтальная — ценности самовыражения. Стрелки показывают сдвиги за 25 лет (1981—2006 гг.) в разных регионах мира.

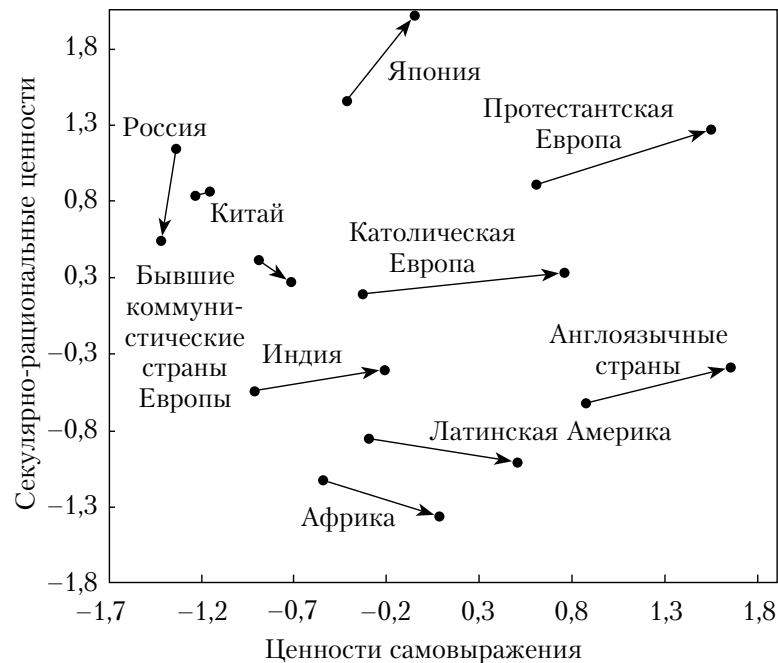

Рис. 3.2. Изменения в мире за последние 30 лет

Россия на фоне других стран мира представляет собой весьма интересный случай, поскольку, во-первых, движется в противоход с остальным миром (рис. 3.2), а во-вторых, субъективное благополучие россиян (самооценка своего положения) хуже, чем можно было бы ожидать (рис. 3.3). Показатель субъективного благополучия статистически зависит от экономического развития и физического здо-

ровья. Если в 1982 г. россияне (по данным исследования Тамбовской области по методике WVS) ощущали себя относительно благополучно для своего уровня экономического развития, то после распада СССР они чувствовали себя хуже, чем люди в гораздо более бедных странах; внешним проявлением этого неблагополучия стало снижение продолжительности жизни и рост алкоголизма. К концу 1990-х гг. субъективное благополучие в России снизилось до беспрецедентного уровня. В последние годы эта тенденция стала выправляться, но прежде всего за счет молодого поколения, приспособившегося к новым условиям.

Уникальность России заключается в том, что в то время как в большинстве стран происходит сдвиг в сторону ценностей самовыражения и доверия, в России еще более усилились ценности выживания (материализм и подозрительность) и произошел существенный отход от светско-рациональных ценностей в сторону традиционных ценностей, связанных с верой в высшие силы. Россия по уровню рациональности находится весьма высоко, на уровне протестантской Европы и конфуцианских стран. Но в отличие от Северной Европы в России доминируют ценности, направленные на выживание.

3.3. Сравнительный анализ политических культур

Показательно сравнить оценку политической культуры конкретного общества в рамках различных моделей, чтобы получить, по возможности, более точную ее характеристику.

Так, А. Богдановой было проведено исследование российской политической культуры с использованием моделей Г. Алмонда и С. Вербы, У. Розенбаума, Р. Льюиса, Г. Хофстеде и ценностно-нормативной модели Г. Л. Тульчинского. Эмпирической базой послужили данные WVS, Г. Хофстеде и самостоятельные опросы.

Согласно модели Алмонда и Вербы в России господствует подданническая культура. Утверждая это, мы исходим из того факта, что граждане России практически не проявляют политическую активность, а когда все же это происходит, не могут повлиять на принимаемые властью решения, что можно было наблюдать на парламента-

ских и президентских выборах. Граждане активно участвовали в выборах, явка была весьма высокой для России (60,2%), многие были наблюдателями и членами комиссий. Не удовлетворившись официальными результатами выборов, противоречившими здравому смыслу, граждане вышли на митинги, которые собрали рекордное количество участников. Таким образом гражданская активность была крайне высокой в период президентских и парламентских выборов но все проявления гражданской активности не были отмечены какими-либо действиями со стороны власти, которая напротив старалась игнорировать происходящее. Получается, что власть ориентирована на подданничество народа, а существенная часть граждан, особенно из бизнеса и гуманитарной среды — на участие в политических процессах.

Если же представить существующую в России политическую культуру в терминах модели У. Розенбаума, то ей скорее присущ близкий к фрагментарному обществу тип: отсутствие общепринятых гражданских процедур в урегулировании социальных конфликтов (существующие скорее исключение, нежели правило), отсутствует согласованность в принятии единого решения касательно политического устройства страны, нет доверия между социальными группами.

Модель Г. Хофстеде с ее пятью критериями дает несколько более детальную характеристику российской политической культуре, которую по этой классификации можно определить как:

- а) коллективистскую (39 из 100);
- б) дистанцированную от власти (93 из 100);
- в) «женственную» (64 из 100);
- г) стремящуюся избегать непредсказуемости в будущем (95 из 100), хотя исследователи отмечают, что для молодого поколения (20–30 лет) уровень избегания неопределенности снижается, и они готовы рисковать.

Для наглядности характеристику российской политической культуры в этой модели полезно сравнить с политическими культурами других стран (рис. 3.3).

Модель Р. Льюиса большей частью ориентирована на коммуникацию и оценивает коммуникативные особенности культур разных стран и перспективы развития межкультурных коммуникаций. С этой точки зрения российскую культуру характеризуют следующие качества:

исторически сложившаяся склонность к неравномерным темпам работы, упорство, пессимизм, эмоциональность, осторожность, недоверие к иностранцам, а вследствие этого объединение для выживания — коллективизм.

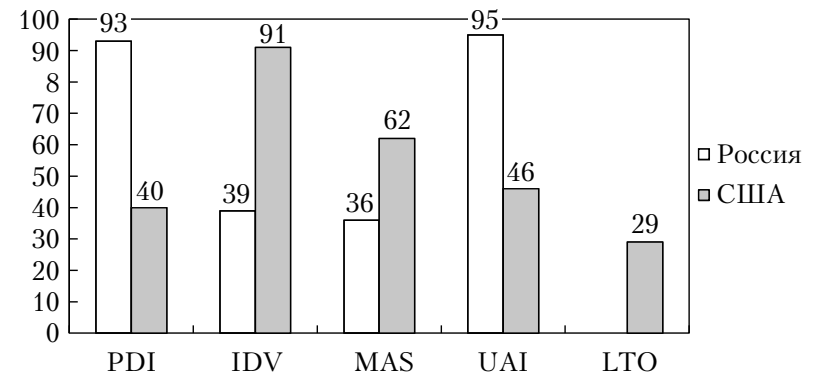

Рис. 3.3. Показатели пятимерной модели культуры России в сравнении с культурой США:

PDI — Power Distance — дистанция власти; IDV—Individualism — индивидуализм; MAS — Masculinity / Femininity — мужественность; UAI — Uncertainty avoidance — избегание неопределенности; LTO — Long term orientation — долгосрочное планирование (данных по России нет)

Модель К. Кэмерон и Р. Куинна имеет ориентацию на описание корпоративной культуры организаций, так как охватывает такие аспекты, как: управление (например, персоналом), тип лидерства, степень эффективности (производства) и т.д. Кэмерон и Куинн определяли тип присутствующей культуры с помощью рамочной конструкции конкурирующих ценностей. Ее можно изобразить, воспользовавшись данными Г. Хофстеде по параметрам культуры России (рис. 3.4):

- дистанция власти — 93/100;
- индивидуализм — 39/100;
- мужественность — 36/100;
- избегание неопределенности — 95/100.

Как можно заметить из схемы профиля российской культуры, ее можно отнести к типу иерархии, так как показатели контроля, стабильности, внутреннего контроля и интеграции отражают именно этот тип. Из этого сле-

дуют выводы: тип лидера в России организаторский, лидер является одновременно координатором и наставником. Осуществляемый контроль весьма суров, а главной целью является максимальная выгода на основе этого контроля.

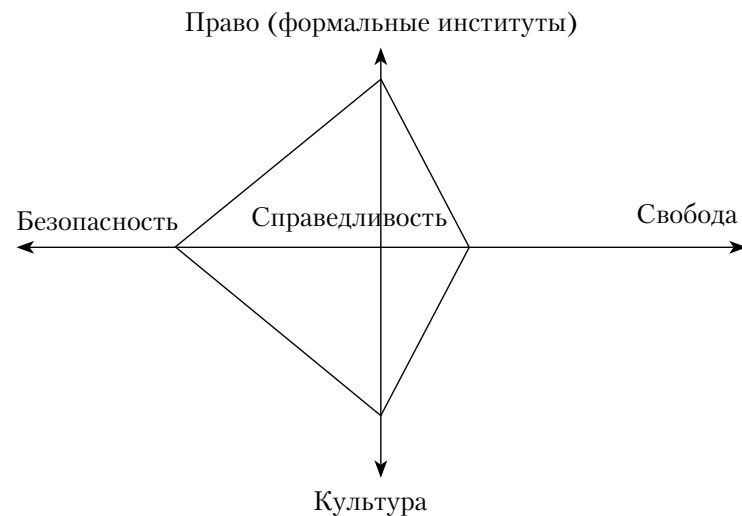

Рис. 3.4. Профиль российской политической культуры в модели К. Кэмерон и Р. Куинна

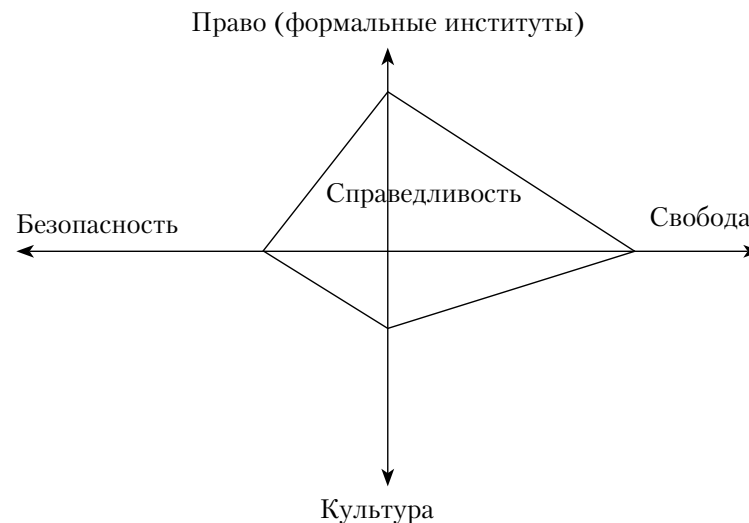
Для характеристики российской политической культуры в модели Г. Л. Тульчинского, применяющей ценностно-нормативные параметры, можно опять же воспользоваться данными Г. Хофстеде, а также полученными выводами по модели К. Кэмерон и Р. Куинна. Безопасность, справедливость и свобода задают ценностную ось, вертикальную институциональную ось задают право, справедливость и культура. С помощью этих графиков можно строить схемы-профили различных типов общественных культур, сравнивать их, обнаруживать недостатки и направления перекоса (рис. 3.5).

Для сравнения опять-таки можно взять политическую культуру США с ее характеристиками по данным Г. Хофстеде (рис. 3.6):

- дистанция власти — 40/100 (право);
- индивидуализм — 91/100 (свобода);
- мужественность — 62/100;
- избегание неопределенности — 46/100 (безопасность).

Рис. 3.5. Политическая культура России

Рис. 3.6. Политическая культура США

Характеристики дают довольно наглядную картину. Рассматривая политическую культуру России, можно выделить следующие особенности:

- на ценностной оси очевиден акцент на безопасность по отношению к ценности свободы;

- на нормативной оси также акцентирована характеристика неформальных институтов.

Для политической культуры США характерны противоположные российским параметры:

- на ценностной оси явный акцент ценности свободы по сравнению с безопасностью;
- на нормативной оси явный акцент на формальные институты права по сравнению к неформальными.

На основе полученных данных следует обратить внимание на факторы динамики нормативно-ценностного комплекса и перспективы возможностей управления развитием политической культурой.

Такой многоплановый анализ показывает достаточно наглядную и полную картину российской политической культуры, для которой характерны:

- коллективизм, большая дистанцированность народа от власти, стремление к усвоению стереотипов сильного пола, стремление к избеганию неопределенности и к краткосрочному и среднесрочному планированию вместо долгосрочного;
- политические лидеры в России выполняют роли наставников и координаторов, а также осуществляют серьезный контроль и стремятся к достижению максимальной выгоды на основе этого контроля;
- недостаток свободы и индивидуализма при наличии достаточных институциональной, правовой и культурной баз.

Выявив особенности российской политической культуры, можно предложить возможные варианты ее развития, сложности связанные с этим процессом и способы их преодоления с учетом российской специфики. Эти особенности российской политической культуры не следует считать изъянами. Они были сформированы в течение всего времени существования российского общества под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов. Необходимо считаться с ними, и в процессе проведения той или иной политики их учитывать и грамотно использовать для развития и модернизации.

3.4. Гуманитарная экспертиза

Гуманитарная экспертиза — разновидность междисциплинарного «мета-консультирования» (А. Мэслоу).

В самых различных сферах общественной жизни эта социальная технология позволяет реализовать ряд социально значимых функций, таких как:

- диагностика;
- оценка;
- идентификация (атрибуция, квалификация);
- прояснение и объяснение сложившейся ситуации;
- консультирование;
- определение оснований;
- обоснование реальности осуществления;
- выявление возможных последствий (позитивного и негативного планов);
- оказание помощи;
- социальная защита.

Специфика гуманитарной экспертизы (далее — ГЭ) вытекает из особенностей гуманитарного знания¹. При оценке эффективности социальных проектов в контексте их целесообразности в плане оценки перспектив личностного развития ГЭ ориентирована прежде всего на выявление возможного нарушения баланса социальной безопасности и свободы.

Социальная безопасность связана с реализацией отмеченных ранее уровней инфраструктуры личности: обеспечение жизни, здоровья, сохранения и развития культуры и соответствующей идентичности, развития экономической и политической систем. Однако эти уровни рассмотрения и соответствующие критерии носят относительный характер. Абсолютным критерием ГЭ оказывается обеспечение возможности самоопределения — свободного ответственного выбора.

Главная цель ГЭ — соотношение социально-культурного (нормативно-ценностного) и личностного уровней. Именно этот аспект фактически выделяется во многих работах, посвященных различным видам ГЭ: этической приемлемости, психолого-педагогической обоснованности. Именно он лежит в основе широких дискуссий о клонировании, абортах, эвтаназии, использовании стволовых клеток, биометрии и пр.

¹ Подробнее о специфике и политической роли гуманитарного знания см.: Политическая философия : учеб. пособие / Г. Л. Тульчинский, А. Ю. Сунгуров, А. А. Балаян, И. В. Сохань ; отв. ред. Г. Л. Тульчинский. М. : Юрайт, 2014.

ГЭ оценивает любую деятельность с точки зрения ее последствий для человека — как целого (социум) и как индивида. Другими словами, специфика ГЭ связана с выявлением влияния психологических особенностей людей на социальные события и воздействия социальных событий на психологические особенности людей.

Возможности такого сравнения обеспечивает специфика ГЭ.

Прежде всего, это *нормативно-ценностное содержание* ГЭ, включающее выявление:

- базовых ценностей конкретного социума;
- ценностного содержания идентичности конкретной субкультуры — вплоть до отдельного индивида;
- перспектив данных нормативно-ценностных систем: возможностей их реализации и развития или угроз их реализации.

По своей сути ГЭ оказывается соотношением нормативно-ценностных комплексов (basic values) различного уровня: национального, этнического, конфессионального, возрастного, профессионального и т.д.

В методическом плане ГЭ представляет собой пошаговую реализацию следующего алгоритма:

- (1) диагностика (идентификация, атрибуция, квалификация) базового (выбранного в качестве «стандартного») нормативно-ценностного комплекса;
- (2) диагностика нормативно-ценностного комплекса оцениваемого явления, проекта, программы;
- (3) соотношение результатов шагов (1) и (2);
- (4) оценка (интерпретация) результатов шага (3);
- (5) выявление (прогноз) последствий реализации нормативно-ценностного комплекса, выявленного на шаге (2) для базового нормативно-ценностного комплекса.

Из этого следует, что ГЭ строится относительно некоего нормативно-ценностного базиса, ее результаты релятивны и релевантны относительно этого базиса. Подобное выявление и систематическое соотношение нормативно-ценностных комплексов конкретных культур не может быть осуществлено силами исключительно какой-то одной специальной дисциплины.

Конкретные методы, используемые в ГЭ, могут быть самыми различными: контент- и интент-анализ, метод семантического дифференциала и информационно-целевой

анализ, логический и психологический анализ и т.д. и т.п. ГЭ может осуществляться в любой сфере и опираться на средства любой научной дисциплины, но только при условии их гуманитарного использования. Например, Р. Оппенгеймер, А. Эйнштейн, А. Д. Сахаров, в разное время выступая против термоядерного оружия, опирались на естественно-научные данные, используя их, тем не менее, как аргументы именно в ГЭ. Поэтому главной особенностью ГЭ является ее *комплексный и междисциплинарный характер*, интегративно соотносящий и сводящий воедино психологические, этические, культурологические и философские аспекты. Центром, фокусом, стягивающим воедино эти аспекты, является личность, поскольку главная задача ГЭ — не просто соблюдение принципа «не навреди», а сохранение и обеспечение перспектив личностного развития, самоопределения как возможности ответственного выбора.

Наиболее очевидна необходимость ГЭ в сфере образования. Речь идет не о противопоставлении гуманитарных дисциплин точным и естественно-научным, а об их взаимодополнительности и взаимонеобходимости. Раскрыть значение и роль ответственности человека за его поступки, за его экономическую деятельность и т.д.: всякое нравственное воспитание зависит в воздухе, если не вооружает человека реальными средствами решения возникающих перед ним проблем: профессиональных, научных, бытовых и пр.

Особую актуальность приобретает ГЭ преобразований в правоохранительных органах, состоянии и перспективы пенитенциарной системы, административных и законодательных инициатив. Широкое поле для ГЭ предоставляет деятельность СМИ. Не менее актуальна ГЭ деловой активности, отраслевых и региональных программ, конкретных бизнес-проектов в контексте повышения их социальной ответственности по отношению к потребителям и партнерам, населению в целом и собственному персоналу.

ГЭ позволяет не только оценить опасность конфликтов, но и создать основу согласования интересов — не в политической и экономической сферах, а их предпосылке в сфере представлений о жизненных целях и критериях. Только учет таких долговременных и интегративных целей позволяет консолидировать общество, разрешать социальные конфликты, в том числе застарелые, обеспечить профилактику экстремизма.

3.5. Анализ дискурса

Хотя в социологических исследованиях политической культуры в целом преобладают подходы, нацеленные на опросные методы, существуют и альтернативные методики. Примером этому может служить работа американского политолога М. Урбана «Культуры власти в постсоветской России», посвященная анализу дискурса властвующей элиты, который рассматривается автором как отражение представлений, определяющих восприятие и оценку российской политики ее ключевыми акторами. В отличие от классического подхода политическая культура интерпретируется здесь как не совокупность убеждений и ценностей, которые детерминируют поведение индивидов, а «смысловой интеграл поведения», представляющий его внутреннюю логику или рациональность. По мысли автора, ключ к пониманию этой внутренней логики следует искать в языке. Поэтому политическую культуру можно рассматривать как «особую дискурсивную формацию, по отношению к которой индивиды выступают не столько творцами коммуникативных актов, сколько передающими инстанциями, транслирующими друг другу сообщения-повествования, формируемые и расшифровываемые на основе усвоенных ими дискурсов»¹. В свою очередь, дискурс определяется как «набор глубинных категорий, санкционирующих и направляющих коммуникацию» или «системы категорий, на основе которых можно создавать осмысленные высказывания»². Представители политической элиты рассматриваются в книге Урбана как члены пересекающихся дискурсивных сообществ, на основе которых они строят свою идентичность, приписывают смысл своим практикам и интерпретируют мир.

Материалом для анализа послужили тексты 34 глубинных интервью с представителями политического класса, занимавшими ключевые посты в структурах исполнительной и законодательной власти в администрациях М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина. Целью интервью было

¹ *Urban M. E. Cultures of Power in Post-Communist Russia. An Analysis of Elite Political Discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 1.*

² *Urban M. E. Cultures of Power in Post-Communist Russia. An Analysis of Elite Political Discourse. P. 1, 7.*

побудить респондентов обстоятельно высказаться о своем политическом опыте и восприятии мира политики.

Категориальная схема анализа текстов интервью опиралась на идеально-типическую модель политического дискурса, разработанную М. Урбаном на основе веберовского понимания политики и теории дискурса Ю. Хабермаса. Эта модель включает четыре элемента, соответствующие базовым синтаксическим категориям: 1) дискурс морали (обозначает объект политического дискурса — общее благо); 2) дискурс компетентности (характеризует его субъекта); 3) дискурс сообщества (указывает на косвенный объект, то, «во имя чего» существует политика) и 4) дискурс одобрения (выражает действие — правовую оценку). Связь этих элементов и конституирует политический дискурс: он «описывает некое благо, которое должно быть достигнуто теми, кто утверждает, что способен это благо защитить, во имя определенного сообщества (публики), которое может одобрить, оспорить или отвергнуть эти действия через дискурс легальности»¹. Точно так же, как формулирование осмысленных высказываний невозможно без соблюдения правил синтаксиса, политический дискурс, по мысли Урбана, искажается, если отсутствуют какие-то из образующих его элементов. Именно это имеет место в дискурсе российской политической элиты: в нем слабо представлены элементы, связанные с сообществом и правом, и гипертрофированы элементы, характеризующие субъективную сторону политики — компетентность и мораль. Выводы Урбана во многом совпадают с результатами других исследований политической элиты, красноречиво свидетельствуя о «неполноте» содержания политики в российском контексте, оборотной стороной которой является специфика позиций, занимаемых ее акторами.

3.6. Изучение несоциальных факторов политической культуры

Социальные факторы — это факторы, которые были созданы человеком, например, экономика, религия, история или литература. Несоциальные — факторы, которые были

¹ *Urban M. E. Cultures of Power in Post-Communist Russia. An Analysis of Elite Political Discourse. P. 11.*

созданы без участия человека. Среди них мы выделяем географию, климат, эпидемии, инфекции и гены.

Географические и экологические факторы. В современной политической науке все более популярным становится направление, которое фокусируется на роли таких факторов в формировании политической культуры, как *география* и *экология*. Одним из современных основоположников так называемого «географического детерминизма» является Д. Даймонд. В своей известной книге «Ружья, микробы и сталь» он сформулировал мысль, что географические факторы, такие как климат, ландшафт, разнообразие животного и растительного мира, во многом определяют скорость перехода человеческих популяций к земледелию, росту населения и формированию государства. В дальнейшем все эти факторы продолжают влиять на технический и социальный прогресс. Например, указываемая Даймондом географическая ось «Восток — Запад» (континент Евразия) в гораздо большей степени способствовала распространению и диффузии инноваций между народами, чем ось «Север — Юг» (континенты Америка и Африка).

В 2011 г. один из самых авторитетных научных журналов «Science» опубликовал статью под названием «Differences Between Tight and Loose Cultures: A 33-Nation Study». Под суровостью (tight) здесь понимается наличие в культуре множества запретов и наличие жестких санкций за их нарушение, под мягкостью (loose) — наоборот, малое число запретов и мягкость санкций за их нарушение. Для оценки культуры были проведены социологические опросы в 33 странах, в ходе которых измерялись культуры по шкале: суровость — мягкость. В опросник включались такие утверждения, как: «Предполагается, что люди в данной стране должны подчиняться множеству норм поведения»; «В этой стране, если кто-то действует неправильно, то остальные будут его сильно осуждать»; «Люди в этой стране почти всегда стараются соответствовать принятым нормам поведения». В том числе респондентов просили оценить допустимость 12 видов поведения (например, есть, смеяться, ругаться, целоваться, кричать, петь, говорить, флиртовать, слушать музыку, читать газету, торговаться) в 15 ситуациях (в банке, у доктора, на собеседовании при устройстве на работу, в библиотеке, на похоронах, в классе,

ресторане, общественном парке, автобусе, спальне, тротуаре, на вечеринке, рабочем месте, в кинотеатре). Каждая ситуация в итоге получала оценку уместности того или иного поведения. После проведения дополнительных «тестов на прочность» (например, сравнения возможной разницы поведения между респондентами внутри страны, дополнительных математических проверок и т.д.) каждая страна в выборке получила свой балл по шкале «суровость — мягкость». В целом, суровые культуры предполагают меньше толерантности к любым «другим» и более подозрительное и враждебное отношение к любым «чужакам». Народы с суровыми культурами более религиозны, консервативны, в них реже можно встретить проявления протестного поведения.

Следующим этапом исследования было сравнение полученных оценок с различными экологическими, географическими и историческими факторами. Эти сравнения показали довольно много удивительного — есть множество значимых корреляций, связывающих «суровые» культуры с суровыми условиями существования народов — носителей данных культур. Сюда входят география, климат, вероятность стихийных бедствий, урожайность, история набегов, история эпидемий и т.д. Выяснилось, что «суровым» культурам — по сравнению с «мягкими» культурами — свойственны более высокая плотность населения, меньшая площадь плодородной пашни, скудность природных ресурсов, скудность рациона продовольствия, меньшее потребление жиров и белков, больше проблем с доступом к чистой воде, хуже качество воздуха. Кроме того, народы с суровой культурой чаще сталкивались с природными стихийными бедствиями (включая наводнения, циклоны и засухи), и распространением инфекционных болезней. В XX в. эти же народы имели больше шансов столкнуться с территориальными претензиями со стороны своих соседей. В политической сфере страны с суровыми культурами, как правило, более авторитарны, в них чаще происходят ограничения прав и свобод, больше репрессий, меньше доступ к независимым источникам информации. Кроме того, наказания за преступления там гораздо суровее, а численность полицейских на душу населения — выше, что говорит о более жестком контроле правительства над обществом.

Как можно объяснить эти результаты? Те народы, которые жили в более благоприятных природных условиях, демонстрировали более гибкую и менее суровую политическую культуру. Иными словами, если народ живет в неблагоприятном климате, с высокой частотой стихийных бедствий, с постоянной угрозой голода, эпидемий и долгой историей набегов соседей (возможно, таких же голодных), то это обязательно скажется на политической культуре. Она будет более авторитарна и более консервативна, ценности будут отражать нетерпимость к «другим» и послушность властям.

Как минимум, неустойчивость к ряду болезней могла физически погубить целые цивилизации (есть оценки, что до 95% коренного населения Америки умерло от принесенных европейцами болезней). Болезни могут оказывать и косвенное влияние, в том числе и на политическую культуру. Американские ученые Д. Асемоглу, Д. Робинсон и С. Джонсон опубликовали в 2001 г. статью «The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation», в которой связывали европейскую колонизацию, смертность среди европейских поселенцев в колониях по причине болезней с типом политических и правовых институтов, который установился в стране. Ученые пришли к выводу, что там, где европейцы умирали от тропических болезней, они не могли перейти к поселенческой колонизации, основывали в основном торговые фактории и правили через местные элиты. После ухода европейцев в «торговых» колониях почти не оставалось европейских социальных и политических институтов. В поселенческих же колониях европейцы приносили свои социальные и политические институты, что способствовало в дальнейшем развитию и укреплению этих институтов. Таким образом, уровень распространения инфекций, смертность европейцев от них напрямую повлияли на оседлость белых колонистов на этих территориях и закреплению политических институтов, ценностей и культурных установок.

Наличие благоприятного для европейцев климата и, соответственно, относительно низкий уровень смертности европейцев от болезней — в Северной Америке, Австралии и Южной Африке — способствовало массовой европейской миграции и импорту европейской политической культуры. Напротив, в тропической Африке европейцев ожидали непривычные для них болезни, и присутствие европейцев

носило невидимый характер — небольшие воинские контингенты, колониальная администрация и торговые фактории (причем часто на морском побережье). После деколонизации выяснилось, что европейские политические институты и европейские ценности политической культуры не оставили в местных обществах практически никакого следа.

Стоит, однако, отметить, что на данный момент можно говорить только о влиянии эпидемий и инфекций на формирование политической культуры только в *исторической* перспективе. Изначальный уровень распространения инфекций мог оказать влияние на различия в политической культуре. В современном мире, при развитии современной медицины и значительных успехах в борьбе с эпидемиями, роль инфекций в качестве фактора, влияющего на политическую культуру, едва ли столь значительна.

Главный вывод, который делают авторы этого исследования, заключается в том, что политическая культура функциональна своему экологическому и историческому контексту. Если жизнь вокруг суровая, то и политическая культура будет суровой.

Это также означает, что механический перенос элементов политической культуры может иметь свои естественные пределы. В то же время такой подход не исключает изменения ценностных установок в связи с улучшением «физических» условий проживания: победа над голодом и болезнями, предотвращение последствий стихийных бедствий, разрешение конфликтов с соседями могут сделать политическую культуру более «мягкой».

Генетические факторы. Еще одно популярное направление подобного рода исследований — это изучение влияния генетических факторов, генетического разнообразия на социальные изменения и на политическую культуру, в частности. Это влияние не одностороннее: как гены могут влиять на социальные изменения, так и социальные изменения могут оказывать воздействие на генетическое разнообразие.

Исследователи Дж. У. Чао и К. Д. Ближински в 2010 г. опубликовали статью «Culture-gene coevolution of individualism-collectivism and the serotonin transporter gene»¹, в которой они указывали, что определенные гены ассоциируются

¹ Chiao, J., Blizhinsky K. Culture-gene coevolution of individualism-collectivism and the serotonin transporter gene // Proceedings of the Royal Society : Biological Sciences. 2010. № 277. P. 529–537.

с различного рода социальным поведением. Так, существует зависимость (на уровне корреляции) между геном-транспортером серотонина (5-HTTLPR) и ценностями (они измеряли ее по шкале коллективизм-индивидуализм).

Другая группа ученых провела эксперимент, в ходе которого испытуемым выдавалась небольшая сумма денег, из которой им предлагалось пожертвовать любую часть на благотворительность, а остальное оставить себе. Одновременно исследователи брали у испытуемых образцы генетического материала. Выяснилось, что у носителей определенного аллеля (варианта гена) COMT Val158Met, ассоциируемого с гормоном допамина, уровень альтруизма, т.е. готовности жертвовать деньги на благотворительность, выше примерно в 2 раза. Результаты исследования нашли отражение в статье «Investigating the genetic basis of altruism: the role of the COMT Val158Met polymorphism» (2011 г.). Таким образом, различия в частоте вариантов различных генов может связываться с частотой социальных признаков, которые мы относим к политической культуре.

Гены, связанные с гормонами допамин и серотонин, пожалуй, самые популярные среди биологов и политологов. В последнее время появился ряд работ, в которых ученые указывают на связь между генами, ответственными за различные аспекты работы этих гормонов, и политическим поведением. Например, были опубликованы работы, в которых отмечалась значимая связь между этими генами и явкой на выборы, а также с членством в политических партиях. В какой-то степени эти гены определяют уровень социальной активности, которая может проявляться в том числе и в виде участия в голосовании и партийной жизни.

Наличие у человека определенного варианта гена не означает, что ценности или тот или иной вариант социального поведения предопределен. Крайне много зависит от тех условий, где социализируется индивид. Если индивид с «плохим» вариантом гена (например, отвечающим за повышенную агрессию) выращен в «хороших» условиях (в некоторых исследованиях под ними понимается проживание в районе с низкой безработицей и низким уровнем преступности), то вероятность проявления «антисоциального» поведения будет ниже, чем у носителя «плохого» варианта гена, но прошедшего социализацию в благоприят-

ных условиях. Таким образом, влияние генов может сильно нивелироваться социальными условиями.

Методологически, эти исследования проводятся следующими способами: либо проводятся социологические опросы с одновременным забором биологического материала, например, крови или слюны (и потом ряд установок ассоциируется с изучаемыми генами), либо данные исследований из *популяционной генетики* (определенные частоты генов сравниваются между разными народами) ассоциируются с отдельными социальными признаками. Стоит отметить, что критики — содержательной и методологической — в этом направлении, наверное, больше, чем открытий. Все это говорит, что подобного рода исследования находятся лишь в самой начальной стадии, однако, возможно, в дальнейшем их ждет большое будущее.

Биополитика. В последние десятилетия получили развитие исследования соматических (физиологических) факторов политического поведения, в частности политические последствия состояния здоровья, диеты, голодания, возраста, стресса, расовых и национальных и половых различий, алкоголизма, употребления психофармакологических средств. Т. Виджел, Г. Шуберт и другие биополитики изучали в 1970—1980-е гг. влияние усталости, болезней, биоритмов и пр. на принятие ответственных решений и ведение международных переговоров политическими деятелями, в том числе в экстремальных ситуациях типа Карибского кризиса. Еще раньше, начиная с 1960-х гг., проводились биополитические исследования по эффектам наркотиков и психофармакологических средств на политическое поведение людей. Л. Колдуэлл указывал на «группу биополитических проблем», включая индивидуальное человеческое поведение под влиянием сигарет, транквилизаторов, наркотиков и алкоголя — вплоть до «биохимического контроля над личностью».

Ряд биополитиков указывали на возможность манипулирования теми или иными физиологическими параметрами людей ради достижения политических целей. Пример подобной манипуляции представляет так называемое промывание мозгов (brain washing), практиковавшееся в Германии, СССР, Китае. Лишая людей нормального питания и сна, создавая постоянный стресс в ходе утомитель-

ных допросов, возвращая людей путем ряда других хорошо продуманных мер в инфантильное состояние (когда возможно некритическое восприятие идей по типу «импринтинга»), китайские маоисты, например, добивались принятия людьми политических убеждений, которые внушали им в состоянии аффективного возбуждения, в отсутствие какой-либо рациональной аргументации. Эти политические установки в дальнейшем оставались устойчивыми у многих узников китайских тюрем и лагерей даже после их освобождения — например, у американских солдат, взятых в плен китайцами во время Корейской войны и затем вернувшихся в США.

Насыщение, прекращение голода сопровождается выделением в мозгу «веществ удовольствия» (энкефалинов), оказывающих многообразное влияние на нервную деятельность. Помимо биологического, отметим также социальное значение всевозможных ритуалов приема пищи как коллективных событий. Прием пищи в человеческом обществе определяется не только (а зачастую не столько) удовлетворением физиологической потребности организма, сколько социокультурными факторами, включая политические.

Наибольшее биополитическое значение имеет исследование нервной системы человека, которая контролирует весь репертуар социального и политического поведения, будь оно сознательным или бессознательным, рациональным или иррациональным. Особое биополитическое звучание имеют исследования эффектов нейротрансмиттеров (веществ, влияющих на нейрофизиологические процессы), например, серотонина. Так, данные Мадсена о роли серотонина¹ у *Homo sapiens* выявили, что по мере повышения уровня серотонина в крови у людей: 1) с «макиавеллиевским типом личности» (агрессивных, властолюбивых, целеустремленных, аморальных) социальный ранг нарастает; 2) «уступчивых моралистов» социальный ранг убывает. Одно из возможных объяснений — серотонин (при его достаточном уровне) проявляет истинный тип личности человека, он становится «самим собой». Если же имеется дефицит серотонина, то, независимо от типа личности, наступает депрессия и снижение контроля за импульсив-

¹ *Madsen D. K. A Biologocal Property Relating to Power –Seeking in Humans // American Political Science Review. 1985. Vol. 79. P. 448–457.*

ным поведением. Дефицит серотонина стимулирует некоторые виды агрессии, в частности вызванной страхом. Низкий уровень серотонина придает поведению импульсивный, не совсем адекватный характер. Однако хладнокровное, целенаправленное самоутверждающее (ассертативное) поведение, также часто вовлекающее элементы агрессии, наоборот, свойственно индивидам с высоким уровнем серотонина.

Человеческое поведение можно трактовать как стремление к достижению нейрофизиологического гомеостаза (психосоматического равновесия организма), т.е. оптимальных, взаимно сбалансированных концентраций различных нейротрансмиттеров. Высокий социальный статус способствует росту уровня серотонина. Поэтому социально изолированные индивиды стремятся к обществу сторонников, что создает у человека чувство уверенности в себе, осмысленности его жизни, участия в важном для общества деле, на биохимическом уровне способствуя достижению внутреннего гомеостаза. В этом плане идеологические установки могут трактоваться в качестве источников смысла жизни и генераторов оптимальных уровней нейротрансмиттеров.

Те же результаты дает прием определенных препаратов. Так, прозак (флуоксетин), золофт (сертралин) и паксил (пароксетин) повышают в организме содержание серотонина или стимулируют его активность, тем самым преодолевая депрессию и другие состояния, связанные с дефицитом серотонина в мозгу. По ощущениям принимавших прозак пациентов, депрессия отступает, появляются надежды и планы на будущее. Окружающая действительность обретает вкусы и запахи, оттенки серого сменяются натуральной цветной гаммой. Интересно, что прозак, наиболее широко известный за рубежом препарат (в США даже вышла книга «Prozac Nation»), в то же время несколько стандартизует человеческую личность (все становятся улыбчивыми, работоспособными и т.д.), вызывая тревогу по поводу возможного варианта реализации орвелловских утопий. Повышение уровня серотонина естественным путем дает диета, богатая триптофаном и бедная белками и «пустыми» углеводами.

Интерес биосоциологов привлекает также окись азота, поскольку именно это вещество вырабатывается кожей при

взаимных ласках (груминге) у животных и человека. Как летучее низкомолекулярное вещество, NO легко проникает в мозг, где и вызывает эффект, улучшая настроение. Давно и хорошо известно влияние на поведенческие реакции феромонов — пахучих веществ, в том числе выделяемых человеческим телом. Они могут участвовать во взаимодействиях людей в малых группах, где созданы условия для непосредственного контакта участников. Феромонное взаимодействие между лидером и подчиненными может быть одной из причин того, что последние чувствуют себя счастливыми и спокойными вблизи харизматического лидера. Лидер также, возможно, получает с феромонами дополнительную энергию в процессе «купания в массах». Страх и гнев распространяются в толпах людей по многим каналам коммуникации, но предполагают и роль специфических летучих выделений людей соответствующего эмоционального состояния.

Пептидные нейромодуляторы (эндорфины, энкефалины), являясь болеутоляющими веществами и «веществами удовольствия» (они вызывают эйфорию — ощущение счастья), представляют собой внутреннюю «награду» индивиду за то или иное поведение. Именно химическое сходство эндорфинов, вырабатываемых самим мозгом, с морфином обуславливает возможность пристрастия людей к морфию, опиуму и аналогичным препаратам. Комплекс положительных эмоций, связанных с усиленной выработкой эндорфинов и других «веществ удовольствия» дает человеку религиозный опыт. С чисто нейрофизиологической точки зрения знаменитые слова К. Маркса о религии как «опиуме для народа» можно понимать более буквально, чем полагал сам Маркс. Эндорфины, энкефалины и другие вещества сходного действия подкрепляют собой альтруистические акты, вырабатываются у законопослушных людей при соблюдении законов.

Наряду с эндорфинами и сходными с ними соединениями, имеются и пептидные факторы, оказывающие противоположное действие на мозг, что также представляет биополитический интерес. Так, пептид холецистокинин вызывает у людей состояние паники. Подобные пептиды, вероятно, вовлечены в поведение мечущихся в испуге толп людей; в то же время, холецистокинин и его более стабиль-

ные аналоги могут быть использованы для преднамеренной модификации поведения людей в тех или иных целях.

В настоящее время знания о нейрохимии продвинулись в такой мере, что становится реальностью целенаправленная модификация человеческого поведения, а также состояния здоровья. В последние годы весьма актуальной стала дилемма — «Наказывать или лечить? Как вести себя по отношению к преступникам, имеющим явные нейрохимические отклонения?» Эти вопросы были на повестке дня многочисленных международных конференций Грутеровского института права и поведенческих исследований. Участники этих конференций подчеркивают, что в наши дни имеется много возможностей для сознательного или неосознанного манипулирования человеческим поведением. Например, преступность может рассматриваться как патологическая форма нейрофизиологической компенсации нарушенного гомеостаза. В этом случае возможно медикаментозно снижать риск повторных преступлений у лиц с той или иной соматической патологией. Так, группа финских ученых доказала, что если у бывшего преступника удастся повысить уровень серотонина (скажем, лекарственным или диетическим путем), то это практически устраняет риск рецидива преступления.

Такая концепция «в чистом виде» была бы даже опасной, поскольку игнорировала бы другие грани многоуровневого человека, который сохраняет свои различные уровни, когда идет на преступление. Более того, модификация поведения, если она предпринята со злым умыслом, вполне может рассматриваться как новый вид преступлений, в том числе и совершаемых с политическими (и даже военными) целями. Поэтому одной из задач международного биополитического сообщества является борьба с посягательством на право каждого индивида самому распоряжаться своим поведением (если оно не является противоправным). Если же противоправные действия налицо, то задачей биополитики может быть длительная коррекция поведения на основе знаний о нейрофизиологии и нейрохимии.

При всех многочисленных социальных, культурных, духовных и прочих факторах преступности игнорировать и ее нейрохимические факторы ныне невозможно.

Так, исследования Р. Мастерса показали тройственную корреляцию между 1) загрязнением окружающей среды

тяжелыми металлами (Pb, Mn, Cd); 2) снижением активности серотониновой системы мозга и 3) количеством импульсивных преступлений (акты насилия над личностью, поджоги, убийства под влиянием неконтролируемого приступа агрессивного поведения в разных штатах США). Эта связь явно пробивает себе дорогу при учете всех других многочисленных влияющих на преступность факторов. Работы Мастера можно считать антирасистскими по своим результатам. Фактически наблюдаемую в ряде мест США повышенную агрессивность и преступность у чернокожего населения (по сравнению с белыми) Мастерс объясняет не «спецификой» африканской расы, а большей локальной концентрацией свинца и других металлов в жилищах негров (свинцовые белила и трубы и др.). Дополнительными факторами, усиливающими эффекты тяжелых металлов на мозг, Мастерс на основании своих данных считает алкоголь и соединения фтора (например, фторид кремния), применяемые в США для обеззараживания питьевой воды. В подобных ситуациях имеет место как бы пересечение двух направлений биополитики — влияния соматических факторов на политическое поведение и направления под названием «biopolitics», в компетенцию которого входят и вопросы охраны окружающей среды.

Речь идет не о сведении всего богатства содержания любой идеологии и вообще системы взглядов только к ее нейрофизиологическому влиянию. Юриспруденция и этика не требуют, чтобы мы преодолевали рак или заболевания сердца избегая медикаментозного вмешательства, а только усилием воли, но предполагается, что мы во всех случаях способны — и должны — преодолеть поведенческие расстройства именно таким образом.

Таким образом, биополитика показывает нам как возможности «животных», соматических интерпретаций человеческого социального поведения, так и неизбежные границы, за которыми имеется уже уникально человеческая духовность.

Вопросы для обсуждения

1. Какие методы изучения политической культуры существуют?
2. Что такое «шкала ценностей» и как ученые ее составляют?
3. Как можно с помощью экспериментов изучать политическую культуру?

4. Что такое «несоциальные факторы»?
5. Как может влиять география и экология на развитие политической культуры?
6. Что говорят ученые о возможной роли инфекций и эпидемий для изменения политической культуры?
7. Может ли генетическое разнообразие влиять на политическую культуру?
8. Как модель Г. Хофстеде характеризует российскую политическую культуру?
9. В чем заключаются специфика гуманитарной экспертизы? Кто может выступать ее заказчиком?
10. Почему поддержка демократии значительной частью населения не всегда свидетельствует о наличии культуры, считающей главной ценностью свободу выбора? Приведите примеры.

Деловая игра

Предварительно разбившись на группы, выберите несколько спорных социальных проектов (в России или за рубежом) и проведите по ним собственную гуманитарную экспертизу.

Рекомендуемая литература

Даймонд, Дж. Ружья, микробы и сталь / Дж. Даймонд. — М. : АСТ, 2010.

Олескин, А. В. Биополитика / А. В. Олескин. — М., 2001. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/oleskin_biopolitika/05.aspx (дата обращения: 20.07.2014).

Философия и культурология в современной экспертной деятельности : колл. моногр. / сост. Н. Кривич. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011.

Chiao, J. Culture-gene coevolution of individualism-collectivism and the serotonin transporter gene / J. Chiao, K. Blizhinsky // Proceedings of the Royal Society : Biological Sciences. — 2010. — № 277. — P. 529—537.

Differences Between Tight and Loose Cultures: A 33-Nation Study / M. Gelfand et al. // Science. — 2011. — Vol. 332. — P. 1100—1104.

Murray, D. Historical Prevalence of Infectious Diseases within 230 Geopolitical Regions: a Tool for Investigating Origins of Culture / D. Murray, M Schaller. // Journal of Cross-Cultural Psychology. — 2010. — Vol. 41. — № 1. — P. 99—108.

Раздел II
РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
КУЛЬТУР И ЛИЧНОСТЬ

Глава 4

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

• Ценностные и институциональные факторы социального развития • Культурные изменения, человеческое развитие и демократия • Урбанизация: концентрация социального и человеческого капиталов • Социальные силы и общественные интересы • Социальное партнерство: роль бизнеса и организаций посредников • Социально-культурные технологии в развитии политической культуры

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- различные ценностные и институциональные факторы социального развития;
- специфичность урбанизации и ее влияние на концентрацию социального и человеческого капитала;
- социально-культурные технологии в развитии политической культуры;

уметь

- использовать различные подходы к роли ценностей в формировании политической культуры;
- объяснять связь между культурными изменениями, человеческим развитием и демократией;
- применять понятия социальных сил и социального партнерства для анализа ситуации в современной России;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - навыками анализа факторов формирования и развития политической культуры;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

4.1. Ценностные и институциональные факторы социального развития¹

Что порождает и формирует определенные политические культуры? Многими исследованиями и школами отмечается ведущая роль ценностей в формировании и развитии политической культуры. При этом акцентируется значение разных категорий ценностей. Среди ведущих концепций можно выделить следующие:

1. *Концепция легитимности, или поддержки системы* (Д. Истон, У. Ран, К. Ньютон, П. Норрис и др.), согласно которой любому политическому строю необходима легитимность, приобретаемая им в случае, если население поддерживает его отдельные институты и систему в целом. Поэтому массовая поддержка демократии играет ключевую роль в делегитимации авторитаризма и легитимации демократического строя. Однако высокий или низкий уровень доверия к институтам, их легитимность можно обнаружить в рамках любой политической системы, независимо от ее демократичности. В некоторых традиционно авторитарных государствах, например Китае, существует высокий уровень доверия к институтам, а в некоторых зрелых демократиях, в частности США, он низок.

2. *Коммунитаристская концепция, или концепция социального капитала* (Д. Белл, Л. Патнем, А. Этциони, М. Крозье, С. Хантингтон), восходит к идее гражданской культуры (культуры участия) Г. Алмонда и С. Вербы. При этом акцент делается на вовлечении граждан в повседневную общественную жизнь, укрепляющем их социальные связи и лояльность по отношению к своему сообществу. По мнению Л. Патнем, подобная коммунитаристская ориентация создает социальный капитал, а ее проявлениями являются участие людей в деятельности общественных организаций и доверие к согражданам². С этой позиции членство в общественных организациях и доверие между людьми — благо-

¹ При подготовке этого и следующего параграфов использованы материалы книги: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.

² My Social Science Career: Interview with Linda Putnam. URL: <http://www.socialsciencespace.com/2012/03/my-social-science-career-interview-with-linda-putnam/> (дата обращения: 20.07.2014).

приятная почва для демократии. Подобную точку зрения можно встретить еще у А. де Токвиля, называвшего общественные ассоциации «школами демократии»¹. Однако коммунитаристские ценности могут иметь авторитарную и даже ксенофобскую природу, создавать «скрепляющие», а не «наводящие мосты» разновидности доверия и социального капитала, в рамках которых люди не столько эмансипируются, сколько подвергаются давлению со стороны своей группы.

3. *Концепция человеческого развития или эмансипационная концепция* (Р. Инглхарт, К. Вейцель), согласно которой не все общественные ценности и формы социального капитала одинаково важны для демократии. Наибольшее значение имеют те из них, которые связаны со стремлением человека к свободе самовыражения. Они по самой сути своей непосредственно соединены с эмансипационной природой демократии. Развитию демократии и человеческому развитию способствуют ценности свободы и социальный капитал, связанный с наводящим мосты доверием, причем это доверие производно от ценностей свободы, реализация которых нуждается именно в формальных институтах, обеспечивающих консолидацию социума на основе этого типа доверия. Это ослабляет клановую, этническую зависимость, вовлекая личность в систему менее жестких, но более разнообразных форм взаимодействия.

В этом плане концепция человеческого развития, как и нормативно-ценностный подход, не согласуются с тезисом Алмонда и Вербы о том, что неотъемлемым элементом демократической политической культуры является значительный компонент культуры «подданничества». Наоборот, отсутствие коллективной дисциплины, соответствия групповым стандартам и «подчинения нормам» не может обуславливать слабость и неэффективность демократии. Существенно важнее может оказаться недостаточный уровень гражданского протеста, что в совокупности с неразвитостью ценностей самовыражения облегчает задачу авторитарным правителям: для успешной демократизации нужен скорее эмансипационный настрой, а не конформизм.

Как доверие к институтам, так и участие в добровольных ассоциациях не обязательно связаны с основой демо-

¹ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000.

кратии — свободой выбора. Число, отражающее простой уровень участия граждан в ассоциациях, ничего не говорит нам о том, какие принципы они поддерживают — демократические или авторитарные. Кайзеровская Германия славилась высокой долей людей, занятых в добровольных ассоциациях, однако до окончания Второй мировой войны эта высокая общественная активность немцев не способствовала развитию демократии. А подчинение нормам может отражать как лояльность нормам демократии, так и лояльность нацистским законам и принципам. Подчинение нормам не всегда свидетельствует о гражданском здоровье общества. Если в обществе распространено осуждение нарушения норм, то причиной может быть тот факт, что высокий уровень таких нарушений превратился для страны в серьезную социальную проблему — не случайно по показателю подчинения нормам Россия занимает более высокое место, чем, например, Финляндия.

Эмпирические данные говорят, что гражданская активность граждан в общественных ассоциациях играет важную, но не решающую роль в процессах демократизации. Это не означает, что общественная активность не имеет никакого отношения к демократии, однако более важно — какими ценностями обуславливается подобная активность. Зато наводящее мосты доверие демонстрирует значимую позитивную связь и с формальной, и с эффективной демократией.

Ценности самовыражения, личной и политической свободы — важнейший компонент гражданственной демократической культуры. Они предполагают как гражданскую протестную активность, так и терпимость к свободе других, общее доверие к другим людям, а не только к «своим», «нашим». Малый радиус доверия в рамках спаянных групп, существующих вне «наведения мостов» не создает социальный капитал, необходимый для развития современного сложно организованного социума.

Таким образом значимую связь с демократией демонстрируют нижеследующие компоненты ценностей самовыражения:

- постматериалистическое стремление к свободе личности;
- доверие, наводящее мосты;
- противоэлитные действия;

- толерантное отношение к маргинальным меньшинствам;
- акцент на субъективном благополучии.

Эти атрибуты сочетаются друг с другом, поскольку все они суть проявления культуры, основанной на сравнительно высоком уровне жизненной защищенности. В результате маргинальные группы уже не внушают угрозу, люди чувствуют себя в безопасности в достаточной мере, чтобы доверять другим, и высокую приоритетность приобретают опора на собственные силы, творчество и инициатива. Свобода выбора и свобода самовыражения — как для себя, так и для других — приобретают в глазах людей все большее значение.

Показательно, что по мере того как в условиях постиндустриального общества стремление к свободе распространяется все шире, снижается количество членов традиционных общественных организаций (партий, профсоюзов, ассоциаций). Это не значит, что люди с сильно развитым стремлением к свободе — политические эгоисты. Наоборот — в обществах, ориентированных на свободу, люди зачастую принимают участие в формах гражданской активности, допускающих более высокую степень независимости и самоопределения, к которым люди могут присоединяться по собственному выбору и так же прекращать участие в них. Общий уровень гражданской активности в демократических странах не снизился: он остался неизменным или даже увеличился. Однако ее характер изменился: вместо конформистского участия в ассоциациях на первый план выходят формы экспрессивной противоэлитной активности. Подобная деятельность становится настолько неотъемлемой частью повседневной жизни людей, что уже не считается чем-то необычным, и СМИ перестали уделять ей повышенное внимание.

До сих пор исследователи уровня гражданского и политического участия пользуются, в основном, данными об участии людей в работе формальных ассоциаций, игнорируя значение активности в социальных сетях. Между тем, такие скоординированные коллективные действия и сотрудничество — в трактовке П. Бурдье, Дж. Коулмена и Р. Патнэма — основные элементы определения социального капитала, и являются более точным индикатором ситуации с социальным капиталом гражданского типа,

работающим в пользу демократии, чем активность в рамках формальных ассоциаций. Они отражают свободолобивый и критический настрой общества, его способность к организованному сопротивлению и недвусмысленному выражению своей воли. История показывает, что именно такой настрой является наиболее эффективным противодействием против авторитарных и диктаторских тенденций. Эта способность представляет собой человеческий потенциал любого общества. Разные общества отличаются друг от друга не наличием или отсутствием этого потенциала, а тем, насколько широкое пространство они предоставляют для его развития.

Иногда высказываются опасения по поводу перехода от авторитарных ценностей к либеральным. При этом аргументация апеллирует к падению общественной нравственности, гражданственности и духа общности в современном социуме, «кризису управляемости общества» (М. Крозье), размыванию социального капитала (Р. Патнэм). А по мнению С. Флэнагана, переход от доиндустриального общества к индустриальному сопровождался изменением формы власти и авторитета с религиозной на светскую, однако этот сдвиг не повлиял на саму основу власти: она по-прежнему носила внешний характер по отношению к индивиду, воплощаясь в религиозных или светских структурах, к которым он был «привязан» не по собственному выбору. Однако переход от индустриального общества к постиндустриальному несет с собой резкий разрыв с прошлым, в результате чего индивиды проявляют меньшую готовность поддерживать внешнюю власть или авторитет, будь то светский или религиозный. Соответственно, люди уже не принимают предписываемые обществом нормы и правила как данность и более не проявляют лояльность по отношению к институтам, организациям и ассоциациям, поддерживающим активность гражданского общества и общественной жизни. Формирующиеся новые ценности отражают дух постмодернизма с его ценностным релятивизмом. Более того, отношение людей к общественной жизни основывается на эгоистическом расчете выгод и издержек: они принимают в ней участие только в том случае, если это сулит немедленную выгоду и не слишком затрагивает их личную свободу. В целом наблюдается повышение запросов без соответствующей готовности принять на себя какие-либо обязанности

по отношению к обществу. Свобода утрачивает свою связь с ответственностью, превращаясь в своеволие. Политические последствия этого очевидны: распространение ценностей самовыражения последовательно подрывает демократические сообщества.

Такие страхи перед разлагающим влиянием модернизации отнюдь не новы и достаточно распространены. Еще критики индустриализации (например, советские писатели-«деревенщики») утверждали, что она разрушает основополагающие социальные связи, механизмы социального контроля и тем самым прокладывает путь к бедствиям и краху. И в обыденном сознании нередко мнение, что обществу угрожают чересчур «практичные» индивиды, в отношениях с другими руководствующиеся эгоистическим расчетом, а источник этой одержимости расчетливым эгоизмом связывается с либерализмом. Иногда опасения, что ценности свободного самовыражения, которые якобы по определению носят эгоцентрический характер и разрушают социальные связи, доводятся до утверждения, что они являются препятствием развития демократии.

В такой критике есть важное рациональное зерно: тезис о фундаментальном сдвиге авторитета от внешних институциональных структур к самому индивиду крайне важен для понимания логики ценностей самовыражения. Фактически речь идет о резком сближении институциональной и суверенной свободы. И тут, очевидно, на первый план выходит качество человеческого капитала: его готовность к принятию нравственного долга и ответственному автономному поведению, включая отношение к другим людям. Внешне это проявляется, как показывают исследования и практика, в готовности или неготовности общества, его членов к пониманию свободы как ответственности. Если такого принятия и реализации такого понимания нет, то демократические институты (институциональная свобода) воспринимается как ослабление социального (в том числе нравственного контроля), открывающее шлюзы для самовыражения как демонстрации безответственного своеволия. Такая ситуация, действительно реализуется как торжествующий эгоцентризм.

В случае же социальной зрелости человеческого капитала речь идет скорее не об эгоцентризме, а об интернализации авторитета, когда заложенный в человеке потенциал

автономной свободы ответственного выбора сам по себе превращается в первичную норму и моральный авторитет. А это уже углубление гуманизации, соответствующей основному тренду и социальной жизни как гуманитарного развития, так и смене парадигмы гуманитарных наук, отмеченному в первых разделах.

Такая мораль уже проявляется в существенно значимых масштабах: многое из того, что раньше считалось приемлемым и допустимым, сейчас вызывает неприятие — особенно если речь идет о нарушениях гуманистических норм: дискриминации этнических меньшинств, женщин, стариков, детей, инвалидов и иных групп. Защита их прав приобретает в нынешнюю эпоху все большее общественное значение, обладает нарастающим мобилизационным потенциалом. Усиливается противодействие нарушению прав человека и всех живых существ, принимаются кодексы профессиональной этики, международные стандарты корпоративной социальной ответственности. Повышенное внимание уделяется политкорректности в СМИ, в сфере образования. Этические проблемы по-прежнему играют важную роль в общественной жизни: они изменяются, но внимание к вопросам этики не ослабевает, а даже нарастает.

Было время, когда рабство считалось приемлемым в рамках любых культур. Несовместимым с правами человека оно было признано лишь сравнительно недавно. Этот мировоззренческий поворот в различных странах происходил в разное время. Первопроходцем стала Британия, отменив рабство в 1830 г. В 1861 г. было отменено крепостное право в России. В США на всей территории страны оно было упразднено лишь в 1865 г. В течение следующих 140 лет это явление поэтапно исчезло по всей планете. И вряд ли этот процесс осуждения и ликвидации института рабства можно приписать «западному культурному империализму».

Ранее практиковалась принудительная кастрация мужчин, которых готовили к функции евнухов или певцов. Сейчас подобное считается несовместимым с нормами цивилизованного общества, так же как и практикующееся в некоторых африканских этносах нанесение увечий женским гениталиям. В аналогичном направлении меняется и отношение к применению пыток, смертной казни, ранее считавшихся естественной практикой правоприменения.

Моральные (и правовые) принципы все больше сосредоточиваются на освобождении человека и борьбе с посягательствами на личную независимость. Эта гуманистическая тенденция способствует выдвиганию на первый план благополучия людей, требуя от элит все большей «отзывчивости» по отношению к их чаяниям. Она способствует укреплению гражданского общества и демократического строя. Это проявляется в тесной связи между уровнями ценностей самовыражения и эффективной демократии. Так, во всех постиндустриальных странах основная масса населения все чаще принимает участие в наиболее эффективных формах противоэлитной политической деятельности. Эти факты опровергают тезис о том, что ценности самовыражения подрывают консолидацию общества, возможности развития демократии и гражданского общества.

Тенденция, лежащая в основе изменения ценностей в развитых странах, представляет собой не размывание любого авторитета, а гуманистический сдвиг в его преобладающем восприятии. По мере распространения ценностей самовыражения неприятие вызывает внешняя власть и авторитет, не служащие благу человека. Это вполне соответствует главному предназначению политики, наделению людей политической властью.

4.2. Культурные изменения, человеческое развитие и демократия

Человеческое развитие, направленное, как показывает история, на расширение пространства самостоятельного ответственного выбора, обеспечивается действием трех основных факторов:

- социально-экономическим развитием;
- динамикой ценностных установок от доминирования, связанных с безопасностью ценностей выживания, к ценностям свободного выбора и самовыражения;
- динамикой политических институтов в сторону демократизации.

Каков порядок, механизм действия этих факторов? Процесс начинается с экономического развития, ослабляющего ограничения самостоятельного выбора за счет роста ресурсов и возможностей человека: благосостояния, дохода, даю-

щих большую материальную независимость; доступ к медицинским услугам, информации и образованию (т.е. рост человеческого капитала); облегчения передвижения, установления контактов, связей (рост социального капитала).

Рост уровня социально-экономических ресурсов расширяет круг возможностей и реальных действий, которые человек может предпринять, поступая по собственному выбору. Подобная относительная материальная, интеллектуальная и социальная независимость порождает чувство жизненной защищенности и автономии. Дальнейшее развитие этой тенденции вызывает выход на первый план ценностей самовыражения, приоритет свободы и разнообразия, независимости от власти. Другими словами, объективная способность к выбору порождает стремление к выбору, что полностью соответствует рассмотренному ранее механизму развития мотивации.

Распространение ценностей самовыражения побуждает людей требовать установления институтов, позволяющих им действовать в соответствии с собственным выбором, что в свою очередь узаконивает их политические и гражданские права. Субъективное стремление к свободе ведет к требованиям предоставления соответствующих прав, борьбе за них, но не предоставление свобод формирует такое стремление. Чтобы стать эффективным институтом, права человека и личности должны быть желанными, завоеванными, а не дарованными.

Таким образом динамика человеческого развития оказывается постоянным, перманентным переходом из объективного в субъективный план формирования и развития мотивации (рис. 4.1).

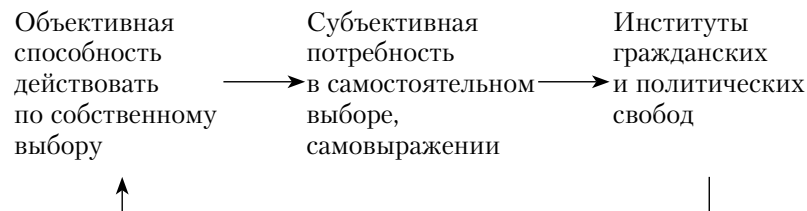

Рис. 4.1. Динамика человеческого развития и институты

Обратное влияние институциональной среды на социально-экономическое развитие может проявляться двояко:

- либо достижение эффективной демократии создает условия нового постиндустриального развития, выводя уже проектно-сетевой социум на новые рубежи благосостояния и качества жизни и человеческого развития;
- либо в случае догоняющей модели политическая элита пытается совершить рывок в развитии страны и выводе ее на цивилизационный фронт: успех таких попыток зависит от нескольких факторов, рассмотренных в разделах, посвященных модернизации.

Не стоит преувеличивать линейный, на первый взгляд, характер человеческого развития. Само по себе накопление критической массы ценностных ориентаций свободного самовыражения — процесс длительный с промежуточными закреплениями соответствующих норм и институтов. Демократизация часто связана с некоей резкой подвигкой, «большим событием», воспринимаемым иногда как революция. Но успех такой подвигки во многом обеспечен наличием традиций, накоплением норм, подготавливающих промежуточные «плацдармы» демократизации. Например, это отражается на возможности авторитарного режима применить насилие. Показательно в этом плане сравнение «бархатных» и «цветных» революций в странах Европы с событиями на площади Тяньаньмьнь в Пекине, или последствиями арабской весны, развитием событий в Сирии. Затрудненность или невозможность применения силы — свидетельство и следствие сложившейся не только ценностной, но и нормативной базы демократизации, отсутствие которой делает возможным не только применение силы, но и принятие, допущение обществом таких мер.

Поэтому ценностную динамику нельзя отрывать от институциональной. Разумеется динамика ценностей играет ведущую роль, поскольку задает ориентиры развития, но темп этой динамики, укоренение этих ценностей в сознание подпитывают определенную динамику норм и институтов («блока справедливости»), что облегчает или затрудняет дальнейший процесс развития политической культуры и человеческого развития конкретного общества.

Политическая культура не сводится к ценностям, а представляет собой ценностно-нормативный комплекс (нормативно-ценностную систему).

Сегодня мы становимся свидетелями нового этапа истории, отражающего общую закономерность последователь-

ности человеческого развития: (1) растущее ощущение жизненной защищенности (2) порождает эмансипационную этику, основанную на ценностях самовыражения, которая (3) ведет к установлению и укреплению эффективной демократии.

Таким образом, в развитии общества тесно взаимосвязаны три его компонента: 1) социально-экономическое развитие, 2) ценности самовыражения и 3) демократические институты. И все три элемента относятся к одному и тому же основополагающему измерению — процессу человеческого развития.

В преобладающих ценностных ориентациях людей проявляется их жизненный опыт. Если они вырастают в обстановке, когда имеющиеся в их распоряжении ресурсы резко ограничены, это способствует формированию ценностей выживания, во многом препятствующих самовыражению. Напротив, взросление в условиях изобилия ресурсов побуждает их придавать большее значение ценностям самовыражения. Полученный нами результат, согласно которому акцент на ценностях самовыражения преобладает в богатых странах, а акцент на ценностях выживания — в бедных, подтверждает тезис о том, что уровень жизненной защищенности индивида является причиной его субъективной приверженности свободе выбора.

Одним словом, социально-экономическое развитие ведет к распространению ценностей самовыражения, а не наоборот.

Когда люди отдают приоритет свободе выбора, они начинают требовать предоставления им права на такой выбор в политической и всех прочих сферах. Если существующие институты не могут удовлетворить это требование, в обществе нарастает движение в сторону смены режима и установления демократического строя, который в большей степени обеспечивает людям юридические права на выбор. И напротив, если в обществе существуют демократические институты, но ценности самовыражения распространены слабо, демократия становится неэффективной.

Возникновение демократии, даже в ее самых ограниченных формах, — нечастое явление в известной нам истории человечества. Так, в VI в. до н. э. свободные крестьяне Афин добились так называемого «избирательного права гоплитов». На первом этапе существования республики в Риме

свободные землевладельцы также достигли успеха в борьбе за «избирательные права плебса». Аналогичным образом, в период позднего Средневековья лавочники, ремесленники и свободные купцы создавали города-республики, реализуя принцип «Нет налогам без представительства!». Позднее, в ходе либеральных революций XVII—XVIII вв., этот принцип был установлен в масштабе целых государств фригидерами и свободными горожанами. Некоторые ученые полагают, что протодемократия существовала еще в шумерских городах-государствах, и такой же строй создали крестьяне-землевладельцы в республиках на севере Древней Индии. Во всех перечисленных случаях утверждение этих ограниченных доиндустриальных вариантов демократии обуславливалось стремлением к свободе, присущим людям, которые обладали значительной степенью независимости от условий своего существования. Между этой независимостью, эмансипационными ценностями, а также гражданскими и политическими свободами существует прочная связь.

Однако в условиях доиндустриального общества отсутствие такого рода самостоятельности в большинстве случаев препятствовало распространению эмансипационных ценностей, в результате чего люди не вели борьбу за демократические свободы. В аграрных империях — от ближневосточных до китайской — не существовало прав собственности, а труд носил принудительный характер, что сводило к минимуму ресурсы и самостоятельность большинства населения. В подобных обществах ценности свободы не могли приобрести приоритетного значения, и требований гражданских и политических прав не существовало. Конечно, история поднебесной империи богата крестьянскими восстаниями, но они представляли собой спонтанные вспышки недовольства эксплуатируемых и ни разу не сопровождались требованиями об установлении демократического строя, пусть и в самом ограниченном виде.

Индустриализация решающим образом изменила ход истории человечества: она мобилизовала массы для участия в политической жизни на основе всеобщего избирательного права (для мужчин). Однако наличие всеобщего избирательного права не всегда равносильно утверждению либеральной демократии. С таким же успехом его результатом может стать приход к власти авторитарных, фашистских или коммунистических режимов, при которых гражд-

данские свободы развиты слабо или вообще отсутствуют: индустриализация не обязательно связана с возникновением эмансипационной этики или установлением подлинно эффективной демократии. Даже в традиционно демократических странах Запада индустриализация склоняла чашу весов в сторону элитоцентричной модели, в рамках которой избранная власть могла рассчитывать на лояльность единообразных «лагерей» избирателей.

Важные изменения в этой сфере произошли лишь сравнительно недавно: формирование постиндустриального общества подтолкнуло страны с элитоцентричной демократией в сторону народоцентричной модели, в рамках которой власть уже не может априорно полагаться на лояльность масс и вынуждена более «отзывчиво» реагировать на их требования. Демократический строй, руководимый элитами, приобретает все более гуманистический характер. Более того, в период постиндустриализации демократия распространилась далеко за пределы Запада. Гуманистическую трансформацию уже существующего демократического строя и распространение демократии обуславливает одна и та же социальная движущая сила — утверждение эмансипационной этики, основанной на ценностях самовыражения. Процесс постиндустриализации ломает регламентированные рычаги контроля над жизнью населения, характерные для индустриального общества, в результате чего у людей возникает ощущение личной независимости в определении своего жизненного пути.

Набор гражданственных ценностей, акцентирующих свободу и самовыражение, имеет большее значение для развития демократии, чем открытая поддержка демократических институтов. Демократия представляет собой не только институциональный феномен: большую роль играет и позиция граждан. Работоспособность демократии требует наличия у населения гражданственных ценностей, из которых для развития демократии ключевое значение имеет доверие. Однако его роль проявляется через связь с другими ценностями самовыражения.

Демократия — это не просто набор институциональных правил. Она отражает укорененную в сознании людей приверженность определенным нормам, нормативную концепцию, основанную на внутренней убежденности и акцентирующую свободу выбора, независимость и эмансипацию. Эта

приверженность приобретает особое значение в нынешнюю эпоху перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в результате которого происходит перенастройка общественных движущих сил с социального конформизма на гражданскую эмансипацию — в полном соответствии с логикой человеческого развития. Для претворения этих норм в практику мало демократической риторики. Необходимо приверженность свободе выбора и личной независимости, а это связано с ценностями самовыражения. Эти ценности предусматривают примат свободы личности над дисциплиной коллектива, разнообразия над соответствием групповой норме, гражданской независимости над государственной властью. Если поддержка демократии не сочетается с этими эмансипационными ценностями, она фактически не имеет отношения к эффективной демократии.

Массовое участие в бюрократически организованных ассоциациях классического типа и доверие людей к иерархически структурированным институтам зачастую служит проявлением социального конформизма, а не личной независимости, лежащей в основе главного элемента демократии — свободы выбора. Бюрократические организации, контролировавшие массы в прошлом, такие как: партийно-политические «машины», профсоюзы и церковные структуры, действительно утрачивают влияние. Все большие масштабы приобретают спонтанные, экспрессивные и конкретные формы участия людей в общественной жизни, вроде подписания петиций и выхода на демонстрации, вынуждающих элиты более «отзывчиво» реагировать на требования народа.

В условиях постиндустриального общества подверженность людей социальному контролю ослабевает, и они уже меньше зависят от сплоченных групп, например, родственников или соседей, принадлежность к которым определяется не их собственным выбором. Сегодня общение с родными, соседями или коллегами все больше определяется самостоятельным выбором человека. Этот отход от скрепляющих связей дает людям больше возможностей по установлению связей, наводящих мосты, расширяющих круг общения за пределы заранее predeterminedных групп. Связи, наводящие мосты, лишены элемента неизбежности, лежащего в основе скрепляющих связей. Люди способны по собственной воле ослаблять или укреплять их. Кроме

того подобные связи создают социальный капитал большего охвата, чем скрепляющие связи.

Эти изменения предвидели классики социологии. Так, еще в конце XIX в. Ф. Теннис проводил различие между традиционной общностью (*Gemeinschaft*), сплачиваемой скрепляющими связями, и современным обществом (*Gesellschaft*), поддерживаемым связями, наводящими мосты. Речь идет о переходе от «общности по необходимости» к «привязанности по выбору». Все большая открытость людей для связей, наводящих мосты, необычайно расширяет возможности для проведения общественных кампаний, мобилизации большого числа людей ради коллективных действий и формирования социальных движений, преодолевающих пределы тесно спаянных групп и даже национальные границы. В эпоху, когда интернет играет роль виртуальной мобилизующей структуры, людям незачем поддерживать друг с другом прочные личные узы, чтобы принимать участие в коллективных акциях. Если мы определим социальный капитал как любой общественный ресурс, позволяющий людям координировать свои действия, то становится очевидным, что символическая идентичность таких организаций, как Greenpeace, создает больше социального капитала, чем личные узы, связывающие участников карточных клубов или боулинговых ассоциаций. Greenpeace способен координировать действия многих тысяч людей в рамках потребительских бойкотов и публичных демонстраций, несмотря на то что лично они друг с другом не связаны. Связи, наводящие мосты, представляют собой более мощный ингредиент социального капитала, чем скрепляющие связи, которые возникают в рамках тесно спаянных, интровертных сетей, основанных на регулярных личных контактах, хотя и те, несомненно, сохраняют свое значение и роль.

Регионы и поселения, в которых социальные отношения строятся преимущественно на этнической, расовой, корпоративной и прочей консолидации, основанной на сплачивающем доверии, оказываются менее способными к динамичному развитию, чем города, агломерации, в которых доминирует доверие, наводящее мосты, где быстрее растет социальный и человеческий капитал, возникает и развивается так называемый «креативный класс»¹.

¹ Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М. : ИД «Классика-XXI», 2005.

Как отмечают П. Бурдье и Дж. Коулмен, любые формы социального взаимодействия и взаимоотношений представляют собой проявления социального капитала. К формам социального капитала можно отнести даже коррупцию, кумовство, блат. Однако эти формы социального капитала не носят «гражданственного» характера, они направлены на утверждение групповых и дискриминационных вариантов благополучия. В связи с этим М. Леви и Р. Роуз различают «социальный» и «асоциальный» капиталы. Поэтому не всякий социальный капитал способствует человеческому развитию. Коррупция, кумовство, клановость несут не гражданственный характер в силу своей ценностной ориентации. С учетом этого можно сказать, что *гражданственный* социальный капитал определяется ценностями, направляющими его в антидискриминационное, гуманистическое русло свободы самоопределения.

Между социально-экономическим развитием, ценностями самовыражения и демократическими институтами существует настолько высокая корреляция, что они представляют собой элементы одного и того же общего измерения. Каждый из этих трех компонентов способствует развитию потенциала человека, т.е. способности людей определять свой жизненный путь, самостоятельно принимая решения и отражая процесс человеческого развития. Связь между социально-экономическим развитием, ценностями культурного характера и политическими институтами, благодаря которой происходит человеческое развитие, отмечалась уже давно. Так, К. Маркс писал о высвобождении «сущностных сил» человека, преодолении «отчуждения». Многие обществоведы XX в. писали о гуманизации общественной жизни и экономики. Более того, они считали главным культурным проявлением процесса модернизации возникновение секулярно-рациональных ценностей. Эти представления достаточно точно отражали действительность на индустриальном этапе модернизации, но применительно к сегодняшнему постиндустриальному обществу ситуация изменилась, и характер этих изменений имеет важные политические последствия.

Пока преобладающими тенденциями в культурной сфере оставались секуляризация, рационализация и бюрократизация, процесс модернизации не обязательно вел к утверждению демократического строя. Они вполне

сочетались с существованием авторитарных и тоталитарных режимов: от бюрократического авторитаризма (Г. О'Доннелл) и «мобилизационных режимов» (С. Джонсон) до хорошо известных по опыту XX в. тоталитарных режимов. Секулярно-рациональные ценности, характерные для индустриального общества, не имеют устойчивой связи с демократией. Дело в том, что секулярно-рациональные ценности не ставят под сомнение неограниченную власть. Они меняют лишь ее основания: с религии на науку и с церковного авторитета на бюрократическое государство. Впрочем, утверждение секулярно-рациональных ценностей действительно несет с собой важные изменения: благодаря им, легитимность любой власти все больше начинает зависеть от отношения к ней масс и способности элит убедить народ, что цель их правления — общее благо. В результате все политические системы дополнились таким элементом, как всеобщее избирательное право: тем самым правящая верхушка демонстрировала, что находится у власти с согласия народа. Фашистские и коммунистические режимы проявили недюжинную изобретательность в создании избирательных систем, контролируемых элитами, например, ни в одной из либерально-демократических стран не обеспечивалась такая явка на выборы, как обеспечивавшаяся этими режимами. И это не вызывает недовольства и протеста, если для большинства людей конформистские ценности выживания имеют приоритетное значение по сравнению с гражданскими и политическими правами.

Кроме того, коррумпированность элит может свести на нет даже самую совершенную демократическую конституцию, превращая гражданские и политические права граждан в пустой звук. Сам же уровень «порядочности» элит во многом обуславливается распространением в обществе ценностей самовыражения. Граждане, приверженные этим ценностям, оказывают на элиты давление с тем, чтобы те управляли государством на основе верховенства закона. Кроме того, в обществе, где ценности самовыражения широко распространены, новые поколения представителей элит также становятся убежденными сторонниками эмансипационных идеалов.

Авторы теорий модернизации недооценивали значение ценностей свободы, бросающих вызов власти и побуждающих людей требовать гражданских и политических

прав, составляющих суть либеральной демократии. Соответственно, измерение, представленное ценностями самовыражения, почти полностью игнорировалось теоретиками — специалистами по проблемам модернизации и политической культуры. Однако после возникновения постиндустриального общества становится все более очевидным, что распространение этих ценностей среди граждан имеет важнейшее значение для демократии. Ценностям самовыражения по определению присуща антиавторитарная направленность, подрывающая как саму автократию, так и «ориентацию подданного», которую даже Алмонд и Верба рассматривали как неотъемлемый элемент демократической гражданской культуры.

Ценности самовыражения (некоторые социологи называют их «индивидуалистическими» ценностями или «ценностями самостоятельности») порождают важнейшую из движущих сил, обуславливающих возникновение эффективной демократии. Распространение этих ценностей представляет собой центральное звено в цепи человеческого развития, связывающее социально-экономическое развитие с утверждением демократических институтов.

Люди могут обладать большим объемом социально-экономических ресурсов и юридических прав, но, если культура, в рамках которой они существуют, придает приоритетное значение выживанию, свобода выбора не будет иметь для них высокую степень приоритетности. В условиях конформистской культуры у людей формируется закрытое мышление, в результате чего ряд важных вариантов выбора для них просто исключается. Их пространство самостоятельного выбора остается узким. Чтобы общество обеспечивало людям свободу выбора, необходима культура, акцентирующая личную независимость и ценности самовыражения.

Эта культура сама, в свою очередь, опирается на социально-экономическое развитие, создающее все более благоприятные условия существования людей и ослабляющее внешние ограничения стремления к свободе выбора. Это способствует формированию ценностей самовыражения, предусматривающих примат свободы личности над дисциплиной коллектива, многообразием над соответствием норме, самостоятельности гражданина над властью государства. Распространение этих ценностей превращает модернизацию в процесс человеческого развития, главным

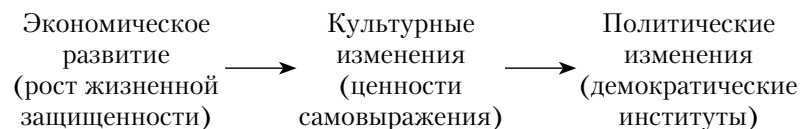
**Процесс человеческого развития по Р. Инглхарту,
К. Вельцелю**

Характеристики динамики процесса развития	Социально-экономическое измерение	Культурное измерение	Институциональное измерение
Процессы, способствующие человеческому развитию	Модернизация	Изменение ценностей	Демократизация
Компоненты человеческого развития	Социально-экономические ресурсы	Ценности самовыражения	Гражданские и политические свободы
Факторы человеческого развития	Повышение способности людей действовать	Повышение приоритетности свободы выбора	Расширение прав, позволяющих людям действовать
Лейтмотив (тренд)		Гуманизация общества (расширение выбора)	

направлением которого является расширение пространства самостоятельного выбора. Возникновение подлинной, эффективной демократии прежде всего представляет собой результат последовательного процесса человеческого развития — социально-экономического развития, распространения ценностей самовыражения и формирования демократических институтов. Демократический строй — это институциональное отражение эмансипационных сил, порождаемых человеческим развитием.

Результаты многолетних исследований профессора С. Харрисона «Культура имеет значение» (Culture Matters), проведенного в рамках проекта WVS, позволили выявить единый процесс человеческого цивилизационного развития, интегрирующий социально-экономическое развитие, изменения в сфере культуры и демократизацию политической жизни.

Согласно модели модернизации, выдвинутой Р. Инглхартом и его коллегами на основе результатов программы WVS, уровень экономического развития, обеспечивающий определенный уровень благосостояния, одновременно расширяет свободу выбора и личной независимости¹. С возрастанием значения этого фактора возникают культурные изменения, следствием которых становится утверждение демократии (рис. 4.2, табл. 4.1).

Рис. 4.2. Процесс человеческого развития

Важность этой модели состоит в том, что, вопреки элитаристским или институциональным концепциям в ней показано, что развитие институтов является частью более общего — человеческого развития. Экономическая реализация ценностей выживания, безопасности стимулирует формирование ценностей свободы, равенства и самореализации, что создает фундамент политических институтов демократии.

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия.

В этом смысле человеческое развитие является синонимом прогресса. Экономическое развитие ведет к изменениям в культурной сфере, повышающим шансы на установление демократического строя. Кроме того, существует множество доказательств того, что демократические страны почти никогда не воюют друг с другом. Прогресс и человеческое развитие нельзя считать полностью предопределенными процессами — увы, слишком много существует доказательств обратного. Однако и то, и другое вполне достижимо, и к этому следует стремиться.

Эффективная демократия с большой вероятностью возникает в обществе, где носителями ценностей самовыражения являются более 45% населения. Эта взаимосвязь носит вероятностный, а не детерминированный характер, но статистическая корреляция здесь очень высока. Результаты исследований WVS и выработанная на их основе модель объясняет массовую поддержку, оказанную населением, прежде всего — горожанами с высшим образованием, «горбачевской перестройке», политике гласности и демократизации, обусловленную относительным ростом качества жизни советских граждан в период «развитого социа-

лизма»: отдельные квартиры, бытовая техника, автомобили из предметов роскоши, перешедшие в категорию достаточной доступности. Недаром в 1960–1970-х гг. в советских СМИ прошли острые дискуссии о «вещизме» и «мещанстве».

Однако поспешно, недостаточно компетентно проведенная приватизация, экономический спад, распад СССР и экономических связей привели к разочарованию в демократии, массовому запросу на «сильную руку», что и повергло к откату в авторитаризм. В то же время, примеры Чили, Кореи, Тайваня, отчасти Сингапура показывают, что в случае успешного экономического роста в обществе относительно быстро (в течение 15–20 лет) в результате ценностного сдвига формируется запрос на демократические институты. В России же поспешная демократизация не опиралась на экономический уровень развития, сформировавший устойчивый массовый запрос на свободную самореализацию. Оказавшись в ситуации выживания, дополненного развалом институциональной среды, российское общество фактически поддержало выстраивание авторитарной вертикали власти.

Итак, политическая культура демократии проявляет зависимость от уровня:

- экономического развития (ВВП на душу населения);
- развития социального и человеческого капитала (особенно средней продолжительности жизни);
- имущественного расслоения (индекс Джини).

Это видно на примере политической траектории стран бывшего социалистического лагеря и СССР, которые по уровню развития демократии в настоящее время довольно четко делятся на пять групп:

1. Страны с развитой демократией (Чехия, Словения), в которых ВВП составляет 15–16 тыс. долл. на душу населения, при относительно развитом человеческом капитале.

2. Страны с относительно стабильной демократией (Венгрия, Польша, Словакия, Македония), в которых ВВП — 6–8 тыс. долл. на душу населения, со средним человеческим капиталом.

3. Страны с нестабильной демократией (Албания, Болгария, Хорватия, Сербия, Румыния, Молдова).

4. Страны, в которых установились относительно стабильные формально демократические авторитарные

режимы (Россия, Казахстан, Беларусь, Украина), в которых ВВП составляет 4–6 тыс. долл. на душу населения при среднем человеческом капитале.

5. Недемократические, авторитарные государства (Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Монголия).

Несколько особняком стоят Монголия и Молдова, занимающие промежуточную позицию между группами 3 и 4 с трендом в сторону от 4 к 3.

Если же учесть фактор политического класса, ротации власти, роль исполнительной власти, развитость процедур принятия и реализации решений, роль исторических традиций, то те же страны можно разделить на пять уже несколько иных кластеров развитости политической культуры:

1. Развитые политические культуры: страны групп 1 и 2.
2. Проблемные политические культуры: Болгария, Хорватия, Сербия.
3. Гибридные политические культуры: Грузия, Армения, Албания, Молдова, Украина.
4. Скорее авторитарные, чем демократические: Россия, Беларусь, Казахстан.
5. Авторитарные: республики Средней Азии, Азербайджан.

Разумеется, авторитарные элиты не согласятся с признанием свободы самовыражения в качестве одного из компонентов человеческого развития, видя в этом «проталкивание» исключительно западного стандарта, не подходящего для незападных культур. Так, в ходе дискуссии об «азиатских ценностях» бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю утверждал, что западная концепция свободы личности чужда азиатским культурам, которые акцентируют соответствие социальным нормам. Китайские чиновники тут же поддержали эту точку зрения, оправдывая ограничения прав человека в своей собственной стране культурным многообразием. Даже в западном мире эта аргументация нашла сторонников, утверждающих, что нельзя не учитывать разнообразие культур и настаивать на универсальном характере прав человека.

Культурное многообразие — факт неопровержимый, но было бы интеллектуально нечестным делать вид, будто культурная специфика не имеет никакого отношения к той степени, в которой то или иное общество способствует

свободе выбора. В мире действительно существует повсеместная поляризация между ценностями самовыражения, способствующими эмансипации человека, и ценностями выживания, способствующими росту социального конформизма. Однако в рамках любой культуры можно обнаружить самый широкий разброс мнений по всему спектру между этими полюсами. Официальным кругам азиатских стран, насаждающих социальный конформизм, противостоят весьма известные диссиденты, например Аун Сан Су Чжи и Далай-лама, выступающие за свободу самовыражения. В то же время и в западных странах есть приверженцы конформистских ценностей, в том числе христиане-фундаменталисты, правые экстремисты и другие критики «чрезмерного» уровня индивидуальной свободы на Западе, считающие его признаком упадка.

Ни эмансипационные, ни конформистские ценности не являются уникальным атрибутом каких-либо культур. И иудаизм, и христианство, и индуизм, и буддизм, и ислам первоначально приобрели популярность среди масс потому, что пропагандировали идею спасения для всех, независимо от социального положения. В этом смысле идея спасения является, по сути, эгалитарной, демократической и индивидуалистической. Подобно эмансипационным идеям, идея спасения означает избавление; обе они утверждают уникальность и достоинство каждой личности, а также равенство всех людей. В раю нет социальных классов, и на том свете господин понесет за свои грехи такое же наказание, как слуга или раб. основополагающие идеи равенства и индивидуального избавления (в конечном итоге составляющие сущность демократии) ни в коей мере не являются уникальной спецификой Запада. Они проходят красной нитью через все варианты религиозной идеи спасения и светской идеи эмансипации. Главное различие заключается в том, что идея спасения сулит избавление в другой жизни, а идея эмансипации — в реальном мире, поэтапно, за счет утверждения демократии. Но ключевую роль в обоих случаях играют идеи всеобщего равенства и свободы личности.

Идея эмансипации приходит на смену идее спасения по мере того, как ослабевают экзистенциальные ограничения свободы выбора, связанные с условиями существования людей: если свобода достижима уже в нашем мире,

нет смысла откладывать ее до загробной жизни. Соответственно, в бедных странах эмансипационные ценности, как правило, связаны с ценностями религиозными.

Однако по мере экономического развития общества происходит разделение религиозных и эмансипационных ценностей: последние приобретают связь с секулярными ценностями. В богатых странах эмансипационные ценности связаны с секулярными. В то же время в странах с низким душевым ВВП — в Бангладеш, Пакистане, Египте, Нигерии, Уганде, Танзании, Зимбабве и других бедных государствах — эмансипационные ценности сближены с религиозными. События 2011–2013 гг. в арабских странах ярко это продемонстрировали.

В любой конкретный момент времени те или иные культуры могут делать сравнительно сильный акцент как на эмансипации, так и на конформизме. Тысячу лет назад в исламских странах существовало больше религиозной, творческой и экономической свободы, чем в тогдашних христианских странах, где действовала инквизиция и личность подвергалась чрезвычайному давлению в сторону соответствия социальной норме. Этот диспаритет существовал до возникновения городского рыночного общества в эпоху Возрождения, когда рост экономического благосостояния в городских центрах Нидерландов и Северной Италии принес с собой интеллектуальную свободу, гуманистическую этику и систему политического представительства. Если сегодня в исламских обществах самовыражению придается второстепенное значение, то это в основном связано с относительно жесткими ограничениями самостоятельности людей, продиктованными условиями их существования, и преобладанием ценностей выживания. Стремление к освобождению личности присуще представителям всех культур. Различие состоит лишь в силе акцента на его религиозном или светском варианте, в чем проявляется уровень ограничений свободы выбора, связанных с условиями существования людей.

Модель человеческого развития, выработанная на основе данных более 30-летнего исследования в рамках программы WVS, достаточно убедительны. Настораживающее выглядит только ряд обстоятельств. Лаг почти в столетия — очень серьезен и основателен. Но в истории действуют и более долгосрочные тенденции. Прежде всего сокращение

рождаемости в странах цивилизационного фронта. Исторический опыт показывает, что это ведет к упадку. В истории побеждают общества с высокой рождаемостью.

Кроме того, нельзя не отметить нарастающие аларм и хорроризацию, страхи и тревожность — чем более развита цивилизация, тем более она уязвима для возможных катастроф и кризисов: от инфекционных эпидемий до международного терроризма и воображаемого нашествия то ли пришельцев, то ли зомби. Этот процесс порождает поиски новой трансценденции, альтернативного духовного опыта, что выражается в как в постсекуляризации общественного сознания, так и в росте ксенофобии, этнических конфликтах, во все более правом голосовании в относительно благополучных странах. И связано это с новым уровнем актуализации ценности безопасности — не как выживания, а как сохранения достигнутого благосостояния.

Современная цивилизационная ситуация по многим параметрам сравнима с Римской империей накануне ее краха. Хорошие институты, по тем временам — высокое качество жизни, развлечения, удовольствия, толерантность, в том числе к порокам, сокращение рождаемости, тяга к трансценденции (активные религиозные поиски), аларм и хорроризация, пророчества конца света и пришествия мессии... И хорошо известно — чем это кончилось: нашествием варваров и распространением христианства.

Модернизация не ведет к отмиранию и исчезновению религии, других форм традиционного культурного наследия, которые продолжают активно участвовать в формировании ценностей и поведения людей индустриального и постиндустриального, проектно-сетевого общества. Вместе с ростом образования, глобализацией рынков и информационно-коммуникативных систем мир не движется к глобальной унификации культуры. Появляются элементы общечеловеческой культуры, которые отнюдь не отменяют, а даже предполагают возможности национально-этнической и прочей идентичности.

Эта последовательность может иметь и обратный характер. Так, при возникновении угрозы физическому выживанию преобладающее значение приобретают ценности обеспечения безопасности, что, в свою очередь, ведет к архаизации общества, упрочению институтов политического авторитаризма. Согласно такому подходу обосновывается

позиция, что демократизация не сводится к разработке и принятию «правильной конституции». Это подтверждается многими примерами из исторического опыта: от судьбы Веймарской республики до ситуации в странах бывшего СССР и Ближнего Востока. Попытки «опережающей», «забегающей вперед» демократизации показывают шаткость утверждаемых политических институтов, низкий уровень их поддержки, что создает предпосылки для извращения сути демократических институтов.

4.3. Урбанизация: концентрация социального и человеческого капитала

Социально-экономическое развитие является базой, дающей импульс человеческому развитию, переходу от ценностей выживания к ценностям самореализации и полноценной демократии. Что обеспечивает закладку этого базиса и реализацию его ресурсов?

Исторический тренд развития человечества связан с концентрацией населения в городах, расширением и углублением урбанизации. Первичной функцией городов был торговый обмен и связанные с ним виды деятельности. Еще в Средневековье город считался местом скверным, средоточием греха (публично выставляемое напоказ нищенство, проституция, городской разбой) и недостойных христианина соблазнов. В город вытесняли, выталкивали наиболее недостойных. Город пополняли сыновья, лишённые наследства, безземельные вдовы, сельские бездельники и иной люд, так или иначе оказавшийся не при деле. Формирование и развитие рынков одновременно способствовало автономизации городов как центров торговли и производства. Мануфактурное производство, последовавшая индустриализация дали новый мощный импульс урбанизации.

Дальнейшее возвышение городов и примат городского расселения напрямую связаны с духовными результатами эпохи Возрождения. Бурное развитие университетов, научных центров не просто обеспечили формирование масштабных рынков труда, привлекательности городского образа жизни. Город, в отличие от традиционалистского села, формирует условия для реализации личности, возможности личного выбора источников доходов, рода занятий, образа

жизни, потенциального партнера для создания семьи и пр. Выступая как центры деловой активности, науки, образования, создания новых технологий, города предстают центрами роста эффективности производства и качества жизни.

Третий тип расселения, основанный на синергии органического объединения поселений различных типов (больших и малых городов, сельских населенных пунктов) — агломераций, начал формироваться в XX в. Этот тип расселения порождает не только современный уровень концентрации населения на определенной территории, но и новый уровень скопления центров науки и технологического развития.

Именно города, мегаполисы и агломерации сосредотачивают экономические ресурсы, человеческий капитал, играют ключевую роль в возникновении и продвижении инноваций. Для понимания этого достаточно отметить закономерность нарастающей концентрации населения в урбанизированной среде мегаполисов, что свойственно не только малым странам, но и государствам, сопоставимым с Россией по территории и плотности населения, таким как Канада, США, Австралия, Бразилия. Более того, Китай объявил о создании в течение ближайших пяти лет мегаполиса с населением 42 млн человек на базе столицы провинции Гуандун г. Гуанчжоу и прилегающих городов. При этом в Гуандун и так уже сконцентрировано 15% китайской экономики. Эта сыгравшая роль локомотива китайского рывка провинция и ее новый «супергород» должны теперь превратиться в центр высоких технологий Азиатско-Тихоокеанского региона. А учитывая, что высокоскоростные магистрали соединят этот «китайский Вавилон» с близлежащими Гонконгом и Макао, можно признать перспективность создания нового центра современной цивилизации.

Париж занимает 2,2% территории Франции, в нем проживает 18,2% населения и производится 28,3% ВВП страны. В странах Европейского союза в 38 городах, занимающих 1% территории, занято 27% всех работников и производится 29,5% ВВП.

Социальная и экономическая концентрация населения в агломерациях обусловлена как экономическими факторами (минимизация транспортных расходов, оперативность принятия решений и развития партнерства, привлекательность большого емкого рынка в городах), так и личностно-культуральными (оперативность большая вероятность полу-

чения образования и обретения новых профессиональных навыков, интенсивность коммуникаций и взаимодействия человеческого капитала, высокое качество жизни и досуга).

Потоки миграции направлены из населенных пунктов, производящих меньшую добавленную стоимость на человека, в населенные пункты, где этой добавленной стоимости производится больше. Если в период, предшествующий индустриализации, и почти весь период индустриализации потоки миграции были направлены из сельских населенных пунктов в города, то с началом постиндустриальной стадии определяющий характер стала носить миграция между городами: выигрывают те населенные пункты, где ниже транспортные и иные расходы, связанные с производством и сбытом продукции.

Древнейшие населенные пункты городского типа возникали в местах, удобных для морских и речных торговых путей. Второй и третий технико-экономические уклады, связанные с использованием энергии пара и электрического тока, прокладкой железнодорожных магистралей и линий электропередач, направляют городское расселение внутрь территорий — к ресурсам полезных ископаемых и энергоресурсам.

Во второй половине XX в. сформировалась новая парадигма расселения — производство начинает приближаться к потребителю, к уже сложившимся высокоурбанизированным мегаполисам. Вместе с тем сам город меняет свои очертания и функции — из места сосредоточия производства и привязанного к нему населения он превращается в гигантскую рекреативную систему, обеспечивающую полноценное воспроизводство рабочей силы.

Постиндустриальная стадия, когда наиболее дорогим становится перемещение и создание условий воспроизводства высококвалифицированного населения, продолжает и усиливает эту тенденцию и производство (прежде всего его информационная и технологическая составляющая) устремляется к высокоурбанизированным зонам. Иначе говоря, производство движется туда, где уже существует рабочая сила необходимого качества по наиболее низкой цене.

Поэтому в наше время высокотехнологичное производство стремится в уже сложившиеся высокоурбанизированные зоны, обеспеченные системами полной рекреации, включая систему духовного производства и потребления,

высококачественного образования, развитыми системами информационного обеспечения и транспортными узлами. Современные города уже не нуждаются в притоке сельского населения. Для развития современных производств нужны не просто квалифицированные работники, а работники с типично городской культурой.

В модернизации и инновационном развитии важен фактор мобильности. Не случайно и очень показательно, что по данным Мирового банка лидерами мобильности населения в современном мире являются Китай и США.

Сказанное становится серьезным вызовом традиционной политической культуре, сложившимся институтам, практикам. С одной стороны, политическая система, управленческие решения должны проявлять достаточную гибкость. С другой — бесконтрольная миграция имеет ряд негативных и даже опасных последствий: этнизация образа жизни, формирование анклавов, возможная криминализация. Недаром непродуманные проекты мультикультурности и толерантности оказались в кризисной ситуации

Решение проблемы предполагает формирование общности интересов населения, развитие социального партнерства, и главное — создание общей институциональной рамки, т.е. правовой системы: независимый суд и культура не избирательного, а универсального правоприменения, равенства перед законом.

4.4. Социальные силы и общественные интересы

Когда речь заходит об обществе, социологи говорят о классах, этносах, стратах и прочих социальных группах. Однако при таком подходе не улавливаются бюрократия, молодежь, творческая интеллигенция, массмедиа, маргинальные группы и другие социальные акторы, важные для разъяснения динамики современного общества. Также и ориентация на национально-этническую структуризацию оказывается глубоко вторичной, поскольку сами нации и этносы (включая и национально-этническую идентичность личности) формируются в результате определенных политических практик, реализующих определенные интересы. Даже плодами национального движения все равно

воспользуются силы, интересы которых и наполнили абстрактную идею реальными возможностями.

Не случайно классовые и этнические классификации не смогли ничего дать для прогнозов ряда важных политических процессов: например, распад СССР, последствия экономических реформ, «цветные» революции, арабская весна оказались неожиданными для большинства аналитиков, пользующихся традиционными категориями

Поэтому на первый план в современном обществоведении выходит идея социальной силы — общности людей, объединенных интересами и программой их реализации, а также обладающих ресурсами — материальными, финансовыми, организационными, информационными, человеческими — для осуществления этой программы. Такой подход акцентирует интеграцию целей и средств. Он улавливает направленность развития общественной системы, определяющую ее функции, закрепляемые в определенных структурных образованиях.

С этой точки зрения и научная, и художественная, и политическая, и религиозная жизнь развиваются по единой схеме институционализации нормативно-ценностных систем, рассмотренной ранее: новая идея создает объединение единомышленников, которое развивается в неформальную ассоциацию и далее — в социальный институт. На каждом из этапов создаются условия перехода к следующему уровню самоорганизации социальной силы: систематическое общение, выдвижение лидера, вербовка учеников и сторонников, доступ к СМИ, финансовым и материальным ресурсам.

В условиях неразвитых социальных сил их заменяют сложившиеся социальные институты — коллективы предприятий и их управленческий персонал, отраслевые структуры, спецслужбы, СМИ и пр. Их функции не относятся к политической жизни, но они реально объединяют материальные и финансовые ресурсы, а значит людей при этих ресурсах. И люди в отсутствие общественных интересов оказываются заложниками этих структур.

Государство также не может организовывать все проявления социальной жизни. В четком осознании зоны ответственности государства и состоит проблема. Эта зона ответственности должна быть очерчена производством социальных благ, которые в принципе не могут быть реализованы на коммерческой основе.

Полноценные экономика и рынок не сводятся к удовлетворению индивидуального спроса на товары. Частные блага и услуги достаточно просто «расфасовываются» по объему и получателям. Одежда, продукты питания, услуги ЖКХ и т.п. имеют вполне конкретную характеристику: потребление их одним человеком исключает потребление их другими людьми. Хлеб, съеденный одним человеком, уже недоступен другим.

Но существуют еще и общественные интересы — неделимые и неконкурентные. Некоторые из них выражают систему интересов индивидуальных: чистая вода и воздух, безопасность, медицинские услуги и т.п.; а некоторые выражаются в ценностях всего общества: культурно-историческое наследие, определенный образ жизни, нравственность... Потребление общественных благ одним человеком не исключает, а предполагает доступность их для потребления другими людьми. Воздух, которым мы дышим, — благо, данное природой всем сразу. Городская архитектура — плод усилий многих людей, и при нормальных условиях не может быть объектом исключаемости. Шум, загрязнение воды или воздуха — зло, от которого невозможно избавиться отдельного человека. И наоборот — у отдельного человека нельзя отнять право наслаждаться тишиной и чистым воздухом в парке. Или можно, но до определенной степени, установив соответствующие границы и исключив посторонних лиц из пользования этим благом. В некоторых местностях пляжами и парками могут пользоваться только местные жители, на чьи налоги, как считается, содержатся эти зоны отдыха.

Чаще всего общественные блага убывают в процессе их потребления. Избыток потребителей или избыточная частота обращения к ним, как правило, наносят им ущерб. Шоссе́йные дороги — пример избытка потребителей, когда рост числа пользователей вызывает пробки и создает неудобства для других. Когда блага характеризуются неисключаемостью, мы имеем небольшие возможности их выбора и наше мнение о них не оказывает влияния на их качество. Более того, мы бываем вынуждены потреблять общественные блага, к которым относимся негативно: нерадивые ЖКХ, перенасыщенные транспортом магистрали, не вызывающие доверия и уважения правоохранительные органы и т.п. детали российского быта.

Поскольку никто не может быть лишен права пользования дарами природы, у людей возникает ощущение, что платить за это они не должны. Аналогично у владельцев предприятия, выпускающего дым в атмосферу, нет стимулов устанавливать дорогостоящее оборудование, фильтрующее дым. Кончается это все тем, что не удается обеспечить должный уровень общественных благ. Поэтому блага совместного пользования, когда исключаемость затруднена или невозможна, предполагают специальные усилия по поддержанию их уровня и особые структуры управления, которые могут эти усилия обеспечить. Рыночные институты тут не работают, поэтому оказывается необходимым вмешательство государства с его правом применять санкции к тем, кто уклоняется от участия в общих затратах и не бережет блага, принадлежащие всем.

Если в малых социальных группах контроль за справедливым распределением общих благ между всеми реализуем довольно легко, то в больших группах каждый человек анонимен, и безнаказанное нарушение справедливости — не редкость. В этом случае необходимо принуждение к участию в общих затратах (например, через сбор налогов) на поддержание должного уровня общественных благ.

То есть по самой своей природе общественная экономика нуждается в инстанциях, наделенных правом принуждения. Более того, само обеспечение законности и порядка — общественное благо, которое становится условием обеспечения всех прочих благ. Рыночная экономика, построенная на принципах исключаемости, обмена и добровольного взаимодействия, общественные блага обеспечивать не может.

Однако обращение к принудительным мерам — не гарант получения людьми благ. Наоборот, инструменты насилия могут использоваться для того, чтобы лишить кого-то права пользования общественными благами и тем самым сделать его более бедным, а не более богатым.

Но есть общественные блага, которые в процессе потребления не убывают, а даже увеличивают свою ценность и значение. Спектакль, концерт, книга, фильм, политические и религиозные идеи — чем больше людей ознакомится с ними, тем они становятся значимее. Как говорил Б. Шоу: «Если у тебя есть яблоко, и ты мне его отдал, у тебя яблока не стало, оно стало моим, а если я его съем, то его вообще не станет. Однако если у меня есть идея, и я поде-

люсь ею с тобой, у нас будет общая идея». Это полностью соответствует роли в обществе морали, искусства, образования и многих других общественных благ... В конечном счете, все сводится к развитию человеческого капитала, вложениям государства в социальное и гуманитарное развитие населения. Правовое и политическое самосознание людей предполагают их достаточно высокое нравственное, духовное и интеллектуальное развитие, не говоря уже об их физическом и психическом здоровье.

Именно за учет и развитие социальных и социально-культурных факторов и получают нобелевские премии ведущие зарубежные экономисты. В развитых экономиках государством перераспределяется до одной трети ВВП. Речь идет не о благотворительной раздаче, а именно о производстве и поддержании общественных благ. Отсутствие внятной и вменяемой социальной политики ведет к вырождению общества, а недоразвитость социальной инфраструктуры серьезно сказывается на экономике. Например, отсутствие нормального рынка жилья, делающего его доступным, определяет невозможность переезда специалистов к местам новой перспективной работы и делает диспропорцию развития регионов угрожающей.

Экономика социальных благ существенно отличается от «чисто рыночной» экономики. Управление ею в корне отлично от управления и контроля как в коммерческих структурах, так и в государственной сфере. Если частные блага (товары и услуги) в силу легкости их «расфасовки» могут быть подсчитаны, соотнесены с издержками и прочими количественными показателями, то общественные блага прямому измерению не поддаются. Увеличение доступа к качественному образованию, к услугам учреждений культуры даст результат в росте человеческого капитала, но насколько именно он возрастет — точный ответ дать невозможно, поэтому нельзя точно сопоставить затраты и прибыль. А поскольку тяжело измерить «выход» общественных благ и услуг, трудно и оценить качество работы инстанций, ответственных за общественные блага.

Таким образом, основными проблемами организации общественной экономики являются следующие: отсутствие исключаемости, количественных показателей и соответствующего способа измерения, малые возможности индивидуального выбора, а также неэффективность и опасность полного государственного контроля в этой сфере.

Речь идет о множестве сфер производства и потребления общественных услуг: общественный порядок, образование, культура и искусство, водоснабжение, пожарная охрана, социальное обеспечение, здравоохранение, транспорт. Работа в них организуется на основе различных организационно-правовых форм и форм собственности: государственной, муниципальной, общественных организаций, частной. Каждая из этих сфер имеет разные возможности сочетания общественных и частных интересов, централизации и координации. Так, в сферах охраны общественного порядка или водоснабжения — большие возможности централизации, чем в сфере культуры и искусства. Однако все участники процесса находятся в тесной взаимосвязи, суть которой — социальное партнерство. Например, оптимальный способ финансирования образования и культуры — объединение местных, федеральных, региональных и частных ресурсов. А если в обеспечении общих благ нет пропорционального участия и заинтересованных, и ответственных сторон, как это было в советской экономике, то получающий выгоду может счесть их бесплатными.

Важно также увеличение возможностей выбора общественных услуг и их конкуренция. Именно это открывает перспективы для совершенствования. Конкурентность — вообще ключевой фактор демократии. Коммерческие и государственные структуры всегда склонны к монополизму и заинтересованы в уменьшении конкурентных альтернатив. Если им это удастся, конкуренция становится неэффективной, а то и деградирует до сговора.

Поскольку рядовые члены общества могут не отдавать себе отчета в важности и необходимости таких ценностей, которые выступают именно общественными выразителями, носителями и защитниками общественных интересов, в нормальном обществе выступают просвещенная часть граждан, государство и элита.

4.5. Социальное партнерство: роль бизнеса и организаций-посредников

Самоорганизация общественности играет важную роль в производстве и распределении общественных благ. В зрелом гражданском обществе с производством общественных благ связана деятельность некоммерческих негосударствен-

ных организаций (далее — НКО). Именно они занимаются деятельностью, которая в принципе не может быть осуществлена в коммерческом режиме. Такие общественные институции также обладают определенным правом принуждения. Например, уставы жилищных кооперативов и кондоминиумов дают право взимать сборы за предоставление совместно используемых услуг и оборудования. Во многом аналогична роль религиозных организаций, профессиональных и творческих союзов, благотворительных обществ, спортивных и прочих клубов.

Только эффективные социальные инвестиции государства и развитое социальное партнерство позволяют обществу выработать иммунитет к экономическим и социальным потрясениям. Задача государства — возглавить разработку и реализацию такой политики. Но именно — возглавить: решить ее в одиночку ему не по силам, да и не надо. Выстраивание социального партнерства — задача для государства не только благородная, но и благодарная. Хотя бы потому, что часть забот и проблем по реализации социальных благ и интересов могут брать на себя социально ответственный бизнес и самоорганизовавшаяся общественность, способные самостоятельно решать свои проблемы вне зависимости от политической конъюнктуры.

Социальное партнерство играет важную роль в укреплении доверия и профилактики недоверия — как формы социальной связи, взаимодействия, консолидации, добровольного признания общности интересов, сопричастности общему делу. Таким общим делом, прежде всего, является производство упомянутых выше неделимых социальных благ, которые не могут быть обеспечены рынком в сугубо коммерческом режиме: экология, безопасность, здоровье, образование, искусство, образование, отчасти — наука.

В этой связи следует подчеркнуть нетривиальную роль деловой активности — бизнеса, который выполняет ряд важнейших функций в современном общественном развитии. Помимо *экономической*, это функции *инновационная, политическая, нравственная*. Искусство, образование, наука, спорт в любой стране не могут полноценно развиваться без поддержки делового мира. Бизнес — важнейшее звено социального партнерства.

Его роль связана не только со стремлением предпринимателей и менеджеров создавать благоприятные условия

развития своего бизнеса, воздействуя на социальную среду с помощью корпоративной благотворительности, спонсорства, лоббизма, демонстрации и реализации своей социальной ответственности. В современном мире бизнес все более предстает выражением, структуризацией, «кристаллизацией» интересов различных сил и групп влияния — даже не акционеров, а тех, кто за ними стоит. Это с очевидностью проявилось в становлении и развитии экономик Японии, стран Юго-Восточной Азии, Китая. О роли социальных факторов, роли социальных институтов, групп интересов и влияния — так называемых «стейкхолдеров» — все громче говорят в США, Западной Европе. Речь идет о вещах, отлично известных в современной постсоветской пореформенной России.

Экономика и бизнес — это не просто производство и потребление, не просто их встреча на рынке. В них выражаются, конкретизируются, реализуются интересы различных социальных сил и групп. Не структуры создают и реализуют бизнес-проекты: любой бизнес-проект можно реализовать при условии **общности интересов** участников. А бизнес-структуры создаются, учреждаются *в случае необходимости в них для более успешной реализации проекта*.

Важно различать две принципиально различные ситуации позиционирования и роли бизнеса. Это так называемые ситуации «холодного» и «горячего» обществ.

Для ситуации «холодного» общества характерно наличие уже сложившихся институтов, когда собственность и собственник легитимны, нравственному сомнению не подвергаются, их права выражены и гарантированы. В этом случае корпоративная социальная ответственность и корпоративное гражданство, социальные инвестиции и социальное партнерство связаны с оптимизацией бизнесом условий своего развития (рис. 4.3, а).

В ситуации «горячего» общества, когда еще не устоялись итоги первоначального накопления, когда ведется борьба за удержание и передел собственности, положение обратное. Бизнес служит выразителем и «воплотителем» интересов групп влияния и интересов. Не столько он их оптимизирует, сколько они — его (рис. 4.3, б).

В принципе, всегда имеются прямые и обратные связи и влияния между бизнесом и социальной средой (рис. 4.3, в). Однако в ситуациях «холодного» и «горячего» обществ акценты существенно различны.

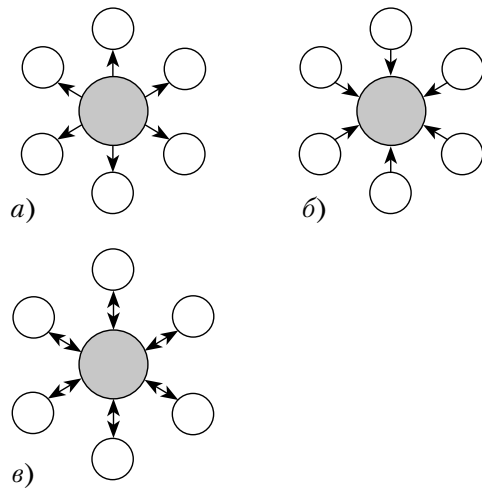

Рис. 4.3. Бизнес и социальная среда:

а) в «холодном обществе»; б) в «горячем обществе»;
в) общий случай

Важно, что в обеих ситуациях с помощью бизнеса консолидируется и реализуется широкий контекст общности интересов социальных сил. И эта роль конструктивна как для самого бизнеса, так и для социальных сил, за ним стоящих, и для общества в целом. Более того, сами процессы консолидации общества и его социально-экономического развития во многом зависят от способности и умения сознательно, вменяемо использовать механизмы и процессы консолидации, выражения и реализации этой общности интересов.

Мировой опыт показывает, что социальная ответственность бизнеса вызревает по мере развития и бизнеса и общества. Четко различаются три стадии зрелости:

1. «Героический период» «войны всех против всех» за первоначальное накопление, когда победитель верит в справедливость мира (по отношению к нему — «лучшему»), а поэтому претендует (по праву сильнейшего) на распоряжение ресурсами, на льготы и преференции, а главное — уважение к себе со стороны слабых и зависимых. Это, однако, не происходит.

2. Поэтому наступает следующая стадия «служения», когда главной проблемой становится самооправдание биз-

неса в глазах государства, граждан. Обычно именно на этой стадии развиваются спонсорство, патронаж, благотворительность. Бизнес демонстрирует свои возможности — преимущественно с помощью шумных мероприятий, вкладывания средств в проекты, за которыми стоят «хорошие и полезные люди». Но и это не приносит особого результата и особой благодарности не вызывает («с жиру бесятся», «совесть замучила»). Более того, поощряется откровенное иждивенчество, а за счет непрофильных трат снижается эффективность бизнеса.

3. Стадия «социального партнерства», собственно социальной ответственности, когда бизнес к развитию конструктивных социальных связей — социальному партнерству с социальной средой, формированию полноценных PR, таких как Public Relations и Public Responsibility. Речь идет об оптимизации социальных условий развития бизнеса, т.е. социальных инвестициях:

- а) в собственный персонал, как вложения в развитие человеческого капитала;
- б) безопасность и благоустройство окружающей среды;
- в) инфраструктуру населенных пунктов и регионов, в которых расположен бизнес;
- г) поддержку действующей власти и конструктивной оппозиции, а значит в развитие правового государства и гражданского общества;
- д) поддержку образовательных структур и создание корпоративных учебных заведений;
- е) поддержку конфессиональных организаций, искусств, а значит оптимизацию нравственных и эстетических компонентов корпоративной культуры.

В этом случае социальная ответственность способствует формированию и продвижению имиджа и репутации, а значит конкретного бренда или брендов, и в конечном счете росту капитализации бизнеса.

За рубежом, да уже и в России, сложилась традиция, увязывающая эффективную корпоративную социальную политику с корпоративной социальной ответственностью (corporate social responsibility, далее — КСО) — дополнительными добровольными обязательствами бизнеса, гарантирующими качество товара, достойную зарплату, сохранение здоровой окружающей среды, социальные пакеты с доплатами на лечение и образование, прибавки к пенсиям.

Подобные обязательства — важный фактор формирования политики ведущих компаний развитых стран.

КСО конкретизирована в нормативах, критериях и стандартах, а также в формах отчетности. Имеется минимум 25 международных стандартов нефинансовой отчетности, и отсутствие верифицированного социального отчета делает доступ к глобальному и многим национальным рынкам капитала весьма проблематичным. Эксперты по фондовым рынкам учитывают их при оценках и экспертизах — как свидетельство надежности и стабильности бизнеса. Подобный социальный аудит — эффективный инструмент управления нематериальными активами компании. Однако подготовка полноценного социального отчета — весьма трудоемкая процедура, требующая больших усилий, времени, затрат, привлечения компетентных экспертов для консультирования подготовки отчетов и их верификации. КСО была конкретизирована в детальных показателях, нормативах, критериях и стандартах. С 2000 г. она стала одним из приоритетов Европейского союза.

Показатели и критерии КСО разведены по различным стейкхолдерам (stakeholder), которые предстали существенными группами влияния: «зеленые» движения — экспертами по экологии; профсоюз — по оплате и другим условиям труда; общество потребителей и поставщиков — по контрактной дисциплине; религиозные организации — по защите свободы совести. Эти показатели и оценки обобщаются в публикуемых рейтингах, позиции которых необходимы для формирования деловой репутации и привлечения инвестиций. Социальная отчетность во все большей степени приравнивается к финансовой, приобретая статус обязательной. При этом в соответствии с международными стандартами КСО предполагает развитое гражданское общество, создающее условия эффективного социального диалога. В последнее время можно отметить возрастающее понимание российскими бизнесменами важности обращения к КСО. Довольно интенсивно ведется работа по продвижению международных стандартов социальных отчетов, разработки корпоративных кодексов, принята Хартия социально ответственного бизнеса Российского союза промышленников и предпринимателей.

Для современного общества необходимы переход от культуры конфронтации к культуре сотрудничества, партнерства.

Такому переходу способствует также и развитие разнообразных институтов — посредников, структур, выполняющих медиаторские функции между основными акторами поля публичной политики. Именно по степени участия граждан страны в решении разнообразных проблем общества и государства и разделяют, собственно, демократические и авторитарные политические режимы. Такое участие, достижение двухстороннего взаимодействия общественных и государственных структур требует как открытости власти по отношению к обществу, так и наличия разнообразных институтов-посредников, или медиаторов, которые способствуют реализации такого взаимодействия через конкретные практики участия. Развитие таких институтов-медиаторов, реализующих связность, консолидированность социума и политики, является также необходимым условием для достижения фазы консолидации политического режима.

Строго говоря, если рассматривать политику как взаимодействие по поводу власти, и понимать под властью в узком смысле только лиц (органы), принимающих властные решения, то субъектами такого взаимодействия будет народ как обладающий верховной властью суверен и администрация разного уровня, или власть исполнительная. В рамках такого подхода и представительная власть — также посредник, являясь представителем народа во власти, а судебная власть — посредник между ветвями власти (конституционных суд), властью и гражданами, между самими гражданами и организациями и т.д. О роли СМИ как медиатора говорит и само их английское название «media». Еще одним известным политическим посредником являются политические партии.

Иначе говоря, все институты, кроме власти исполнительной, выполняют и медиаторскую функцию.

Однако все вышеперечисленные структуры уже давно являются предметом анализа политологов, и достаточно хорошо изучены. Кроме того, по мере усложнения функций государства депутаты парламентов все более отдаляются от народа, и степень влияния людей на процесс принятия властных решений все более снижается. В этой ситуации возрастает и роль разнообразных структур, позволяющих гражданам оказывать такое влияние постоянно, а не только в день выборов. Подобные структуры-медиаторы могут возникать как со стороны общества в виде разнообразных ассоциаций и групп защиты общественных интересов, так

и со стороны власти в виде различных общественно-консультативных и экспертных советов. Джон Кин в своих работах по теории демократии делает предположение, что формирование подобных структур и практик их деятельности является отражением появления нового вида демократии, постепенно приходящего на смену электоральной, представительной демократии, которую он называет мониторинговой демократией.

Поэтому имеет смысл выделить ряд институтов и структур, которые ранее не привлекали к себе особого внимания, оставаясь как бы в тени у основных политических акторов, и для которых, вместе с тем, функция медиаторства, посредничества является одной из центральных, если не основной.

К числу таких институтов прежде всего можно отнести институт *омбудсмана* (в России он носит наименование уполномоченного по правам человека).

Термин «омбудсман» имеет шведское происхождение¹ и исходно обозначал чиновника в администрации короля Швеции, который курировал работу судов. В начале XVIII в. Карл XII распространил функции омбудсмана и на чиновников своей администрации, с тем чтобы любой житель Швеции мог пожаловаться омбудсману на произвол или бездействие любого чиновника. Омбудсман же имел непосредственный выход на короля, который принимал меры по восстановлению как справедливости, так и по упорядочению деятельности своей администрации. Затем этот институт переподчиняли себе то шведский парламент, то снова король, пока в Конституции Швеции 1809 г. не появилась статья о существовании трех парламентских омбудсманов юстиции.

Более 100 лет этот институт существовал только в Швеции, внося свою лепту в формирование шведской политической культуры партнерства, затем в 1918 г. он возник в Финляндии, а после второй мировой войны начал достаточно интенсивно распространяться по всему миру, являясь важным элементом связности основных акторов поля публичной политики. Интересно, что во Франции название этого института — Государственный медиатор Франции. Начи-

¹ В шведский язык слово пришло из датского, и исходно обозначает «несущий весть». Омбудсман не имеет гендерного оттенка. В российских изданиях часто вместо этого термина используется слово «омбудсмен», что не верно.

ная с постфранкистской Испании, где он получил название «защитник народа», институт омбудсмана стал также важным фактором успешности непростого перехода от авторитаризма к демократии. Так, в Польше он возник еще во времена В. Ярузельского, в России институт Уполномоченного по правам человека был зафиксирован уже в конституции 1993 г., первым Уполномоченным, работавшим еще без специального закона был С. А. Ковалев, в 1998 г. на этот пост был избран О. О. Миронов, а в 2004 г. — В. П. Лукин. Институт уполномоченного по правам человека действует сегодня и в более чем 90% субъектах РФ.

Деятельность омбудсмана или Уполномоченного по правам человека можно разделить на реактивную и проактивную составляющие. Реактивная — то реакция на нарушения прав человека, выяснение факта такого нарушения в ответ на жалобу человека, а также действия, направленные на восстановление нарушенных прав. При этом основным механизмом воздействия у Уполномоченного является его авторитет и грамотно подготовленные рекомендации по исправлению ситуации. В его функции входит не наказание нерадивого чиновника, а исправление самого факта нарушения прав, поэтому если после его рекомендации чиновник сам отменяет свое прежнее решение, то этого Уполномоченному и достаточно. Не случайно первый Уполномоченный по правам человека в Самарской области В. Н. Баландин охарактеризовал работу Уполномоченного как близкую к деятельности конфликтолога.

Вторая составляющая деятельности Уполномоченного — это проактивная деятельность, работа по профилактике нарушений прав человека. Сюда входит и работа по совершенствованию законодательства, и образование в области прав человека, и взаимодействие с правозащитными и другими общественными организациями страны или региона. Одной из важных задач Уполномоченного является выстраивание диалога между общественными организациями и властными структурами, например, круглые столы с участием губернатора и лидеров правозащитных организаций области. Иначе говоря — налаживание прямого диалога, уход от культуры конфронтации, переход к культуре сотрудничества.

Еще одним примером институтов-посредников могут служить также *общественные палаты* и *общественно-кон-*

сультативные советы различного уровня, начиная с законодательно оформленной Общественной палаты РФ и завершая общественными и консультативными советами при региональных органах власти и территориальных управлениях министерств, агентств и служб различного профиля.

Общественно-консультативные органы представляют собой общественные (гражданские, или публичные) структуры, созданные специально для того, чтобы на формальной основе участвовать в процессе принятия государственных решений. История консультативных структур, по-видимому, с самого их возникновения в XX в. связана с двумя основными тенденциями. Первая — пониманием недостаточности чисто «электоральной» демократии для обеспечения представительства интересов различных групп общества и оказания ими реального влияния на процесс принятия властных решений. Иначе говоря, все усилия направляли на развитие демократии участия, партисипативной демократии как альтернативы «демократии голосований», приводящей к элитистской модели демократии, требовали создания и развития структур и институтов, через которые такое участие могло бы быть организовано. Такая тенденция существовала и в странах с более плюралистическим режимом, например, в США и странах с традициями корпоративизма и некорпоративизма (страны Северной и Южной Европы). В США она проявилась в начале XX в., в частности в рамках реформы местного самоуправления и борьбы против засилья «партийных машин», в итоге возникли инициативные коалиции «снизу».

В то же время в США и внутри органов (или при органах) власти возникали «общественные советы» для взаимодействия с подобными коалициями и просто с инициативными гражданами. Так, например, в Городском совете г. Сан-Франциско при основных департаментах мэрии существуют общественные советы численностью в 5—7 человек, состав которых утверждается мэром, и именно эти советы оказывают реальное влияние на стратегию деятельности соответствующих департаментов. В Европе такая практика получила название соуправления или общественно-государственной системы управления.

Наряду с созданием общественных советов разного уровня с целью обеспечения условия для реального участия граждан в процессе принятия решений, коррекции

недостатков институтов представительной демократии и развития гражданской политической культуры, в XX в. накоплен и иной опыт, а именно попытки замены этими советами институтов представительной власти. Например, опыт возникших стихийно в охваченном забастовкой Орехово-Зуево советов самоуправления был использован затем в СССР для создания ширмы реальной власти партийно-государственного аппарата. Или опыт замены парламентской демократии системой корпоративистских структур в фашистской Италии или во франкистской Испании. В СССР наряду с Советами как органами власти (по крайней мере, формально) существовали и разнообразные консультативные и общественные советы и при государственных, и при партийных структурах, выполнявшие, как правило, функцию «добавочных приводных ремней» от партии к гражданам страны (хотя в некоторых случаях эти советы и выполняли в разрешенных пределах функцию обратной связи).

Можно предположить, что и в современной России, как и в других постсоветских странах, общественно-консультативные советы будут создаваться различными акторами поля публичной политики с разными целями в описанном выше интервале — от реального содействия вовлечению людей в процессы принятия властных решений до имитации общественного участия и (или) подмены институтов представительной власти. В последнем случае вместо гражданской культуры участия будет развиваться подданническая политическая культура.

В начале XXI в. в научной литературе получила развитие концепция так называемых «пограничных» организаций (Boundary organizations), которые возникают на границах, разделяющих систему научного знания и систему власти, точнее систему администрирования, управления различными политиками (policy) в данной местности, стране или регионе. Понятие (и даже теория) таких пограничных структур была предложена для границы наука-власть в 1999—2000 гг. Д. Гастоном¹, и развита затем в рабо-

¹ *Guston, David H.* Stabilizing the boundary between U.S. politics and science : The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization // *Social Studies of Science.* 1999. Vol. 29 (1). P. 87—112; *Guston, David H.* Between politics and science : Assuring the integrity and productivity of research. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

тах других авторов¹. Эти структуры понимают принципы и алгоритмы деятельности, например, правительственных организаций, с одной стороны, и принципы функционирования института научного знания, с другой. Благодаря этому они становятся своеобразными «адапторами», организуя их конструктивное взаимодействие. В качестве примера подобных пограничных организаций приводятся более или менее независимые аналитические организации, называемые также **фабрики мысли**².

Фабрики мысли также могут рассматриваться как пример медиаторских структур — посредников между научным сообществом и структурами государственной власти. Среди этих организаций можно выделить «технические» фабрики мысли, работающие «под заказ», и «идейно нагруженные» организации, реализующие в своей работе определенную миссию. «Технические» фабрики мысли, в свою очередь могут быть разделены на фабрики мысли «клиентского типа», созданные для обслуживания интересов определенных политиков или властных структур, и на «контрактные», действующие на условиях рынка. Среди «идейно нагруженных» структур выделяют консервативные фабрики мысли и организации, направленные на развитие подлинно публичной, открытой и прозрачной политики. Последний тип фабрик мысли в начале XXI в. получил также название центров публичной политики³.

Далее для удобства сравнения приведены основные функции всех трех обсуждаемых институтов-медиаторов⁴ (табл. 4.2).

¹ O'Mahony S, Bechky B. A. Boundary organizations: enabling collaboration among unexpected allies // Administrative Science Quarterly. 2008. Vol. 53. P. 422–459.

² Medvetz T., Power M. «Think Tanks» as Boundary Organizations // Rethinking Power in Organizations, Institutions, and Markets Research in the Sociology of Organizations. 2012. Vol. 34. P. 113–133.

³ Сунгуров А. Ю. Фабрики мысли и центры публичной политики в России и других посткоммунистических странах: развитие и функции // The Soviet and Post-Soviet Review. 2012. № 39. С. 22–55; Сунгуров А. Ю., Распопов Н. П., Беляев А. Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России // Полис. 2012. № 4. С. 99–116.

⁴ Сунгуров А. Ю. Институты-медиаторы и их роль в развитии публичной политики в современной России // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования / отв. ред. Л. И. Никовская. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. С. 217–218.

Основные функции институтов-медиаторов

Фабрики мысли и центры публичной политики	Общественные советы и палаты	Уполномоченные по правам человека
Аналитическая	Экспертная	Расследование случаев нарушения прав человека
Образовательная	Информационно-просветительская	Развитие гражданского образования
Креативная	—	Выработка предложений по решению выявленных проблем
Коммуникативная	Координационная	Содействие диалогу НКО и власти
Внедренческая	Консультативная	Подготовка проектов решений по ежегодным и специальным докладом
—	Контрольная	Функция (парламентского) контроля

Мы видим, все три типа рассмотренных институтов-медиаторов хорошо дополняют друг друга, и, хотя каждый из них способен выполнять свои специфические функции, максимальный эффект для развития публичной политики, партнерских моделей взаимодействия власти и общества и гражданской политической культуры можно достичь при сотрудничестве этих институтов.

4.6. Социально-культурные технологии в развитии политической культуры

В качестве технологий консолидации общества, формирования и развития социального и человеческого капиталов важную роль играют социально-культурные технологии, реализуемые соответствующими организациями и учреждениями «сферы культуры»:

- сохранение и воспроизводство культурно-исторического наследия: музейные фонды, библиотечные фонды,

знаменательные и юбилейные даты, монументы и памятные знаки, традиционные и этнографические искусства и ремесла;

- воспроизводство творческой элиты (музыкальные и художественные школы, лицеи, консерватории, академии), творческие конкурсы, способствующие продвижению молодежи;

- культурные процессы (культурная жизнь): театральная жизнь (репертуарные спектакли, гастролы, фестивали), музыкальная жизнь (концерты, гастролы, фестивали), выставочная деятельность, галерейное дело, кинопроизводство и кинопрокат, любительская деятельность, отдых и развлечения (от клубной деятельности, концертов, массовых праздников и шоу до игротек и казино).

На уровне обыденного сознания, в публицистике, а иногда и в сознании некоторых представителей политической элиты значение сферы культуры трактуется довольно поверхностно. Сферу культуры понимают либо цинично-пропагандистски, либо «жалостливо-заботливо». В первом случае в ней видят средство идеологической обработки масс. Недаром все тоталитарные режимы апеллируют к культуре. На ней строят свою аргументацию фундаменталисты и националисты. Во втором случае деятельность в сфере культуры воспринимается как «жалкая и убогая» — в том смысле, что ее жалеть надо, и она к Богу близка. «Культура только требует денег, никакого дохода не приносит», «это индустрия зрелищ, развлечений», «ее задача — воспитание подрастающего поколения в рамках традиций», «пусть лучше в музей или на концерт сходят, чем по улице болтаться» — ряд таких расхожих представлений можно продолжать.

Между тем, реальный вклад сферы культуры в развитие регионов становится предметом все более пристального внимания и исследований. В Европе первое такое исследование было проведено в 1984 г. в Цюрихе (Швейцария), в котором были поставлены вопросы: какая часть субсидий прямо или опосредованно возвращаются к государству; какое воздействие эти субсидии оказывают на экономику и граждан? Результаты исследования выявили, что деятельность ведущих учреждений культуры вызывает обратные потоки средств в государственный бюджет и оказывает сильное оживляющее воздействие на экономику.

Исследования, проведенные в Нидерландах в 1985 г., показали, что профессиональная сфера культуры и искусств занимает восьмую позицию в экономике, превосходя рекламу и газетно-издательский бизнес, вместе взятые. Похожие результаты дали исследования, проведенные в Германии на региональном и федеральном уровнях. «Искусство и культура — это не хлебники государства», «Культура рентабельна», — гласили заголовки газет.

В 1990-е гг. была осознана роль культуры и искусства как факторов развития других отраслей. Более того, культурный сектор рос быстрее других отраслей, нередко более чем вдвое быстрее традиционных отраслей экономики, например, машиностроения. По мнению ряда ведущих мировых экономистов и политологов (Б. Мулдер, Ф. Фукуяма и др.), в ближайшие годы культура станет движущей силой возникновения новых социально-экономических структур, культура как общественный капитал будет играть более важную роль для экономического развития, чем международные денежные потоки и инфраструктуры.

С учетом результатов зарубежных и отечественных исследований можно выделить несколько уровней роли (вклада) культуры и искусства в развитии современного общества.

1. *Прямой вклад сферы культуры в экономику:*

- Государственные учреждения культуры, общественные НКО, коммерческие структуры, частные фирмы, творческие коллективы и индивиды, действующие в сфере культуры и искусства, создают конкретные рабочие места по соответствующим собственным рынкам услуг, обладающим существенным инвестиционным потенциалом. Тем самым осуществляется непосредственный вклад в развитие экономики конкретного региона. Речь идет не только об обеспечении занятости, но и о налоговых и прочих отчислениях в государственные бюджеты, социальное страхование.

- Сфера культуры и искусства выступает базой и инфраструктурой развития ряда других отраслей, прежде всего образования, СМИ, издательской деятельности, туризма, индустрии развлечений. По общемировой статистике свыше 75% объема туризма составляет так называемый «культурный туризм» (cultural tourism), когда туристы посещают другие регионы и страны, чтобы ознакомиться

с культурно-историческим наследием, участвовать в ярких событиях, набраться ярких непривычных ощущений, приобрести экзотические и художественно своеобразные сувениры. Общее образование невозможно без приобщения подрастающего поколения к культурно-историческим традициям, традиционным, классическим и современным искусством, что немыслимо без работы музеев, библиотек, художественных и музыкальных школ. Для деятельности СМИ важны не только сенсации, но и «хорошие новости», и основным поставщиком таких новостных поводов является сфера культуры и искусства — события, происходящие в ней, являются социально-значимыми, привлекают внимание широкой общественности. Посещение театра, концерта, музея или выставки предполагает наличие приличной, нарядной одежды, украшений, услуги парикмахеров и косметологов, пользование общественным и личным транспортом, приобретение каталогов и сувениров, посещение кафе и ресторанов. Короче говоря, ряд отраслей и сфер общественной жизни не то чтобы «паразитируют» на сфере культуры, но предполагают ее в качестве инфраструктуры своего развития, а то и существования.

- Обеспечивая соответствующие услуги для работников других отраслей и сфер деятельности и членов их семей, деятельность учреждений и организаций сферы культуры и искусства осуществляет их полноценную социализацию. При любых условиях работы и жизни, при самых различных доходах люди хотят иметь полноценный досуг и возможность полноценного развития своих детей. Это важно не только для освоения новых регионов и создания новых производств, но и для городских, и для сельских условий.

2. *Прямое социальное влияние:*

- Культурные символы и традиции, язык, памятные даты и места, песни и т.д. составляют содержание культурной идентичности, самосознания, объединяющего людей и консолидирующего общество: работодателей и работников, старшего и подрастающего поколения, мужчин и женщин, политиков и избирателей. Без такой консолидации, сознания общности и общей судьбы невозможны экономические и политические реформы, развитие общества в целом.

- Культура и искусство социально значимы и даже выгодны, так как являются социальными инвестициями.

Они аккумулируют и транслируют некие базовые ценности общества, образы, которые помимо прочего используются в коммерческой и некоммерческой деятельности.

- Культура и искусство обеспечивают социально-значимые виды деятельности, организацию отдыха, позитивно влияющих на сознание людей, отношения между ними, способствующих духовному развитию личности и общества в целом, раскрытию их творческого потенциала

- В элитарной, массовой культурах, андеграунде вырабатывается и предлагается разнообразие возможных образцов и моделей социального поведения.

- Культура и искусство обогащают и разнообразят социальную среду, образ жизни привлекательными событиями.

3. *Косвенное экономическое влияние:*

- Такие современные технологии бизнеса и менеджмента, как реклама, public relations, продвижение товаров, включая акции по стимулированию и организации продаж, работа с персоналом, формирование корпоративной культуры и фирменного стиля — невозможны без использования традиционных форм социально-культурной деятельности, без сотрудничества с учреждениями и организациями сферы культуры и искусства.

- Сфера культуры и искусства создают инфраструктуру деловых контактов, мест, условий и поводов их реализации.

- Учреждения культуры оказывают корпоративные услуги: подготовка и проведение праздников, информационное и библиотечное обслуживание и т.д.

- Культура и искусство повышают ценность окружающей среды, например, украшая товары, помещения, здания, включаясь в оформление города, материальной среды производства и отдыха.

- Содержательная и интенсивная культурная жизнь активно (иногда решающим образом) влияют на формирование и продвижение привлекательного имиджа региона, местности, в том числе в глазах потенциальных инвесторов.

4. *Косвенное социальное влияние:*

- Формирование репутации, привлекательного имиджа политиков, политических партий и движений, просто достижение ими известности и узнаваемости предполагают их какую-то социально-значимую деятельность, участие

в важных событиях. В этом плане совершенно очевидны возможности, потенциал сферы культуры и искусства.

- Взаимовыгодное, взаимостимулирующее сотрудничество делового мира и сферы культуры и искусства, коммерческой и некоммерческой, но социально значимой сфер, их социальное партнерство оказывается важнейшим механизмом и инструментом формирования и развития гражданского общества, способного к саморазвитию.

- Культура и искусство выступают источником цивилизационного влияния и социальной организации, стимулируют творчество, повышая способность общества к восприятию и поиску нового, преодолению застарелых стереотипов сознания и поведения.

- Культура и искусство — коллективная память общества, неисчерпаемый источник культурно-исторического наследия и творческих идей для будущих поколений.

- Они улучшают и разнообразят жизнь, повышают степень социализации личности, способствуя профилактике и сокращению девиантного и асоциального поведения.

- Велика роль культуры и искусства в образовании и воспитании подрастающего поколения, влиянии на интеллектуальное и эмоциональное развитие детей.

- Возрастает роль культуры и искусства в социальной коммуникации, в том числе — с использованием современных технологий.

Приведенный перечень показывает реальное значение сферы культуры, индустрий культуры и искусства, степень и масштабы их реальной востребованности. Речь идет о глубоко укорененной в экономике и социальной жизни сфере деятельности, обеспечивающей многообразные формы социального партнерства, связей и отношений, развития общества в целом.

С учетом всех указанных связей между культурой и развитием можно сказать, что *культура является системообразующим фактором консолидации и развития общества в национальном и региональном масштабе.*

Культура в современном обществе во все большей степени выступает и осознается не как результат, следствие социально-экономического и политического развития, а как необходимое условие, важнейший фактор этого развития, нравственный стержень личности и общества. Без опоры на этот ресурс, без его сохранения и развития, невоз-

можно обеспечение других стратегических целей и задач, таких как формирование благоприятного социального климата, интеграция и продвижение страны, региона в мировое экономическое, информационное пространство, мировой рынок туризма.

Вопросы для обсуждения

1. В каких концепциях отводится ведущая роль ценностям в формировании и развитии политической культуры? В чем отличие этих школ?

2. В чем заключается концепция постматериализма? Приведите примеры ценностей самовыражения.

3. Какие факторы влияют на человеческое развитие? Объясните механизм действия этих факторов.

4. Как влияет политическая культура на уровень демократии?

5. Почему каждая новая инновационная волна модернизации порождает всплески градообразования?

6. Почему общественная экономика нуждается в инстанциях, наделенных правом принуждения?

7. Какова роль бизнеса в «холодных» и «горячих» обществах?

8. Какова роль гражданского общества в формировании политической культуры?

9. Что мешает развитию предпринимательской культуры в России? Какие существуют механизмы преодоления этих барьеров?

10. Какие существуют технологии консолидации общества? Приведите примеры.

Практическое задание

Выберите один из городов — побратимов вашего города. Подготовьте презентацию сравнительного анализа ценностных и институциональных факторов социального развития выбранных вами урбанистических поселений за последние 20 лет. Проведите дебаты от лица мэров этих городов, предварительно выбрав политическую тему, получившую резонанс на предыдущих президентских или парламентских выборах в вашей стране.

Рекомендуемая литература

Диксон, П. Фабрики мысли / П. Диксон. — М. : Изд-во АСТ, 2004.
Миронов, О. О. Очерки государственного правозащитника / О. О. Миронов. — М. : Изд-во СГУ, 2009.

Публичное пространство, гражданское общество и власть : опыт развития и взаимодействия. — М. : Российская ассоциация политической науки ; РОССПЭН, 2008.

Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах : практика межсекторного взаимодействия. — М. : Агентство социальной информации, 2008.

Тулъчинский, Г. Л. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности / Г. Л. Тулъчинский. — М. : Юрайт, 2014.

Considine, M. Making Public Policy. Institutions, Actors, Strategies / M. Considine. — Cambridge : Polity Press, 2005.

Gilligan, E. The Human Rights Ombudsman in Russia: The Evolution of Horizontal Accountability / E. Gilligan // Human Rights Quarterly. — 2010. — Vol. 32. — № 3. — P. 300–315.

Rich, A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise / A. Rich. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Глава 5 ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МАССОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

• Реализация проекта Просвещения: маркетизация социальной мифологии • Консолидирующая роль культуры массового общества • Урок тоталитаризма • Проектно-сетевой социум и проблема доверия

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- концепции массовой культуры и массового общества;
- отличия между поколениями сетей Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0;

- специфичность проектно- сетевого социума;

уметь

- объяснять консолидирующую роль культуры массового общества;
- применять для характеристики проблемы доверия модель проектно- сетевого социума;
- использовать концепцию маркетизации для объяснения современной массовой культуры;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

5.1. Реализация проекта «Просвещения»: маркетизация социальной мифологии

Массовое общество — закономерный этап развития цивилизации, связанный с персонологическими установ-

ками иудео-христианского мировоззрения, реализованными европейской цивилизацией посредством развития рыночной экономики, индустриализации, подкрепленной научно-техническим прогрессом, развитием урбанизации, СМИ и информационных технологий, демократизацией политической жизни. Культура массового общества парадоксальным образом реализовала проект Просвещения и его гуманистический лозунг «Все на благо человека, все во имя человека!» Перефразируя известный советский анекдот, можно добавить: «И мы знаем этого человека». Это каждый из нас. Рыночная экономика и массовая культура буквально воплотили в жизнь гуманистическую программу в механизме *«всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей»*. Кстати, именно так формулировался «основной закон социализма» в программных документах КПСС.

Массовое общество и массовая культура потому и совершили столь успешную экспансию, что являются реализацией и проявлением эволюции и диверсификации долгой исторической культурной и нравственной традиции человеческого развития. Масса, массовая культура, массовое сознание лишь явили наиболее полную и развернутую форму этой установки. Они — продукт достаточно длительной социальной «дрессуры» на основе гуманистических идеалов вроде «человек — венец природы», «неотчуждаемые права человека» и т.п. Реализация программы «все для человека», многовековая работа и борьба, сопровождавшаяся немалыми жертвами, дали несколько неоднозначный результат: ориентацию на труд (духовный, интеллектуальный, физический), напряжение, заботу, созидание и эквивалентный (справедливый) обмен сменила ориентация на потребление, организованный другими праздник жизни.

Ценностный комплекс культуры общества массового потребления образован радикально иначе, чем культуры традиционной, в которой он выстроен иерархически «вертикально» — от простых бытовых ценностей до сакрально-трансцендентных. В культуре общества массового потребления все ценности приведены к общему знаменателю рыночного спроса. Все, что возникает, существует, задумывается в массовом обществе должно пользоваться спросом на рынке. Ценностная вертикаль традиционного общества «оседает», а ценности (вплоть до трансцендентных) пре-

вращаются в рубрикаторы рынка массового потребления. Именно утрата ценностной иерархии, «уплощение» ценностной структуры культуры и порождает не только «мозаичность» современной культуры, но и нравственный релятивизм.

Массовая культура — едва ли не первая в истории человечества культурная формация, лишенная трансцендентного измерения. Она совершенно не интересуется нематериальным, потусторонним бытием, иным его планом. Если что-то сверхъестественное и фигурирует в ней, то, во-первых, описывается конкретно и буквально подобно описанию потребительских качеств товара, а во-вторых, это сверхъестественное подчинено вполне земным целям и используется в решении самых что ни на есть земных потребностей.

Ценности массовой культуры — ценности реального жизненного обустройства, ценностях комфортной, удобной жизни. Они пришли на смену «онтологическим монолитам» традиционной культуры. В ситуации массовой культуры они существуют «параллельно», не исключая друг друга и никак вообще не конкурируя. Более того, традиционные национально-этнические культуры и даже культуры прошлого — получают возможности сохранения намного лучшие, чем в условиях своего возникновения. Но ни одна из них уже не обладает статусом главной, определяющей все остальные, выстраивающей их «под себя» по ранжиру.

Массовую культуру отличает «брендовый» способ организации ценностно-смыслового ее содержания, порождения и трансляции ее артефактов. В этом случае на первый план выходят факторы, обеспечивающие эффективность производства, трансляции и реализации (потребления): социальная коммуникация, возможности максимального тиражирования и диверсификации артефактов массовой культуры.

В результате артефакт массовой культуры выступает как социальный миф и как товарный бренд одновременно. Бренд — не просто зарегистрированная торговая марка, идентификатор принадлежности товара. В наши дни под брендом понимается имиджево-репутационная составляющая рыночной стоимости зарегистрированной марки. С этой точки зрения бренд — нематериальный актив бизнеса. Это то, что находится в головах у потребителей,

но, тем не менее, имеет рыночную стоимость и может продаваться. У наиболее продвинутых брендов это может составлять, как у *Coca-Cola*, свыше 60% общей капитализации компании.

Современный хороший, «раскрученный» бренд — это всегда **месседж** (*message*), *содержащий волшебную историю об уникальных качествах некоего товара, выступающего в качестве магического артефакта (волшебной палочки, живой воды, скатерти-самобранки), обладание которым способно реализовать ожидания (мечты, надежды) потребителя, открыть ему дверь в царство воздушных замков.* В этом плане бренд фактически становится социальным мифом, способом и средством осмысления человеком действительности и ориентации в ней. Если раньше функции социальной мифологии выполнялись религией и идеологией, то в наши дни, в постиндустриальную эпоху это во все возрастающей степени обеспечивают именно бренды. Современному потребителю предлагается не столько просто товар или услуга, сколько некий «симулякр», миф о стиле жизни, имиджевые и статусные ожидания. Не шоколадные вафли *Wispa*, а «вкус нежности», *Coca-Cola* — месседж о мифе, связанном с постоянным праздником в окружении друзей, *Mercedes-Benz* — о солидности, надежности, престижности и достатке.

Современный бренд — это обещание реализации желаемых переживаний. Иными словами, потребителю продается не товар, а чаяния, надежды и стремления самого потребителя, его мечты, представления о «себе самом, каким бы я хотел быть». Продукт массовой культуры должен, с одной стороны, обладать некими уникальными, неповторимыми свойствами, позволяющими его легко идентифицировать, выделить среди других, а с другой — такими характеристиками, которые позволяли бы его легко тиражировать в массовом количестве экземпляров и вариаций. Кроме того, он должен будить воображение, чтобы потребитель не просто заинтересовался, а быстро и по возможности — полностью погрузился в воображаемый мир. Он должен вызывать интенсивные и немедленные переживания, а поскольку большей частью продукты масскульты распространяются на коммерческой основе, то это должны быть стимулы, соответствующие устоявшейся структуре воображения, интересов и установок массового потребителя.

Мифотворчество всегда было глубоко и интимно связано с религией, искусством, моралью. И в современной политике мифотворчество является главнейшей ее технологией, альфой и омегой политического «творчества». Впрочем, так было в политике всегда. Но в наши дни мифотворчество определяет и содержание таких видов деятельности, как маркетинг и брендинг. Дальнейшее продвижение артефакта массовой культуры зависит от возможностей его серийной диверсификации, репродуцирования в различных формах, перманентное воспроизводство. Каждый конкретный предмет массовой культуры бытийствует странным образом с точки зрения традиционной культуры. Он не может собраться в какой-то одной точке, но рассеян на множество сегментов, каждый из которых отсылает ко всему «полю», которое, в свою очередь, также неспособно выстроить некоторый устойчивый фундамент реальности. Так что для съемок, например, телесериала «Мастер и Маргарита» к нему полагалось бы не только переиздание знаменитого романа, но и продвижение крема для тела «Азazelло», жидкого мыла «Понтий Пилат», линии женского белья «Маргарита» и т.п.

Массовая культура стала временем второго рождения мифа, возврата к мифологическому мышлению. Но это мифы, которые рождаются не стихийно, а проектируются и сознательно продвигаются. Современный миф намеренно создается с целью не познания, а трансформации реальности. Поэтому говорить следует не столько о втором рождении мифа, сколько о создании нового типа мифологии. Осмысление опыта традиционных культур и его сравнение с опытом современной массовой культуры выявляет, как представляется, два основных вектора, две стратегии мифотворчества.

Первая стратегия связана с тем, что человек не может жить в неупорядоченном мире, парализующем отсутствием ориентиров, непредсказуемостью, иллюзорностью. Как конечное существо, оказавшееся в бесконечности, он стремится найти в этой бесконечности некую структуру, порядок, устойчивость, закон. Отсюда и попытки прорывов в трансцендентное, в иное, к сверх- и мета-реальному, тому, что задает и упорядочивает эту реальность. Именно в этом заключена природа любой мифологии — обыденной, религиозной, политической, научной. Миф — не просто мета-

фора, уподобление. С помощью уподоблений и метафор он придает реальности символическую целостность, открывая за явлениями действительности их связь с чем-то, что их порождает, вызывает. Он открывает человеку большую реальность, чем сама реальность, то, что, собственно, делает реальность реальностью. Сама реальность предстает лишь проявлением чего-то «сверхъестественного», более реального, истинно реального, сакрального.

Вторая стратегия связана с общей маркетизацией культурной жизни и формированием универсальной (тотальной) культуры массового общества, втягивающей в свою инфраструктуру практически всю ткань общественной жизни, все формы проявления общественного и индивидуального сознания.

Но при всем равенстве ценностей, «ценностной уплощенности» массовой культуры, можно говорить о гиперценности, структурирующей весь ценностный ряд массового общества и вытекающей из его глубокой и принципиальной маркетизации. Все, что возникает, существует, задумывается в массовом обществе, должно пользоваться спросом на рынке

Активизация потребительского спроса предполагает *событие*, провоцирующее этот спрос, вызывающее интерес, желание. Этот эффект обеспечивается связью события с известными людьми (престиж, мода), эпатажем, либидозной привлекательностью или экзистенциальными угрозами. Массовая культура растворяет человека в стихиях бессознательного. Более того, она выводит на первый план две главные силы этой стихии — Эрос (жизнеутверждающей сексуальности) и Танатос (разрушительный инстинкт смерти). Человеку массы свойственны эротическая завороченность смертью, сексуально-деструктивные всплески агрессии, а массовой культуре — агрессивная жестокость, насилие, порнография, хоррор. А поскольку и сексуальность, и разрушающая агрессия выражают, в конечном счете, одно и то же — инстинкт торжествующего обладания, власти, то массовая культура оказывается выпущенным на волю демоном власти во всевозможных его проявлениях.

Фактор модности и престижности способен превратить простые предметы ширпотреба чуть ли не в духовные символы. Черные очки «как у З. Цибульского», «водолазка как у Путина или Ходорковского» становятся не только модными вещами, но и репрезентируют жизненную позицию.

Хотите выглядеть обольстительной женщиной, или хотя бы «своей» для важного для вас круга людей или даже просто для «него», следует одеваться, причесываться, выглядеть и вести себя так, как соответствующего типа женщины в кино, в телерекламе, на снимке в журнале. Эти женщины потому и называются моделями, что задают узнаваемые типажи и образцы.

Массовая культура задает матрицу материального мира и поведения в нем. В предлагаемых ею артефактах заложен не только практический утилитарный потребительский смысл. Эти предметы, обладая ценностью сами по себе, служат также средствами достижения других ценностей, связанных с амбициями, престижами, идеалами и надеждами. Например, речь идет не просто о здоровье, а о вечной молодости, обладающей в современном масскульте самоценностью. Сама же молодость, в свою очередь, символизирует некий ценностный комплекс: свежесть чувств, жизненную энергию, отвагу, мобильность, готовность к риску, «бархатистую кожу», которой «ты достойна». А прежде всего готовность принимать перемены, «упоение новизной». Потому что этот поток производства-потребления масскульты должен действовать бесперебойно и непрерывно.

Различия двух основных стратегий мифотворчества суммированы в табл. 5.1.

Таблица 5.1

Различия двух основных стратегий мифотворчества

Признаки	Первая стратегия	Вторая стратегия
Происхождение	Естественно-историческое	Искусственное, проектное (мифодизайн)
Уровень ценностей	«Высшие», трансцендентные	«Этой жизни» (комфорт, успех)
Организация ценностей	«Вертикальная», иерархическая	«Горизонтальная», рубрикация и сегментация
Овремененность	Вечность, связь времен	«Новизна» (привлечение внимания и сбыт) и сменяемость
Форма универсальности (интеграция/дивергенция)	Интеграция культурной жизни	Максимальные диверсификация и «сериальность»

Если в обществе сложились социальные институты, закрепляющие иерархию ценностей, то экспансия по ценностной вертикали, осуществляемая массовой культурой не опасна: форма, каркас ориентиров социализации сохраняется, а масскульт только поставляет массовые и качественные продукты материального и духовного потребления. Опасности подстерегают, когда в обществе отсутствуют такие институты, и отсутствует элита — тренд, задающий ориентиры, подтягивающий массу. В случае омассовления самой элиты, прихода в нее людей с массовым сознанием, запускается механизм работы «на понижение», с положительной обратной связью, усиливающей, а не гасящей главную тенденцию. Общество деградирует в усиливающемся популизме. Собственно, популизм — это и есть массовое сознание в политике, работающее на упрощение и понижение идей и ценностей. Массовая культура сама по себе ни хороша, ни плоха. Она играет позитивную социальную роль только тогда, когда имеются сложившиеся институты гражданского общества и когда существует элита, выполняющая роль, аналогичную роли рыночного тренда, т.е. подтягивающая за собой остальное общество, а не растворяющаяся в нем или мимикрирующая под него.

5.2. Консолидирующая роль культуры массового общества

Культура массового общества, особенно транслируемая медиа «массовая культура» (mass culture, popular culture), обладает исключительной способностью к репродуцированию всей системы. В отсутствие единой и сквозной, фундаментальной и вертикальной иерархии, упирающейся в трансцендентные основания — «истоки истоков», массовая культура налаживает стабильное и безопасное, весьма комфортное существование для подавляющего большинства членов сообщества.

Фактически заменяя государственные институты, массовая культура выступает манипулятором-регулятором психического и нравственного состояния общества. Уже сегодня массовая культура представляет собой сформировавшуюся законченную и самодостаточную систему, развивающуюся в поликультурном пространстве современности,

практически полностью освоенном ею. Именно массовая культура обеспечивает консолидацию и стабильность современного общества. Она оказывается не только проявлением деструктивных тенденций, которые обрели угрожающий характер на стадии «Заката Европы», но механизмом защиты от них.

Если в обществе сложились социальные институты, закрепляющие иерархию ценностей, то экспансия по вертикали и «игра на понижение», осуществляемая массовой культурой, не опасна: форма, каркас ориентиров социализации сохраняется, а масскульт только поставляет массовые и качественные продукты материального и духовного потребления. Опасности подстерегают, когда в обществе отсутствуют такие институты и отсутствует элита — тренд, задающий ориентиры, подтягивающий массу. В случае же омассовления самой элиты, прихода в нее людей с массовым сознанием, запускается механизм «игры на понижение», усиливающий, а не гасящий главную тенденцию. Общество деградирует в усиливающемся популизме. Собственно, популизм — это и есть массовое сознание в политике, работающее на упрощение и понижение идей и ценностей.

Так, европейские страны до конца 1970-х гг. активно противостояли натиску «американской» массовой культуры и массового искусства. Во Франции для защиты национального кинематографа, литературы, языка в конце 1960-х гг. были приняты соответствующие решения. А Великобритания осуществила меры по экономическому спасению национального кинематографа от полного его подчинения американским кинофирмам. В современной России также громко звучат голоса о том, что «все сферы духовно-художественной и эстетической жизни отданы во власть массовой культуры и искусства американского типа». Подчеркивается, что особую опасность для формирования молодых поколений россиян представляют стремительно развивающиеся по американским образцам рекламная массовая культура и телевизионный шоу-бизнес, формирующий у молодежи ценностные установки американского типа — оценки человека не по его делам и творческим достижениям, а по счету в банке. Сегодня нет телешоу, рекламы, которые бы не проповедовали возможность случайного обогащения, выигрыша и пр. В таких оценках при всей их демонстрируемой

патриотичности кроется некое лукавство. Особенно, если вспомнить об экономической составляющей. Показательно, что по мере становления российского кинематографа, освоения им блокбастерных жанров, громы и молнии в адрес засилья голливудского кино сменились гордостью за отечественные фильмы, «ничем не уступающие голливудским образцам» — вроде «Севильского цирюльника», «Ночного дозора», «Турецкого гамбита».

Вместе с тем иначе как в качестве снобистской трудно квалифицировать позицию с которой постмодерн и маскульт совершенно утрачивают «истинный гуманизм», полностью «безнациональны», создавая грандиозный симулякр «бесплодного уникальта», и являют собой лишь «спекуляцию на давней мечте людей о едином человечестве, об общих ценностях, которые бы соединили их в мире без конфликтов и войн», подменяя эту мечту экспансией американского образа жизни.

Довольно длительный период успешной экспансии американских ценностей можно объяснить двумя основными факторами. Во-первых, более ранним по отношению к другим странам вступлением американского общества в стадию массовой культуры. Во-вторых, тем, что именно в американских условиях, условиях «страны-новодела» и наиболее чистой модели капиталистической экономики и демократии, массовая культура получила исключительно благоприятные возможности развития. И, наконец, в-третьих, ни о какой экспансии говорить было бы невозможно, если бы эта массовая культура и ее продукты не были бы столь привлекательны.

Если в эпоху массовой культуры еще и сохранилось что-то, чему можно ее противопоставлять, то оппозицией массовой культуре является отнюдь не культура элитарная, народная, «подлинная» или «настоящая». В данное время все они являются только секторами самой массовой культуры, которая очерчивает практически весь горизонт современной цивилизации. При всей его «стандартности» маскульт отнюдь не исключает реализацию ярких, своеобразных и самобытных явлений в искусстве и культурной жизни. Наоборот, дает им дополнительные возможности. Только уникальное глобально. Поэтому возможности создаваемого массовой культурой глобального информационного и культурного пространства дают исключитель-

ные возможности реализации и проявления уникальности и неповторимости. Более того, они остро востребованы.

Массовая культура в условиях глобализации и постинформационного общества предполагает ясное и внятное самоопределение, осознание содержания и возможностей собственной уникальности. Только в этом случае любое общество имеет шанс достойно войти во всемирное экономическое, информационное и культурное пространство. Успешные опыты такого самоопределения имеются, и они перед глазами: Япония, Сингапур, Финляндия и многие другие. В последнее время это почти уже удалось Китаю и Индии.

Перспективы массовой культуры и в России, и во всем мире и радостны и грустны. В принципе, массовой культуре и массовому обществу никто и ничто не угрожает. Они тотальны. Вряд ли кто-то или что-то способны остановить победоносное шествие массовой культуры по всем континентам. Арсенал методов и технологий ее экспансии практически неограничен в силу самой ее природы. Как массовой культуре, так и массовому обществу в целом оказались не страшны и социальные трагедии, и природные катаклизмы. Ничто не имеет ни малейших шансов прорваться сквозь мягкую паутину маскультовских симуляций. Один из самых поразительных примеров — нью-йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. Казалось бы — какое более грандиозное событие можно себе придумать: одновременно, публично, в сердце и символе мировой цивилизации произошло умерщвление нескольких тысяч человек. Утаить это невозможно — жизнь, реальность, «конфликт культур» прорвались наружу и предстали во всей своей неприкрытости человеческих страданий. Так и казалось поначалу. Но массовая культура сгладила, самортизировала, переориентировала негативные импульсы, которыми были чреваты последствия. И остался миф, причем, миф массовой культуры. Что уж говорить о других реальных событиях в более отдаленных точках планеты — войны, пожары, землетрясения, цунами, «разноцветные» революции, массовые погромы — все это уже стало лишь «новостными поводами» массовой культуры и никак иначе не воспринимаются.

Массовая культура и стала самой реальностью. Внешних врагов у нее нет. Но массовая культура — демократическая и городская по своим истокам — в настоящее время отпа-

дает от своих корней и сталкивается с, как минимум, тремя вызовами.

Во-первых, радикально меняется образ жизни, породивший массовую культуру. На сегодняшнем этапе цивилизационного развития город утратил свою духовно-культурную роль, торжество городской культуры сменилось ее кризисом. Город стал местом для офисов и бедных.

Второй вызов связан с еще более глубоким предательством элит, которые не только бегут из городов, но и уже не связывают себя обязательствами перед остальным обществом, не видят свою задачу в эффективном управлении общественным организмом. Они присвоили себе право распоряжаться им, в том числе, используя средства массовой коммуникации, современные информационные технологии и, само собой разумеется, возможности, которые дает массовая культура для манипулирования как индивидом, так и обществом в целом.

Наконец, в третьих, реализация в массовой культуре наиболее эффективного цивилизационного проекта выносит на первый план уже проблему чисто антропологическую как в плане среды обитания, так и самой человеческой природы: перспективы «постчеловеческого будущего», «постчеловеческой персонологии», ценностного содержания «постчеловеческого гуманизма».

Массовая культура, рыночная экономика, бизнес сами по себе ни хороши, ни плохи. Они, как любой объективный факт, феномен, состояние общества, содержат в себе и позитивные, и негативные тенденции. Более или менее эффективно противостоять негативным тенденциям, как показывает опыт стран с развитой рыночной экономикой и развитыми институтами гражданского общества, можно, но при условии структурированности социальной жизни, наличия в обществе социальных форм, традиций, которые создают систему социальных ориентиров, позволяющих сформировать культурную идентичность, выработать личности социальную и жизненную позицию в сочетании с потенциалом массовой культуры и социальной ответственности.

Великий гуманистический проект Возрождения и рационализм Просвещения, превративший человека в самоцель и высшую ценность, на наших глазах приобретает новые краски. XX в. принес осознание того, что главное — не борьба

за свободу и даже не достижение свободы, а переживание свободы, способность ее вынести. Это переживание может быть бегством от свободы, уходом в невменяемость. Может оно обернуться и свободой воли как волей к неволе. Может обернуться и прямым произволом, насилием над природой, обществом, другим человеком. Но может открыть гармонию мира, меру и глубину ответственности за нее.

XX век останется в политике веком тоталитарных режимов, в искусстве — утратой человека в живописи, музыке, литературе. В начале нынешнего тысячелетия стало ясным, что человек — это не всегда хорошо, а культура и гуманизм — это не только прекрасное и высокое. При неумелом с ними обращении они могут быть опасны.

5.3. Урок тоталитаризма

Термин «totalitario» был введен Муссолини и Джентиле для объяснения политической сущности итальянского фашизма — тотальной концепции жизни. Totalitario — целостность, абсолютность всеобщности. В 1929 г. британская газета *The Time* использовала это понятие в связи с дискуссией на тему отрицания парламентаризма коммунистами и фашистами. В дальнейшем этим термином в либерализме объединяли фашистские, нацистские и коммунистические политические режимы. Сами нацисты и коммунисты этим словом не пользовались. В советской литературе термин появился только после 1956 г. и закрепился в диссидентской среде. Распространению понятия «тоталитаризм» весьма содействовали знаменитые антиутопии Е. Замятина «Мы», О. Хаксли «Этот прекрасный дивный мир» и Д. Оруэлла «1984».

После Второй мировой войны этот термин закрепился в публицистике и стал предметом серьезного анализа. К. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги» связал тоталитаризм с идейным наследием Платона, Гегеля и К. Маркса, прежде всего с их эссенциализмом (признанием объективного существования сущностей вещей — универсалий) в сочетании с авторитаризмом. Такая «власть идей», согласно К. Попперу, исключает плюрализм мнений и свободу. Х. Арндт в работе «Истоки тоталитаризма» (1951) анализировала его истоки в социальной психологии масс. К. Фридрих посвятил тоталитаризму несколько работ

и докладов на представительных конференциях в начале 1950-х гг. В 1956 г. вышла книга Э. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и демократия», а в 1957 г. — работа К. Витфогеля «Восстановление деспотизма: сравнительный анализ тоталитарной власти», где было показано, что в случае тоталитаризма (в отличие от демократии) власть возникает не из собственности и необходимости ее защиты, а против собственности, и укрепление власти предполагает ослабление собственности и собственников, и наоборот. Э. Шилз и Ш. Айзенштадт связали тоталитаризм с имперским опытом (на материале СССР и маоистской КНР¹), а именно, социокосмополитическим порядком, синтезом религии и политической власти, придающим последней мифократический характер, централизацией власти и вербовкой бюрократии.

Типологическими характеристиками тоталитаризма являются:

- официальная идеология, нацеливающая на достижение конечного идеала (достижение мирового господства, построение «вечного рейха», возвращение «утраченного» национального достоинства и т.п.);
- одна массовая партия (движение), переплетенная с государственной бюрократией;
- вождь, фюрер, национальный лидер, в котором концентрируется и воплощается вся полнота власти;
- полный контроль над СМИ;
- массовый террор как средство подавления инакомыслия;
- централизация (мобилизация) экономики;
- постоянная мобилизация масс на борьбу с внешним и внутренним врагом;
- нестабильность внешней и внутренней ситуации: кризисы, чрезвычайное положение.

Главная проблема в анализе тоталитаризма — природа правящей группы. М. Восленский в классической работе «Номенклатура» показал структуру такой группы, в которой различаются «правлящий класс» и «партия власти», где, в свою очередь, существует «внутренняя партия», формирующаяся по принципу личной преданности лидеру.

Тоталитаристская политическая система может быть относительно долговременной и добиваться некоторых

¹ Китайская Народная Республика.

успехов (сталинистский СССР, гитлеровская Германия, КНДР¹), а может быть и неудачной и относительно кратковременной (режимы Муссолини, Кваме Нкрумы в Гане, Пол Пота в Кампучии). Тоталитаризм может допускать независимое существование сильной церкви (ПНР²), иметь плюралистический дизайн (ГДР³, ЧССР⁴, та же ПНР). В ГДР, например, существовал единый Народный фронт, ядро которого составляла Социалистическая единая партия Германии, и в который входили также Либерально-Демократическая партия Германии, Аграрная партия, Женская партия и др.

Таким образом, суммируя изложенное, можно сказать, что тоталитаризм — это система власти в эпоху массового общества, информационных технологий и национализма.

Более того, всякая модернизация содержит некие элементы тоталитаризма, например, централизации власти и активной пропаганды в начальной стадии модернизации. Возможно, тоталитаризм — следствие гипертрофии этого обстоятельства в догоняющей модели принудительной модернизации общества.

Хотя из ее природной особенности — потакать человеческим слабостям, следует основная тенденция «игры на понижение», сама по себе массовая культура амбивалентна. Поэтому в обществе должны существовать фильтры и механизмы противодействия, сдерживания этих негативных тенденций. В цивилизованном обществе имеют право на демонстрацию и защиту самые различные позиции и интересы, если они не разрушительны для самого общества. Именно наличие таких сдержек и фильтров способствовало оформлению системы ценностей, свойственной массовой культуре США и западного общества в целом, с доминированием семейных ценностей, личного счастья и жизненного успеха как воздаяния за честный труд и т.п. Если такие социальные сдержки отсутствуют, то происходит то, что случилось после Первой мировой войны с Германией и Россией, в которых социальные скрепы были распатаны, а то и сметены. Получившиеся

¹ Корейская Народно-демократическая Республика.

² Польская Народная Республика.

³ Германская Демократическая Республика.

⁴ Чехословацкая Социалистическая Республика.

в результате дисперсные общества оказались бессильными перед напором массы. Сталинский тоталитаризм и опыт нацистской Германии вскрыли откровенно манипулятивный характер идеологий, апеллировавших к традиционным европейским ценностям разумного и справедливого социального обустройства. Марксизм и ницшеанство оказались великими искушениями цивилизации, а попытки взять их в качестве основы практических преобразований обернулись чудовищным насилием. В результате крайним оказались опять же Просвещение и рациональность (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан).

Торжество рационализма Просвещения в XIX — начале XX в. породило представление об изжитости мифологии и мифотворчества. Однако мифология никуда не ушла. Она не только переродилась в социальную мифологию брендов массового общества, но и даже возродилась в традиционной форме, сыграв нетривиальную роль в становлении тоталитарных политических систем. Это относится не только к гитлеровской Германии с опорой нацистской идеологии на мифологию «крови и почвы», культивирование традиционных скандинавских и германских мифов, обращение к мифологии древних ариев. Оказалось, что миф может существовать и в наукообразной форме, апеллируя к рационалистической терминологии, позволяя реализовать не менее тоталитарную «мифократию» (мифовластие).

Марксизм-ленинизм претендовал на статус научной теории исторических процессов и построения нового общества. Действительно, марксизм — по своему истоку рационалистическое учение, возникшее на основе гегелевского рационализма и политической экономии, теории классовой борьбы, опирающейся на исторический анализ. Тем самым К. Марксом были сформулированы законы исторического развития, смены общественно-экономических формаций (первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, приходящий ему на смену коммунизм) и их характеристики. Иначе говоря, это учение рационалистическое по форме, с установкой на историцизм, с коллективистским нравственным посылом. Этим оно радикально отличается от традиционной мифологии с ее внеисторичностью, внеличностью. И тем не менее, в советской стране само рационалистическое содержание учения превратилось

в очень целостную мифологию. Именно этим объясняется относительная устойчивость советской идеологии, а для кого-то ее привлекательность и в наше время.

Политика пользуется мифологией в тоталитарном обществе. Это выражается в апелляции к традиционному пониманию мифа с его склонностью к трансцендентному. В обосновании власти, ее природы и легитимности такая тенденция способна породить мифократию, альтернативой чему и является рассмотренная выше практика современного общества оперировать имманентными мифами-брендами, не выводящими за рамки этого мира. Что, помимо прочего, порождает нравственный ценностной релятивизм и запрос на некие универсальные основания.

Сама по себе политика мифологией не является. Хотя бы в силу ее связи с рациональностью. Однако современная тенденция к постсекулярности ставит под сомнение саму идею рациональности, требуя ее переосмысления. Способна ли политическая философия обойтись без «возвращения религии» и погружения в миф — покажет будущее.

5.4. Проектно-сетевой социум и проблема доверия

Развитие современных информационно-коммуникативных технологий вывело на первый план сетевую структуру современного социума. Социальные сети были всегда (семейные, клановые, земляческие, группы по интересам и т.д.), но современные информационно-коммуникативные технологии позволили их явно институционализировать, вывести на первый план. Дело дошло до того, что некоторые философы и социологи квалифицируют современное общество не просто как постиндустриальное или информационное общество, а уже как проектно-сетевой социум, в котором экономика, политика, искусство, даже личная жизнь предстают активизациями участков глобальной социальной сети или большей детализацией этой сети.

Действительно, возможности интернета в плане социальных коммуникаций исключительны:

- общедоступность информации с любой точки земного шара и ближнего космоса;
- экономичность: что дешевле — распечатывать и рассылать или «повесить» и поддерживать (?!);

- оперативность и полнота в плане накопления информации и ее обновления;
- мультимедийность: сочетание в одном формате текста (да не просто текст, а гипертекста (!)), изображения (схемы, видео, анимация), звука;
- интерактивность.

Если Web 1.0 — это интернет «для чтения», сеть «без пользователей», а Web 2.0 — уже пространство «для пользователя», который может участвовать в жизни сайта, что-то в нем менять на своей странице, оставлять комментарии, то Web 3.0 — интернет «с пользователем». Такие технологии, как блоги, социальные сети, RSS, wiki, потоковое видео, подкасты, стали средой, породившей сетевые сообщества. Наиболее полный в этом плане проект — *Facebook*, когда эти структурированные сообщества сами создают новые информационные ресурсы, порождают новые знания. Более того, возникла и развивается очередная новая массовая интернет-технология «пользователя для интернета»¹, когда действие на одном сайте может проявиться на других сайтах, когда каждый шаг и мысль пользователя могут видны практически везде, где он зарегистрировался. На начальной стадии развития интернета его условно главной идеей было максимально структурировать информацию, по мере развития технологии стали структурироваться базы данных, а теперь уже начали структурироваться и люди.

Теперь рядовой пользователь может создавать сложные продукты на чужом сайте (*wiki*-разметка или группы *Vkontakte*), сами сайты стали элементарнее в создании. Выросли не только коммуникационные возможности — резко расширились возможности по анализу, и информация, которая предлагается для ознакомления уже может строиться с учетом данных о пользователе.

Сеть дает возможность создавать партнерство, привлечь ресурсы, которые просто раньше были немислимы. И это касается реализации самых разнообразных проектов, связанных с гражданской инициативой, бизнес-проектами. Потрясающие возможности получают маркетинг и реклама, которые буквально уходят в сеть.

¹ Данное наблюдение и характеристика Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 как соответственно интернета «без пользователя», «для пользователя» и «с пользователем» высказаны на магистерском семинаре Ф. В. Юзликеевым.

Современная информационно-коммуникативная среда обеспечивает доступ к информационным базам, просто информации, которая ранее была недоступна. Поэтому с этой точки зрения гласность, равенство в доступе к информации, в некотором смысле, свобода совести, с некоторыми издержками выражение свободы слова — все это открывает новые возможности гражданского участия и гражданского контроля.

Мир выходит на совершенно иной уровень пользования информацией и контактов. Поэтому социальные сети, в сочетании с мобильной связью обеспечивают новые перспективы публичной политики, серьезно влияют на развитие социальных сил, институтов, социально-политических практик. С помощью сети общественность самоорганизуется в решении бытовых и политических вопросов.

Особый интерес представляет соотношение, взаимодействие сетей онлайн и оффлайн. Если в режиме онлайн происходит первичное выражение интересов, выявление их общности, устанавливаются первичные контакты, происходит информационно-идейная «подкачка» сообщества, то периодические переходы в режим оффлайн обеспечивают необходимую корректировку дальнейшей социально-политической динамики без жесткой организационной структуры. Важно, что режим онлайн обеспечивает интенсивную подкачку мотивации, артикуляцию интересов, планирование их реализации. Зачастую электронные социальные сети выходят «в реал», создавая новые сообщества, новые идентичности, векторы социальной активности.

Ярким примером является самоорганизация движения за честные выборы. В результате сетевой активности возникли Лига избирателей, собственно движение «За честные выборы», ряд других ассоциаций, некоторые из которых прошли уже стадию регистрации, приобрели статус юридического лица.

Очевидно, что это способствует самореализации личности, формированию гражданского общества, общественного контроля, развитию демократии. На глобальном уровне презентуются конкретные программы, проекты, личности, координируются защитные и протестные выступления. Новые возможности получают мониторинг и анализ динамики политической жизни, общественного мнения и многое другое.

Новые информационные возможности породили такой политический феномен, как *WikiLeaks* — сетевое международное сообщество, деятельность которого фактически сформировала новую политическую реальность. Б. Гройс характеризовал деятельность *WikiLeaks* как «восстание (заговор) клерков», точнее — системных администраторов (сисадминов). Эта профессиональная группа не выражает свои взгляды, а создает условия для выражения любых мнений, любых пользователей. У них нет идей и политических целей, это позиция «нулевой субъективности» и «нулевой идентичности». Вопреки М. Маклюэну сисадмин — «медиум без меседжа». И вместе с тем эта профессиональная группа создает новую универсальность: не расширения и распространения конкретных точек зрения, а универсальность доступности любых точек зрения. Это не универсальность контента, а универсальное условие реализации любого контента. Поэтому универсальный сервис подобный *WikiLeaks*, вскрывающий доступ к любой информации, оказывается более глобальным, чем глобальный рынок. Фактически «восстание сисадминов» является восстанием против транснациональных компаний и национальных государств, с их закрытостью информации, оказываясь серьезной политической силой.

При этом такие акторы сами нуждаются в конспирации, непрозрачности. Их универсальность — не универсальность новой истины, а универсальность доступа к различным истинам. В этом плане, сервисы подобные *WikiLeaks*, предстают реальной политической инновацией, новой метафизикой универсальности — универсальности доступности, открытости, при неявленности создаваемых условий этой доступности. А сервисы, такие как поисковые системы (*Google, Yandex*) устанавливают (суверенно!) способы отбора и репрезентации информации.

На глазах меняются представления об элите. Современная элита это не просто те, кто принимает решения. Решения принимаются в других центрах, не там, где деньги, а там, где находится информация, которая больше, чем деньги, от которой деньги зависят. Причем, речь идет не о той информации, которая выпущена на рынок, а о той, которая еще не выпущена — это и есть информационное общество и даже постинформационное общество.

Вместе с тем складывается достаточно парадоксальная ситуация. Сеть интегрирует всех, без смыслового единства, как тотальное разнообразие, как поток непрерывно копируемых и воспроизводимых знаков. При этом, чем лучше развиты технологии, адаптирующиеся под пользователя, тем больше информации о пользователе в сети, тем больше открытости, в том числе нежелательной, чреватой упадком секретности. Не случайно современное интернет-пространство стало не просто структурироваться — сетевые сообщества становятся все более самодостаточными, закрытыми для других, ограничивая возможную коммуникацию. Начинается что-то вроде информационно-коммуникативного «огораживания». В этот процесс все активнее вмешиваются государственные власти, ставящие электронные границы, фильтры распространению сетевой информации.

Социологи, да и просто наблюдательные люди фиксируют, что новые технологии способствуют расслоению общества на пассивную и активную части. И это тоже не способствует консолидации социума.

Кроме того, в сети имеет место распространение недобросовестной информации, с чем сталкиваются многие пользователи. Речь не только о таких банальностях, как спам, вброс ошибочной, а то и заведомо ложной информации. Проблема в качестве и искренности информации в сети, в которой зачастую представлены не всегда неподдельные и не всегда адекватные материалы, мысли и образы.

Как отмечалось, современные информационные технологии, средства связи и коммуникации, проектно-сетевая организация современного социума создают исключительные возможности «проектной» идентичности личности, того, что Д. А. Пригов назвал «самоидентифицированием». В интернете человек может выступать под самыми различными «никами», «аватарами», строить и позиционировать различные проекты самого себя — вне зависимости от возраста, пола, гражданства, этнической принадлежности и т.п. В этой виртуальной реальности человек может добиться вполне конкретного социального признания, состояться как личность в большей степени, чем в «реале».

Но является ли такая сетевая свобода — свободой-ответственностью или остается свободой-своеволием, свободой притворства и манипулирования? И для такого вопроса

есть веские основания. Речь может идти не просто об искушении корыстным манипулированием, но и о появлении новой «сетевой» ренты (от банального плагиата до использования не своих бизнес-идей, и от государственных тайн до диффамации, разрушительной для личностной репутации). Это порождает дополнительные напряжения между предполагающейся высокой степенью доверительности и взаимного интереса — с одной стороны, и искушением эксплуатации чужого человеческого капитала — с другой.

При этом сам человеческий и социальный капитал в условиях подобной проектно-сетевой цивилизации приобретает отчетливо выраженный информационно-коммуникативный характер. Современная деловая, научная, образовательная активность преимущественно ориентируются на авторитет и репутацию, известность и узнаваемость. А это тоже публичная часть человеческого и социального капитала. Человеческий и социальный капитал в проектно-сетевом социуме во все большей степени оказывается связан с активным использованием информационно-коммуникативных технологий. Этот феномен зародился не сейчас (технология формирования «звезд» эстрады, политических фигур), но в наше время владение этими технологиями становится требованием к жизненной и профессионально компетенции. Важен не просто доступ к сети, обладание труднодоступной информацией, а способность обнаруживать и заполнять лакуны в сетевой структуре.

Можно согласиться с З. Бауманом: современное общество подобно некоей жидкой среде. Да и сам человек в ней подобен жидкости, принимающей различные формы, заполняющей пустоты и щели. Личность предстает как странник, путник, навигатор, сталкер, живущий подобно элементарным частицам, мгновениями, образуя короткоживущие комбинации. Этакая максимизация возможностей при минимизации ответственности за последствия. И это уже **другая, новая мораль**, в основаниях которой нет, но сохраняется воля — желание, свобода хотения, но почти нет ответственности, а этические проблемы сводятся к ресурсам и технологии.

Индустриальное общество породило автономного индивида: свободного и ответственного. Начиная с 1930-х гг. формируется новый тип личности массового индивида, отличительными чертами которого являются:

- утрата контроля над социальными процессами;
- незащищенность перед переменами, которые он не может контролировать;
- неосознанность прошлого и неспособность к планированию и достижению долгосрочных целей, которые заменяются желанием немедленного результата;
- отщепенность от социальной неконсолидированной целостности

Жизнь такого индивида превращается в совокупность разрозненных эпизодов, происходящих в разных, мало-связанных социальных мирах. Информационное общество придает этой тенденции парадоксальный характер: возможность широчайшего доступа к информации сочетается с изоляцией и практическим бессилием. И иногда эта парадоксальность взрывается информационным терроризмом.

Тем самым можно признать наличие тенденции к формированию и закреплению с помощью сетей все более дробных идентичностей, что создает серьезные проблемы в формировании «наводящего мосты» доверия. Сами сети формируют только спланированное доверие — не более, т.е. способствуют все большей диверсификации социума, а то и нагнетанию нетерпимости, но не «наведению мостов». Коммуникации, язык не только объединяют, но и разъединяют. Этому служат жаргон, сленг, коды, шифры. Так и Интернет, играя в общем объединяющую роль, маргинализирует общество. Но не по национальному, партийному или имущественному признакам, а по интересам, уровню понимания, даже по проблемам. Речь идет о дивергенции общества на расходящиеся, слабо пересекающиеся группы.

Кроме того, возможна и прямая деструктивная воля: троллинг, хакерство, используемые в том числе в недобросовестных политических целях. Широкое распространение получили информационные войны, информационные атаки. Государство, группы влияния все больше используют возможности сети для контроля за общественным мнением и прямого манипулирования им.

Не говоря уже о качественно новом уровне информирования и координации деятельности террористов и просто преступников. Даже если отвлечься от технологических возможностей сети, то само ее отключение — уже порождает чудовищные проблемы. Например, отключение электричества (англ. *blackout*) может привести к тому, что общество

окажется даже не в XII в., а где-то в IX в., если не VIII в. Как теперь становится понятным, полный blackout России стоит всего 71 млн долл.! А полный blackout США — порядка 140 млн долл. или 150 с чем-то млн долл., и это реализуется в течение полутора-двух лет. Не случайно в государственных учреждениях и крупных компаниях США запрещено пользоваться флешками, так как проблема информационной безопасности приобрела качественно иной характер. Современная цивилизация крайне уязвима именно благодаря интернету.

Электронные сети — обоюдоострая вещь. Мы имеем дело с цивилизационным феноменом, возможности которого амбивалентны. Интернет дополняет и развивает тенденцию нарастания тотального политического контроля, причем контроля взаимного. Это серьезное цивилизационное достижение, дающее возможности для позиционирования личности, для реализации гражданских свобод и т.д., но при этом и новые возможности контроля за гражданскими свободами и манипулирования не только обществом, но и конкретными личностями. Эти коммуникативно-информационные технологии способствуют и развитию гражданского общества, и выступают эффективным подспорьем реализации тоталитарных тенденций, криминала и терроризма тоже.

Культура массового информационного общества предполагает ясное и внятное самоопределение, осознание содержания и возможностей собственной уникальности. Человечество вступает в новую антропологическую и персоналогическую стадию развития. Мы имеем дело с ростками иного социума и иной антропологии, принципиально, фундаментально строящихся на взаимном уважении, интересе, а главное — признании и доверии, гарантии которых коренятся в сознании индивидов. А это предъявляет серьезные требования к такому социуму — не только уровню и качеству жизни, но и качеству его институтов.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое миф? Это иллюзия, фантазия? Какое отношение он имеет к действительности?
2. Как связаны миф, образ, метафора, символ?

3. Какова роль мифа в обыденной жизни, религии, искусстве, науке, политике?

4. Какова природа мифократии? Почему она возникает, при каких условиях?

5. Какова связь мифократии и тоталитаризма? Существует ли опасность мифократии в наше время?

6. Существуют ли мифы сегодня? Приведите примеры.

7. Как соотносятся развитие средств коммуникации и социально-политическое развитие?

8. Какова роль СМИ в социальном и политическом развитии современного общества, в политической жизни?

9. В чем заключается потенциал интернета для развития политической культуры, гражданского общества?

10. Создает ли интернет угрозу тоталитарности?

11. Какие ценности дает массовая культура? В чем их ключевое отличие от традиционных?

12. Приведите примеры противостояния массовой культуре. Были ли они успешны?

13. Почему у массовой культуры нет внешних врагов?

14. Как соотносятся сетевая свобода и ответственность? Приведите примеры.

15. В чем заключается сетевая структура современного социума? Какие возможности она открывает для гражданского участия?

Практические задание

Приведите артефакты массовой культуры, свидетельствующие о глубокой и всеохватывающей маркетизации всех сторон социальной жизни. В ходе дебатов объясните, каким образом замена идеалов стандартами и модой может формировать упрощенное, вульгаризированное восприятие действительности.

Рекомендуемая литература

Болтански, Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. — М. : НЛЮ, 2011.

Вершинская, О. Н. Инновационное развитие личности. Социология инноватики / О. Н. Вершинская. — М., 2011.

Вокуев, Н. Е. Феноменология притворства в современной культуре (на материалах блогосферы) : автореф. дис. ... канд. культурологи / Н. Е. Вокуев. — СПб., 2013.

Йенсен, Р. Общество мечты : Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес / Р. Йенсен. — СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Пригов, Д. А. Само-идентификация / Д. А. Пригов // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. — 2001. — № 13. — С. 10—11.

Тульчинский, Г. Л. Total Branding : мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре / Г. Л. Тульчинский. — СПб. : СПбГУ, 2013.

Глава 6 ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

• Социальный контроль • Социально-культурные эмоции: честь, стыд, смех • Историческая динамика позиционирования и самореализации личности.

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- понятие социального контроля и его различные уровни;
- основные социально-культурные эмоции: честь, стыд, смех;
- стадии развития социального позиционирования личности, формы и гаранты ее идентификации;

уметь

- использовать различные подходы к понятию социального контроля;
- объяснять какая форма идентичности соответствует каждой стадии идентификации социального позиционирования личности;
- истолковывать, в чем заключается сущность и природа творчества и гениальности;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

6.1. Социальный контроль

На протяжении всей человеческой истории общество всегда стремилось и стремится устранить нежелательные отклонения в поведении. Речь идет о социальном контроле, совокупности средств и методов воздействия общества на нежелательные (негативно отклоняющиеся) формы поведения с целью их устранения или же минимизации.

Социальный контроль включает широкую шкалу мер: от традиционных методов семейного и школьного воспитания, убеждения до санкционированных правом мер наказания. Социальное регулирование формирования и поведения личности во многом связано с устранением или исправлением отклонений от социальных норм и образцов. В этой связи говорят о девиантном поведении или девиации (франц. *déviatio*, лат. *dēviatio* — отклонение от назначенного пути).

Следует только помнить о двух важных обстоятельствах. Во-первых, ключевым моментом в понимании девиации и выработки мер по отношению к ней являются представления о норме. Еще не так давно, в СССР религиозность, предпринимательство и борьба за права человека считались социальными патологиями и активно преследовались вплоть до судебных мер или принудительного лечения. Представления о нормах соответствуют динамике общественного развития, следуют за ним и выражаются обычно в действующем законодательстве и общественной морали.

Во-вторых, отклонение от нормы может быть двояким: как положительным, так и отрицательным. Первый вид отклонений способствует развитию социальной системы и поэтому, в принципе, желателен для общества. Примером подобного отклонения является любое творчество, поскольку оно всегда связано с порождением чего-то нового, а значит с преодолением (нарушением) сложившихся привычек, норм, традиций. Второй же вид отклонения, собственно девиация, способствует не развитию, а дезорганизации общественной жизни, разрушителен для общества. Недаром подобное отклоняющееся поведение иногда еще называют социальной патологией, или социальной болезнью.

Современникам не всегда удается четко и однозначно различать творчество и девиацию. Хорошо известно, что первоначально творческие прорывы в науке, искусстве, религии воспринимаются как преступления против общества, общественной морали, хулиганство, а то и душевная болезнь творцов. Тем не менее, имеется довольно четкий критерий распознавания девиации «от противного», т.е. от того, что ею не является. Социальной патологией являются такие формы поведения, которые, если бы их придерживались все члены общества, привели бы к невозможно-

сти развития, а то и к гибели этого общества. Типичными, наиболее распространенными, а оттого и наиболее социально опасными формами подобного поведения являются алкоголизм, наркомания, преступность, проституция, гомосексуализм. Каковы бы ни были их причины, такие формы поведения никак не могут быть социальной нормой: срывает простую критерий «а ну как все», и становится ясной крайняя нежелательность этой девиации как для личности, так и для общества.

В известной степени можно говорить о факторах биологической предрасположенности к девиации, связанных с наследственностью, особенностями психики, темпераментом. Однако решающую роль играют все-таки социальные причины, такие как социальное неравенство, неустroенность, невозможность полноценной самореализации. Различные формы девиантного поведения тесно связаны, переплетаются друг с другом, дополняют друг друга. Как правило, алкоголизм, наркомания и токсикомания, проституция и гомосексуализм тесно переплетаются друг с другом и связаны с преступностью. Поэтому девиантное поведение может рассматриваться как симптом, сигнал, предупреждающий о неблагополучии в каких-то областях общественной жизни. Характерно, что в периоды, когда от общества требуется консолидация, общее напряжение сил по преодолению угрозы или опасности, например, во время войны или политического кризиса, уровень социальной девиации обычно резко снижается.

Объективный характер социальных патологий показывает, что девиантное поведение неустранимо полностью в любой культуре и в любом, в том числе — процветающем обществе. Если в обществе существуют нормы, то неизбежны будут и отклонения от них. Девиация во многом суть порождение динамики развития общества, в нем всегда будут неудачники, люди, выпадающие из «нормальной» социальной деятельности. Поэтому борьба с социальной девиацией отнюдь не сводится к радикальному ее искоренению, репрессиям и «социальной хирургии», а требует вдумчивого и комплексного подхода.

Различается несколько уровней социального контроля. К основным его средствам относятся ценности, как выражение отношения к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов, а также соответствующим

щие им социальные нормы (право, мораль, обычаи, традиции, мода), т.е. правила, образцы, эталоны поведения, устанавливаемые государством или формируемые в процессе совместной жизнедеятельности людей.

Наиболее простой путь передачи правил и ценностей — личный пример и подражание. К социальному контролю относятся также меры по реализации предписаний (норм), меры ответственности лиц, нарушающих принятые нормы, а в некоторых обществах (в частности архаичных и тоталитарных) и лиц, не разделяющих провозглашаемые ценности. К социальному контролю относится также и поощрение одобряемых форм деятельности, соответствующих общественным ценностям и нормам (позитивные санкции).

Наконец, под социальным контролем понимаются и специфические меры, направленные на предупреждение правонарушений, преступлений, иного девиантного поведения. Примером таких методов социального контроля являются принуждение, наказание или иные формы негативных санкций; поощрение, награда или иные формы позитивных санкций.

В самом общем виде можно говорить о двух основных формах социального регулирования поведения: правовом и моральном регулировании, задаваемым формальными и неформальными институтами, соответственно. В первом случае речь идет о регуляции, основанной на соблюдении норм принятых законов (гражданского, административного, трудового, уголовного). Правовое регулирование во многом унифицировано, жестко, его формы принуждения включают в себя насилие вплоть до ограничения свободы и даже смертную казнь (за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь). Моральное регулирование основано на традиции, личном примере, общественном мнении. В обоих случаях речь идет о мерах поощрения и наказания, принуждения и убеждения.

Ведущую роль в этом плане играет мораль¹ как культура не только технологии эффективной деятельности, но и поддержания определенной атмосферы доверия и безопасности, предсказуемости поведения других членов общества.

¹ О соотношении политики и морали см.: Политическая философия : учеб. пособие / Г. Л. Тульчинский, А. Ю. Сунгуров, А. А. Балаян, И. В. Сохань ; отв. ред. Г. Л. Тульчинский. М. : Юрайт, 2014.

Если бы не моральные правила, мир, общество, другие люди были бы непредсказуемыми, вызывающими настороженность, чувство опасности. Поэтому начало общения, его поддержка требуют достаточной осведомленности о правилах поведения, которые могут быть и не явными, но весьма жесткими.

Важнейшую роль в этом процессе играет образование — система профессиональной деятельности, целью которой является подготовка все новых и новых поколений к эффективной социальной деятельности. Недаром в большинстве европейских языков, включая и русский, вплоть до начала XIX столетия слово «образование» использовалось в очень широком смысле, включая и содержание нынешнего понятия «культура». Культурный человек — это прежде всего человек образованный, освоивший определенный опыт правильного поведения, т.е. эффективного и успешного по меркам данного общества. Речь идет при этом не просто об умении программировать или решать определенные задачи, а о наиболее полном раскрытии способностей личности, формировании предпосылок для наиболее полной самореализации, а значит и внесения максимального вклада в накопление нового эффективного опыта.

Никакой диплом, однако, не дает человеку полной гарантии трудоустройства на всю оставшуюся жизнь. Современные технологии развиваются и совершенствуются столь стремительно, что любой дипломированный специалист «устаревает» в течение 3-х — 5-ти лет. Поэтому он должен заниматься самообразованием, проходить переподготовку, повышать квалификацию.

В связи с этим немаловажную роль играет система политического образования, включающая в себя как среднее (изучение истории, обществоведения, основ права и других дисциплин общественно-гуманитарного цикла) и специальное высшее образование, так и широкую просветительскую деятельность, осуществляемую общественными организациями

Нарушения социальных норм чаще всего связаны с незнанием самих этих норм: недостаточной социализацией, «невоспитанностью», «необразованностью». Их причиной также может быть стремление привлечь к себе внимание (особенно у молодежи), сознательный эпатаж, взламывание стереотипов (в современном искусстве,

рекламе). Крайней формой нарушения норм морали, приносящей ущерб здоровью, имуществу и жизни окружающих, является преступление.

Социальный контроль осуществляется как извне, так и сознанием самой личности. Внешний контроль реализуется родителями, друзьями, общественным мнением, а также с помощью правовой системы. На основании судебных решений человек может быть наказан. Видами наказаний являются, например, следующие: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; обязательные или исправительные работы; ограничение свободы; принудительные работы; арест; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. Для исполнения наказания существуют такие учреждения и органы, как: уголовно-исполнительная инспекция, исправительный центр, колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительная колония общего, строгого или особого режима, тюрьма.

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания». Он проявляется, в частности, в том, что, во-первых, после Второй мировой войны наблюдается непрекращающийся рост уровня зарегистрированной преступности в большинстве стран, несмотря на все принимаемые меры. Во-вторых, хорошо известно, что человечество испытало за свою историю все мыслимые виды уголовного наказания, но ни один из них не приводил к желаемому результату. В-третьих, уровень рецидива (повторного преступления) относительно стабилен и не снижается под воздействием карательных мер. Наконец, в-четвертых, многочисленными психологическими исследованиями установлено, что длительное (свыше 5–7 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям в психике человека. Можно говорить и о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных: тюрьма служит не местом исправления, а школой криминальной профессионализации и самоорганизации.

Острые дискуссии вызывает вопрос о целесообразности наиболее жесткой формы наказания — смертной казни за совершение тяжких преступлений. В настоящее время

в большинстве цивилизованных стран смертная казнь отменена *de jure* или не применяется *de facto*. Так, в Европе она сохраняется только в Албании и странах СНГ, в Латинской Америке — фактически только на Кубе (сохраняясь в законодательстве, не применяется в Аргентине). Наибольшее количество смертных казней зарегистрировано в Ираке, Иране, Китае, Нигерии, Пакистане.

Исторический опыт демонстрирует неэффективность репрессивных мер по отношению к социальной девиации. Вместе с тем чем сплоченнее общество, тем в большей степени характерна для него атмосфера взаимной ответственности и уважения чужой свободы, тем более гуманен в нем социальный контроль и тем в меньшей степени оно нуждается в жестких репрессивных мерах по регулированию отклоняющегося поведения. В таких сообществах главным регулятором социального поведения становится не столько право, сколько мораль и общественное мнение. Поэтому самой действенной формой социального контроля является оздоровление общества, его консолидация, формирование в нем механизмов общественного самоуправления, создание условий полноценной самореализации.

6.2. Социально-культурные эмоции

Важную роль в социальном контроле играет эмоциональная сфера, связанная с переживанием определенного оценочного отношения, как социальной среды, так и личности к самой себе. В этой связи можно говорить о социально-культурных эмоциях.

Эмоциональным выражением достоинства является честь и связанное с ней переживание гордости. Всякая честь связана с нормами вполне конкретной общности, группы, субкультуры: офицерская честь, профессиональная честь и пр. Рыцарская, дворянская честь — это нравственное поведение среди себе подобных, но не перед смердами. Недаром представления о чести наиболее ярко проявляются в армии, местах лишения свободы, когда человек вынужден выполнять не свои решения и не свою волю, когда обязательны иерархия подчинения, чины, знаки отличия, знаки поощрения, униформы, привилегии, медали, ордена, значки, чтобы было видно — кому какая честь положена.

В политической жизни честь играет важную роль, потому что выражает оценку личности общественным мнением той социальной группы, с которой политик себя относит. При этом мнение противников для него может оставаться нерелевантным, а даже усиливать привлекательность его имиджа и репутации в глазах сторонников. Доминирование ориентации на внешнее признание может приводить к тому, что достижение успеха становится самоцелью, оправдывающей любой путь к нему.

Не менее важен стыд — феномен, присущий только человеку, одно из качеств, существенно отличающих человека от животного. Стыд, в отличие от чести и гордости, является переживанием собственного несоответствия принятым (в том числе самой личностью) нормам и образцам. Оступиться, перейти черту стыда — навлечь позор и одновременно «лишиться чести» в собственных глазах. По сути дела, стыд есть эмоциональное проявление совести, которая сама суть эмоциональное переживание личностью своей ответственности. Именно стыд оказывается «хранителем личности»: «Я стыжусь, следовательно, существую» (В. Соловьев). Чем более нравственно развита личность, чем глубже осознано ею свое не-алиби-в-бытии, тем больше поле ее стыда.

В этой связи стоит обратить внимание на парадоксальность выражения «чистая совесть». Совесть по определению не может быть чистой, поскольку ее сутью является эмоциональное переживание личностью своей *ответственности*: она потому и совесть, что не чиста, а чистая же совесть — это отсутствие совести. Человек, если он вменяемая личность, не может не сознавать свою ответственность за происходящее вокруг него. И если человек говорит: «Моя совесть чиста!» («Мне не стыдно!»), по существу, это означает то же самое, что сказать: «Меня здесь нет!».

Раскрытие соотношенности личности с культурой, особенно показательно и поучительно на примере простом, каждодневном, несколько неожиданным. Речь идет о смехе. Люди смеются много и с удовольствием. Политики, ораторы и преподаватели сознательно прибегают к шуткам и остроумию, высоко ценимым слушателями. Смешное очень конкретно: там, где смеется один, другому может быть не до смеха. Смех угнетателя и насильника зачастую связан с трагедией его жертвы. То, что смешно для компании

хулиганов, отнюдь не смешно для окружающих. Шутки немцев, с точки зрения француза или англичанина, грубы и тяжелы, тогда как шутки последних для немцев достаточно крепки. Каждый народ, каждая эпоха, каждая социальная группа обладают своим чувством юмора, иногда непонятного для других эпох, народов и групп.

Первое условие комизма и вызываемого им смеха состоит в том, что у смеющегося имеются некоторые представления о должном, правильном. Этот ценностный норматив выступает не просто императивом, но именно как желаемое должное. И смех вызывает несовершенство, дисгармонию, отклонение от этой нормы — это основная почва, центральный нерв смешного. Совершенство и гармония смеха не вызывают, так же как и болезнь, стихийное бедствие, порок, преступление тоже отклонения от нормы. «Пусковой механизм» смешного — несостоятельность и неопасность отклонения реального от должного. Иначе говоря, смех выражает радость понимания превосходства, нравственного удовлетворения, вызванного торжеством нравственного идеала того общего «мы», к которому мы причисляем себя.

Смех — победительная эмоция, не только признак силы, но и сама сила. Удовольствие от смеха включает в себя широкий спектр эмоций: от злорадства и простого снятия напряжения до глубокой охватывающей все существо человека, радости победы. Причем «зона смешного» может быть расширена, например, за счет ненависти. Так, в военные годы вызывают смех жестокие карикатуры на врага, лубочные картины его уничтожения и прочее, в мирное время комизма не имеющее. Порог смешного может быть и повышен. Пьер Безухов смеется над своим пленением: «Мою бессмертную душу в плен взять?!!». В лицо своим мучителям смеется Ян Гус. В этом смехе — торжество человека, его идеалов над «всесильным» врагом, лишаящим его жизни. Такой смех доступен лишь человеку, глубоко уверенному в конечной победе своего дела, за которое можно пойти и на смерть.

Смех всегда связан с переходом сознания в новое качество, с новым уровнем понимания и осмысления действительности. Недаром люди с улыбкой, чувством юмора, обладают особой привлекательностью, им как бы заранее приписывается способность находиться над ситуацией, больше и лучше ее понимать.

Смех одновременно утверждает одни ценности и ниспровергает другие, сплачивает смеющихся и отделяет их от осмеиваемого. Поэтому смех — средство социально-культурного нормирования, утверждения и ниспровержения идеалов и ценностей, причем — средство не только эффективное, но и гуманное, апеллирующее к самосознанию личности и приводящее это самосознание в действие. Наряду с принуждением и внушением, правовыми санкциями — методами борьбы с социально-вредными и опасными явлениями, экономическим стимулированием, смех является универсальным, гибким и гуманным средством формирования культуры, социализации личности, воспитания.

Смех, однако, хотя и острое, но обоюдоострое оружие. Превратившись в самоцель, он противопоставляет остроумца другим людям, лишает его социально-культурных и гуманных ориентиров поведения и общения. Не менее опасен и глумливый смех над человеческой индивидуальностью. Чем более продвинуто общество в направлении гарантий прав личности, ее достоинства, тем менее глумлив смех, тем реже он направлен на личность, тем реже он вообще направлен на другого и тем чаще на самого себя, тем реже хохот и тем чаще встречается улыбка. Наверное, сказывается, что «перепад непонимания-понимания» у людей компетентных невелик. Шутки шутками, но, тем не менее, одним из достижений цивилизации и культуры является сдержанность в смехе.

6.3. Историческая динамика позиционирования и самореализации личности

Личность выступает не только носителем культурного кода, но и фактором развития культуры. Фактически она — источник, средство и результат этого развития. В этой связи можно говорить о роли и значении самореализации личности в социуме.

Во все времена личность могла быть недовольна своим местом в мире, стремилась к его изменению, смене своей социальной позиции. В традиционном обществе средства для решения этой задачи были довольно ограничены: это могла быть узурпация чужой позиции, ее маркировка име-

нем с целью изменить к себе отношение окружающих; затем изменение социального статуса, а позднее — роли. В наши дни подобное стремление предполагает изменение себя, своей собственной самоидентификации, построение себя-другого.

В этой связи можно выделить несколько стадий развития социального позиционирования личности, форм и гарантов ее идентификации:

1. *«Этническая» стадия*, на которой границы личности как вменяемого субъекта задаются принадлежностью роду, племени, клану. Гарантами идентификации являются представители данного и других этносов («наш-чужой»). Подтверждением идентичности являются внешний облик, одежда, язык, поведение.

2. *«Статусная» стадия*, на которой личность выступает уже как выделенный из рода индивид, идентифицируемый по его месту в социальной иерархии, определяемому по его заслугам перед неким сувереном. В этом случае подтверждением идентификации помимо облика, телесных признаков, становятся некие документальные свидетельства.

3. *«Ролевая» стадия*, на которой психотелесная целостность индивида идентифицируется прежде всего по выполняемым социальным ролям, независимо от некоего статуса и рода-племени. Гарантом чего является личная и профессиональная востребованность, подкрепляемая некими сертификатами, но главное — компетентностью и профессионализмом личности.

4. *«Проектная» стадия*, на которой границы вменяемого субъекта очерчиваются жизненными стратегиями, планами, а идентификация задается вменяемой ответственностью, что подтверждается известностью и узнаваемостью личности при активном участии средств коммуникации, общественного мнения.

5. Предполагаемая *«постчеловеческая» стадия*, когда на первый план выходит «человек без свойств», неявленная и самостоятельно определяемая «точка сборки» свободы и ответственности. Проблемы подтверждения такой идентичности весьма неоднозначны и только еще начинают ощущаться в связи с развитием интернета, виртуальной реальности, достижений медицины.

Каждая стадия порождает свою форму социализации личности. Так, отказ от родового статуса расчищает поле

для карьерного продвижения чиновников; освобождение от всемогущества бюрократии — для возможностей свободной игры экономических, политических и других творческих сил; расширение возможностей самоидентификации новыми коммуникативными средствами — для новых возможностей самореализации личности. Каждая из этих стадий не исключает, а предполагает и дополняет другие. Их появление и развитие связано с общецивилизационным процессом, порождающим новые и новые требования к жизненной компетентности личности, вызывая ее многомерность. И наоборот, разрушение, эрозия цивилизационного контекста чревато атрофией измерений, их редукцией к этничности (свой-чужой, наш-не наш).

Самое главное в данном контексте — это то, что следует различать идентичность и идентификацию личности. Последняя — задача социума, в силу необходимости не просто различения членов общества, но и выделения, фиксации личности как вменяемого субъекта, обладающего сознанием, мотивацией и (в силу этого) наделяемого ответственностью. Идентичность же — проявление осознанного или неосознаваемого самой личностью ее самоопределения. Поскольку каждая культура (этническая, профессиональная, семейная, дворовая и пр.) наделяет формирующуюся в ее рамках личность определенной жизненной компетентностью, постольку культурная идентичность личности выступает набором принимаемых и практикуемых личностью программ социальной деятельности.

Современная цивилизационная ситуация придает новый характер соотношению идентификации и идентичности личности, можно говорить о тенденции их радикального сближения.

Каждой стадии идентификации соответствуют формы возможного самозванства, которое есть не просто «выдавание себя за». Обманщики, проходимцы и мошенники были во все времена. Самозванство же всегда претендует на некую исключительность. При этом и характер, и способы проявления этой амбициозной исключительности — историчны, зависят от особенностей структурирования социума, распределения в нем статусов, соответствующих форм признания и привилегий. «Высокое» самозванство — удел претендующих на власть, исключительные возможности влияния. Это могут быть не только претензии на трон,

но и претензии на принадлежность к чему-то, уходящему за пределы человеческой природы: как в трансцендентное (небесного или inferнального плана), так и в природные стихии, животный и даже растительный мир. Всех их в качестве самозванства роднит претензия на выделенность и исключительность, дающие право на занятие особого статуса в социуме.

Показательно, что в наше время самозванство как явление политической культуры утратило свой потенциал. В этой связи точным представляется мнение М. С. Арканниковой, предложившей различать самозванство и самозванчество. Первое связано со стремлением личности изменить свое место в обществе, позиционировать себя как-то иначе. Второе же предполагает привлечение сторонников, порождая политическое движение. И действительно, претензии на статус, принадлежность, вообще выступление «от имени» и «под именем» уже не порождают политический ресурс. Это, очевидно, обусловлено общим смещением тренда на ролевою и даже проектную идентификацию личности.

В настоящее же время, активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже — как серия проектов. При этом не происходит полного отказа от статусных и ролевых идентификаций. Но они уже становятся не целью, конечным результатом идентификации, а средством реализации проекта. Речь не идет и о полном торжестве ролевой идентичности. Это идентичность именно проектная. Основной персонаж современной культуры — личность как постоянно корректируемый проект. Не только творческая, политическая деятельность, деловая активность, спорт выступают в наши дни полем реализации таких проектов.

Автором этих проектов прежде всего может быть сама личность, позиционируя собственную особость и уникальность. В наши дни обитатели мегалополисов в той или иной степени находятся в динамичном перекрестии различных идентификаций: национальных и конфессиональных, профессиональных и семейных, возрастных и имущественных и т.д. Переключения ролевых функций в этом силовом поле происходят постоянно, почти мгновенно и на всем протяжении дня. И вряд ли можно говорить об очевидном доминировании какой-то одной из них, как это было исто-

рически не так давно, например, в СССР. (Показательно, что тоталитарным режимам свойственно именно жесткое доминирование «больших» идентичностей.)

Исключительные возможности «самопроектной» идентичности дают современные информационные технологии, средства связи и коммуникации. В интернете человек может выступать под самыми различными «никами», строя и позиционируя различные проекты самого себя, добиваясь вполне конкретного социального признания. Такое понимание автопроектности вполне укладывается в логику истории прорастания личности от представительства социума, ее породившего, к позиционированию индивидуальной особы, неповторимости, и далее к ответственной самореализации.

Личность может рассматриваться как проект и в смысле автоматичности этого проекта, когда личность, ее идентификация и идентичность становится результатом, продуктом неких внешних «инвестиций», откликом на них, когда сам человек — лишь пассивный материал, формируемый окружением: родителями, близкими, коллегами, СМИ. И не всегда это воздействие пассивно. Нередко сознательно строится определенный проект под реализацию чьей-то востребованности. Тому много примеров из шоу бизнеса, политики, семейного воспитания и пр. Критерием успешности такого личностного проекта является степень достигнутой известности и узнаваемости личности-бренда, как товара, продаваемого на рынках массового потребления, включая политический рынок.

Обе трактовки автопроектности сходятся в главном: будь то проект сугубо инициативно-личностным или реализацией и воплощением чьей-то внешней воли, он может быть успешным, состоятельным или нет, и с технологической точки зрения между этими двумя видами автопроектности существенной разницы нет. Так, автопроект самой личности может оказаться успешным только в случае его признания, востребованности другими, как ответ на желания, надежды, чаяния других.

В понимании проекта личности как бренда речь идет о конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации. Это буквально применение маркетин-

говой технологии: формирование собственной востребованности, спроса на себя — не только на рынке труда, в политике, но и в социальных отношениях, личной жизни, в быту. Срок жизни такого личностного проекта совпадает со сроком «жизни» товаров и соответствующих брендов — 5—7 лет, что совпадает с наблюдениями не только специалистов по маркетингу, брендингу и PR, но и психологов. Причем личностные бренды могут быть раскручены и в детстве, и в пожилом возрасте.

Не только в литературе, других видах искусства, но и в политике, спорте, науке, обыденной жизни, во всех сферах деятельности мы имеем дело со сложившейся технологией реализации профессиональной и жизненной стратегий. Э. Уорхол, И. Глазунов, З. Церетели, Б. Акунин... Этот ряд можно продолжать звездами эстрады, спорта, популярными телеведущими, политиками, другими «публичными» людьми, образующими обойму телевизионных ток- и просто шоу, «лиц» — персонажей рекламы. И не так уж важно, кто является автором такого проекта: сама личность или имиджмейкеры, политтехнологи.

Разумеется, при этом не происходит полного отказа от других идентификаций. Этническая, статусная, ролевая идентичности могут выступать как средства реализации проекта (как в случае с такими политическими проектами, как Р. Рейган, В. В. Путин, Б. Обама), или как характеристики, на преодоление которых автопроект направлен (как это было в случае с Майклом Джексон — яркий автопроект, выстроенный на преодолении расовых, гендерных, возрастных, а в чем-то уже и просто человеческих характеристик идентификации).

Проектно-сетевой характер современного социума в сочетании с возможностями глобализации порождают «граждан мира», людей-проектов, способных состояться и востребованных практически в любой стране мира. Это опять-таки не исключает их традиционную идентичность, а наоборот предполагает ее, она способна давать личности некоторые конкурентные преимущества на рынке труда, в политике.

Можно сказать, что современный образ жизни у нас на глазах заложил основы новой антропологии. Проектно-брендовая идентификация/идентичность личности в условиях информационного общества, массовой куль-

туры и рыночной экономики, действительно, порождает неоднозначную ситуацию. Человечество вступает в новую антропологическую и персонологическую стадию развития. В свое время М. Лютер и И. Кант сделали личность автономно управляемой. Согласно известной формуле К. Маркса, они освободили личность от рабства внешнего, чтобы «закрепить его в душе». Кстати, именно это не понимают фундаменталисты в идее прав человека, настаивая на обязанностях, не понимая или не желая понять, что долг уже может быть сформирован. Задача общества признать право на долг, на свободу его выбора со всеми вытекающими последствиями. Это разные стадии зрелости личности и общества.

С этим может быть связан критерий нравственной оценки автопроектов, когда предметом оценивания являются не цели, а средства. Весь опыт истории показывает, что судить по целям — верный путь в социальный ад: никто не хочет зла, но, если судить, то средства. Если кто-то стремится сделать других счастливыми помимо и вопреки их воли, даже во имя и от имени этих других — это самозванство. Иное дело, если мы следуем некоему взятому на себя долгу, следуя призванию не за счет других, хотя и, возможно, во имя других. Долг не извне вовнутрь, а изнутри вовне, подобно тому как достоинство не изнутри вовне, а наоборот. Не наше дело судить о своем достоинстве. Так же как и никто не вправе говорить нам о нашем долге. Но чем более нравственно и интеллектуально развита личность, тем шире ее поле ответственности и понимания того, насколько она обязана всем. Человеческое сознание социально по своей природе, а индивидуализация — не что иное как индивидуально неповторимая целостность социализации.

Все, что ни происходит в человеческом обществе, есть результат личных усилий, вне зависимости от того, сознают ли это сами личности, вовлеченные в плетение ткани жизни. Без личности, без индивидуальных сил не мыслимы ни действие закона, ни научная истина, ни творчество политической идеи, ни обнаружение и творение красоты. Правопорядок, закон, идея не существуют и не действуют сами по себе. Более того, именно усилиями личности творится новое, обеспечивается развитие культуры. Культура держится творчеством, им питается: как

в поддержании старых норм и ценностей, так и в создании новых.

Творчество требует интеллектуальных, духовных, физических усилий. Оно подобно магме, с огромным трудом и тратами энергии прорывающейся сквозь уже застывшие пласты и напластования, но лишь для того, чтобы излившись застыть новым слоем. И следующим творцам будет еще труднее. В меняющемся мире старые культурные формы лишь почва, необходимая для взращивания и отталкивания. Творчество — удел не только выдающихся ученых, политиков или художников, но и каждой личности, самим своим участием в социальной жизни, осуществляющей свою уникальную миссию.

Жизнь как в профессиональной, так и в бытовой среде очень часто ставит человека в ситуации, когда он за неимением социального образца поведения вынужден в себе самом находить пути решения, самостоятельно достраивать собственный опыт. Поэтому особое значение имеют решения, принятые не автоматически, а в результате сознательного выбора. Научное познание начинается с критического отношения к привычным фактам и объяснениям. Методологический принцип сомнения (подвергать изначальному сомнению все и вся), сформулированный Р. Декартом, стал одним из принципов формировавшейся науки. Нетрадиционность мысли и действия, отклонение от сложившихся стереотипов — необходимое условие всякой творческой деятельности.

В истоках любого творчества лежит недовольство человека существующим порядком вещей. В этом плане творчество вненормативно, если не антинормативно. Оно по своей природе есть изменение, преодоление норм, как минимум — отклонение от них. Недаром отличить творчество от его зеркального двойника — негативной социальной девиации, о которой говорилось раньше, иногда довольно трудно. Современники нередко расценивают деятельность творца как нарушение нравственности или даже закона. История полна примерами расправы благородных, но неблагоприятных современников и соплеменников над творцами, по прошествии времени торжественно вводимыми в пантеон святых.

Творчество желательно далеко не во всякой культуре. Большую часть человеческой истории занимают так назы-

ваемые «традиционные» культуры, жизнь которых целиком определялась верностью традиции, «тиражируемой» каждым новым поколением. Всякое отклонение от традиционных норм и правил в таких обществах безжалостно пресекалось, а «творцы» либо изгонялись, либо подвергались жестоким репрессиям. Резким ускорением развития цивилизация обязана культуре, сложившейся в русле иудео-христианской традиции с ее особым вниманием к личности, свободе личности, а значит и творчеству. Именно, а может быть, и только в этой культуре, которая до сих пор определяет лицо современной цивилизации, ориентированной на преобразование окружающего мира, творчество рассматривается как ценность. Более того, в культуре современной цивилизации, складываются институты, само существование которых нацелено именно на творчество: творческие союзы научные институты, политические партии и др.

Творчество не репродуктивно, а перспективно и продуктивно, ориентировано на построение нового образа, пророчество о будущем. А это предполагает неординарный личностный потенциал откровения такого новообраза, что проявляется в гениальности как высшей форме творчества. Гениальность предполагает некие способности, мастерство, опыт, но не сводится к ним. Иногда дилетант открывает невиданное ранее, задавая вопросы, которыми опытные профессионалы никогда не зададутся, потому как они не укладываются в некие нормативные рамки. Гениальные личности существуют всегда. Но у разного времени различные потребности в творческих личностях. Недаром целые эпохи кажутся серыми от бесцветия человеческих душ, а то вдруг взрываются фейерверком гениальностей. Политические конфликты, личная неустроенность и страдания способствуют осмыслению и переосмыслению человеком мира и своего места в нем. Но конечным полем творчества является не фон, не среда, не условия, а человеческая душа: гениальность заключается в остром переживании дискомфорта от нарушенной гармонии, которая восстанавливается или формируется за счет работы ума и души, а иногда и всей жизни творца.

Личность — не только претерпевающий объект, но и источник, и средство, и результат социальной динамики в том смысле, что стремление к целостности личности дает исходный импульс, энергетику, основное поле

и средство, а также фиксирует результат этой динамики. Тем самым проблема расширения целостного потенциала личности и социальной адаптивности как расширения этого потенциала оказывается в самом центре осмысления содержания, процессов и механизмов социальной трансформации.

Реализация целостного потенциала личности, поиски общих интегративных начал личности, могут идти по двум взаимодополнительным направлениям. Во-первых, в плане «внешнего освобождения» личности — изменения внешних обстоятельств, изменения социальной среды за счет неизбежных упрощений, нивелировок и редуций, что зачастую ведет к росту безответственности и невменяемости, радикализма и экстремизма. Во-вторых, в плане развития «внутренней свободы» — расширения и углубления духовного опыта личности. Решению этой задачи служат религиозные концепции и опыт (учение о карме, увещание, молитва, исповедь, раскаяние), психоанализ, логотерапия.

Во всех этих случаях речь идет фактически об очерчивании границ самосознания «Я» как поля свободы и ответственности личности. На этой идее основана духовная, нравственная и правовая культура современного общества, ориентированная не столько на очерчивание и фиксацию границ самосознания личности, сколько с динамикой, расширением и углублением сознания, личностного потенциала в целом.

Вопросы для обсуждения

1. Как система образования влияет на социализацию личности?
2. Является ли формой социальной патологии суицид? Объясните свою точку зрения.
3. Чем объясняется объективный характер социальных патологий?
4. Приведите примеры форм социального контроля. Чем отличаются правовые формы социального регулирования от моральных?
5. Почему стыд и избегание неудач сродни гордости и стремлению к успеху? Приведите примеры.
6. В чем заключается суть проектной идентичности?
7. Как идея автономной морали соотносится с практикой формирования и продвижения личностного имиджа?
8. Почему творчество и гениальность категории внеисторические?

Практическое задание

Попробуйте изобразить графически кризис идентичности современного человека. В ходе дальнейших дебатов обоснуйте на примерах, каким образом космополитическая «трансидентичность» может быть приобретением дополнительных жизненных компетентностей и конкурентных преимуществ на рынке труда и в личной жизни.

Анализ кейсов

Определить, к какой стадии позиционирования («этническая», «статусная», «ролевая», «проектная») относятся следующие описания личности:

- а) кочевник из тюркского племени;
- б) сертифицированный специалист;
- в) оппозиционер, пришедший к власти;
- г) бывший следователь;
- д) участник декабристского восстания;
- е) император Китая;
- ж) кандидат в депутаты;
- з) купец из Византии;
- и) солдат;
- к) строитель;
- л) создатель бренда Apple;
- м) молодой ученый;
- н) подполковник милиции;
- о) консультант в области энергетической безопасности;
- п) школьник из Новосибирска.

Деловая игра

Каждому участнику игры предлагается выбрать себе личность, которая является известной и узнаваемой, и описать другим участниками жизненные стратегии и «проектные» вехи данной личности, не называя ее имени. Целью игры является определение имени личности по ее проектам.

Рекомендуемая литература

Гилинский, Я. И. Глобализация, девиантность, социальный контроль / Я. И. Гилинский. — СПб. : ДЕАН, 2009.

Пригов, Д. А. Само-идентификация / Д. А. Пригов // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. — 2001. — № 13. — С. 10–11.

Тульчинский, Г. Л. Личность как успешный автопроект / Г. Л. Тульчинский // От события к бытию. — М. : ГУ-ВШЭ, 2010. — С. 49–63.

Тульчинский, Г. Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология / Г. Л. Тульчинский // Человек. — 2008. — № 1. — С. 43–57.

Шеманов, А. Ю. Самоидентификация человека и культура / А. Ю. Шеманов. — М., 2007.

Шипунова, Т. В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы / Т. В. Шипунова. — СПб. : СПбГУ, 2012.

Раздел III
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ
ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

• Динамика форм государственности • Модернизация и демократия • Потенциал имперской политической культуры • Суверенитет, сецессия и сепаратизм • Глобализация и разнообразие культур.

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- динамику форм государственности;
- соотношение модернизации, человеческого фактора и демократии;
- различия между суверенитетом, сецессией и сепаратизмом;
- различные подходы к концепции разнообразия культур;

уметь

- объяснять существование различных концепций государства и внешние исторические предпосылки их существования;
- применять концепцию имперской политической культуры для оценки развития современного общества;
- использовать социально-культурные факторы для оценки экономического роста;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - навыками анализа политических изменений и политической культуры;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

7.1. Динамика форм государственности

Политическая культура одновременно является условием, средством и результатом развития общества. Во-первых, сложившаяся политическая культура может стимулировать развитие или выступать его барьером — в этом плане она выступает как условие, фактор возможных изменений, без учета которого не возможны развитие, а тем более — модернизация общества.

Во-вторых, в результате возможных преобразований — вынужденных или сознательных (в том числе волевых) — политической системы, экономического уклада формируется новая политическая культура, оказывающаяся в этом случае результатом этих преобразований.

Наконец, в-третьих, во всех этих процессах, изменениях политическая культура выступает как средство воздействия на общество и одновременно как средство его самоорганизации.

Другими словами, роль политической культуры многогранна и проявляются, выходят на первый план эти «границы» в зависимости от этапа цикла общественного развития.

Если политическая культура сводится только к ценностям и установкам, некоему ментальному плану («вот такой у нас менталитет»), то получается ситуация безысходности, пресловутой «колеи», попав в которую общество якобы не способно изменить свою «судьбу», а исследователи, а главное — политики, лишаются возможности влиять на изменения.

Поэтому тем более важно понимание политической культуры как системы практик, актов, ритуалов, образцов, формирующих ментальность, как опыта, помогающего выжить в определенной динамичной среде, в том числе и с помощью заимствований этого опыта.

Под «развитием общества» понимается переход конкретного общества в новое качество, приближающее его к цивилизационному фронтиру, обеспечивающее максимально возможное для данного исторического этапа качество жизни. В этой связи в современной российской литературе широко используются термины «инновационное развитие» и «модернизация». Однако первое из них употребляется излишне расширительно. Инновация — проблема и явление микроэкономического уровня, она связана

с возможностью реализации конкретного продукта, артефакта, опыта, не имеющего аналогов. Общество в целом не может развиваться инновационно. Оно может только создавать условия для реализации инноваций или препятствия им. Не больше, но и не меньше. «Модернизация» — более спокойный и корректный термин, выражающий необходимость освоения передовых практик, после которых уже можно приступать к инновациям, т.е. продвижению чего-то, никем еще не освоенного. Однако, к сожалению, термин «модернизация» в отечественной литературе все больше нагружается, с одной стороны, негативными коннотациями (вплоть до отождествления модернизации и вестернизации), а с другой — отнесением ее исключительно к обществам модерна, предполагая, по-видимому, что применительно к современности нужно говорить о «пост-модернизации». Поэтому в целях избегания таких ловушек, в расчете на некую объективность и минимальную оценочность в данном разделе говорится именно о развитии общества.

Проблема государства в развитии политической культуры, наций играет чрезвычайно важную роль. Во-первых, государство является наиболее исторически развитой формой политической власти. Во-вторых, оно представляет собой наиболее развитый социально-политический институт, точнее систему таких институтов. В-третьих, государство является ключевым фактором формирования общества, нации. Можно выделить несколько типологически основных концепций государства.

Согласно **теологической концепции** государство суть проявление божественной воли, ее продолжение и земное воплощение.

Согласно **классической концепции** (А. Кожев называет ее «арифметической») государство есть совокупность власти, гарантирующей внутренний и внешний суверенитет, территории, четко определенные границы, население (граждан этого государства). Разновидностью классической концепции является понимание государства как результата проявления политической и военной силы (например, в результате войны или обороны от агрессии).

В **юридической концепции** (И. Канта) государство есть именно множество людей, объединенных законами, определяющими порядок жизнеустройства такого социума.

Социологическая концепция (М. Вебер) выделяет три характеристики государства:

- 1) административный и правовой порядок, изменяемый посредством опять-таки законов;
- 2) принудительная власть данного порядка как над гражданами, так и всеми действиями, происходящими на данной территории;
- 3) монополия на легитимное насилие.

В **управленческой концепции** (Э. Гидденс) на первый план выведены тоже три характеристики государства:

- 1) система институциональных форм монопольного контроля над территорией с демаркированными границами;
- 2) система санкционированных законом правил;
- 3) система непосредственного контроля над средствами внешнего и внутреннего контроля.

По мнению Кожева, Античность знала два типа государства: государство-семья (клан), и государство, основанное на господстве. Именно эти типы государственной власти фигурируют в античных трагедиях. Средневековое государство представляло власть либо универсальной церкви, либо воплощенной индивидуальной универсальности короля. Новое время как формирование буржуазного государства воплощается в борьбу за собственность и экономическое господство с последующим политическим признанием этого господства (рис. 7.1). В свою очередь, буржуазное национальное государств, согласно Кожеву, проходит два этапа развития:

- I этап — формирование гражданского общества, буржуазных республик, современных демократий;
- II этап (под влиянием глобализации экономики) — формирование гомогенного государства массового общества с переходом от национальных государств к федерациям, конфедерациям и новым империям.

С этими идеями перспектив государственности Кожев и выступил как идеолог и практик европейской интеграции.

Действительно, историческим фактом является все большее нарастание роли государства и его контроля над различными сферами жизни общества, что зачастую объясняется необходимостью обеспечения безопасности (военной, продовольственной, информационной и т.д.). Э. Геллнером было выделено несколько исторических этапов развития национальных государств в Европе (табл. 7.1).

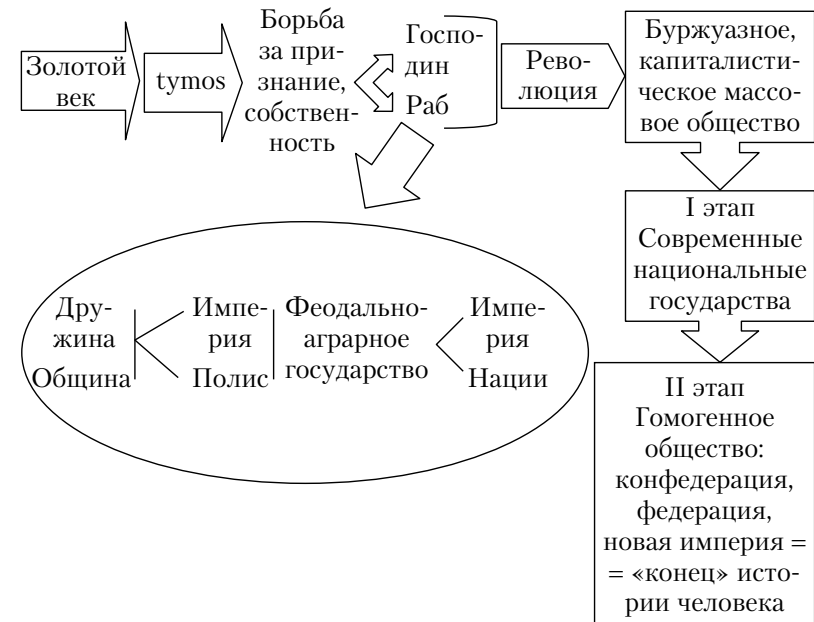

Рис. 7.1. Эволюция государства по А. Кожеву

Таблица 7.1

Стадии развития национальных государств в Европе по Э. Геллнеру

Исторический период	Стадия	Суть изменений	Следствия
До 1815 г.	Аграрно-сословные общества с традиционными культурами и династическим государством		
1815—1918 гг.	Политический ирредентизм	Прежние государственные структуры в сочетании с формированием национализма (национальной идеи как политического принципа)	Разрушение существующих государств (империй) и границ

Окончание табл. 7.1

Исторический период	Стадия	Суть изменений	Следствия
1918—1945 гг.	Триумф и поражения национального ирредентизма	Унаследованы все слабости, включая «новые меньшинства» с апелляцией к распределению материальных ресурсов и благ	Массовые убийства, депортации, Вторая мировая война
После 1945 г.	Снижение накала этнических переживаний	«Приручение» национализма,	Федерализм, мультикультуральность, толерантность

В связи с этим Геллнер говорит о «часовых поясах» становления национальных государств в Европе:

- 1) страны Атлантического побережья;
- 2) Италия, Германия;
- 3) страны бывшей Османской империи и Австро-Венгрии;
- 4) страны бывшей Российской империи.

Показательно, что в этой модели «реальный социализм» оказывается ускоренной формой индустриализации, которая все равно приводит к завершению буржуазной революции и формированию национальных государств.

Вместе с тем не менее очевидны и два дополняющих друг друга тренда (к рассмотрению их природы мы еще вернемся) глобализации и нарастания национального разнообразия, иногда приводящего к конфликтам. Проблемы слабых и несостоявшихся в условиях глобализации государств вынуждают обратиться к переосмыслению динамики форм государственных систем. Так, тренды централизации власти достаточно очевидны: независимость, суверенитет, союз, федерация, унитарное государство, империя. Именно в такой последовательности (рис. 7.2).

В конце 1970-х гг. М. Фуко было проведено специальное исследование государственного «управленчества» («оправдательствования государственности»), т.е. выхода в государстве на первый план исполнительной власти с ее управленческими функциями.

Рис. 7.2. Цивилизационные этапы развития форм государства

В греческих купеческих полисах главной функцией государства как объединяющей социум системы были закон и справедливый суд.

В животноводческих этносах Востока (включая иудеев) на власть возлагалась также пастырская задача — руководство душами подданных. Такое понимание государства перешло и в христианскую традицию. В XVI—XVII вв. по мере нарастающей секуляризации общественной жизни в функциях государства выделяются отдельные направления управленческой деятельности: социальная политика, воспитание, образование, пропаганда, статистика. То есть, государство продолжает выполнять роль если не пастыря, то поводыря.

Однако начиная с XVII в. возникают элементы новой системы. Индустриализация, активное формирование национальных и мировых рынков вывели на передний план экономику, превратившуюся из одной из сфер забот управленчества (экономического обеспечения государства) —

в сферу, определяющую само политическое обустройство общества. Концептуально и теоретически это понимание соотношения экономики и политики было закреплено в классических работах А. Смита, П. Риккардо, а затем и К. Маркса, согласно которому экономика («экономический базис», уровень развития «производительных сил») определяет социальную и политическую динамику («классовую борьбу» и «политическую надстройку»). Сама политика предстала как концентрированное выражение экономики, как обслуживание экономических интересов элиты.

Показательно, что развитие этой тенденции привело к укрупнению капитала, формированию ТНК и формированию новой экономической и политической силы — наемных профессиональных менеджеров, интересы которых иногда могут расходиться с интересами владельцев. Д. Бернхем, а за ним Д. Белл и другие авторы стали говорить о «революции менеджеров». В социалистических странах, в частности в СССР эта тенденция проявилась в формировании «нового класса», номенклатуры (М. Джилас, М. Восленский), распоряжающейся «общенародной собственностью».

Глобализация, формирование ТНК, фактический вассалитет национальных государств по отношению к странам G8, общее движение в сторону олигархии едва ли вызывает сомнение. Все увеличивающаяся концентрация промышленной и финансовой мощи, все уменьшающаяся роль индивидуального капиталиста и акционера, рост влияния «эффективных менеджеров», упадок представительных институтов и появление однопартийных режимов, опирающихся на полицейский террор, фальсификацию выборов, — все это указывает на одну и ту же тенденцию.

Именно на таком идейном фоне формировалась в свое время идея конвергенции капитализма и социализма. Позднее к этому добавились теория и практика КСО, корпоративного гражданства, сформировавшие основу нового корпоративизма, который К. Крауч уже в наши дни назвал «приватизированным кейнсианством».

Если на Западе разрешение этого конфликта приняло характер многовекторного и многоуровневого разведения зон ответственности, полномочий, регулирования лоббистской деятельности и мотивации управленческого аппарата к участию в деловой активности, что придало новые формы экономическим и политическим отношениям, то в СССР

это приняло форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть. «Перестройка» и реформы 1990-х гг. окончательно вернули Россию в общецивилизационный тренд. Это возвращение в условиях слабого гражданского общества привело к тому, что с поверхностной точки зрения воспринимается как правовой нигилизм и тотальная коррупция. Систематическое изучение особенностей советской и постсоветской политической системы как системы административных рынков (С. Кордонский) убедительно показывает причины того, почему и как не работают лекала стандартных демократических институтов в постсоветском обществе, сохраняющем инерцию «революции менеджеров по-советски». Преодоление этой инерции состоит, по-видимому, в выстраивании системы социального аудита, расширяя и обобщая опыт, накопленный за рубежом в связи с развитием КСО, корпоративного гражданства, а возможно и советский опыт планов социально-экономического развития предприятий и регионов.

7.2. Модернизация и демократия

В публицистике и обыденном сознании, а иногда и в политических аналитиках звучит позиция, согласно которой модернизации должно предшествовать изменение институтов, которое, в свою очередь, предполагает изменение ценностей. В этом случае возникают вопросы. А что определяет развитие ценностей? Откуда появляются новые — «модернизационные» — ценности? Ценности определяют нормы, или нормы (институты) формируют ценности?

Ответы на эти вопросы зависят от конкретной ситуации. Если речь идет о долговременной эволюции, то складывающиеся институты выражают динамику ценностных ориентаций, оформляя и закрепляя их. Если же речь идет о целенаправленной модернизации, то это предполагает управление культурными изменениями, что возможно только в случае внятной политической воли, задающей новые нормы, рамки, правила жизни. Тем самым включается механизм культуры, закрепляющий и транслирующий эти правила нового опыта.

Концепция модернизации как исторического прогресса возникла в эпоху Просвещения в качестве выражения убеждения в том, что научно-техническое развитие даст человеку власть над природой и возможность обустройства справедливого общества. Более того, утверждалось (например, А. де Кондорсе), что развитие экономики неизбежно приведет к изменениям в культуре и нравственности.

С индустриализацией экономика выходит на первый план, и уже политика рассматривается как «концентрированное выражение экономики», а главной задачей государства и политического класса становится обеспечение и поддержка экономического развития и экономических интересов. Тем самым роль изменений в культурной сфере либо просто игнорировалась, либо недооценивалась.

Две главные концепции в рамках такого понимания модернизации восходят к А. Смит и К. Марксу. Согласно первой рыночная экономика, капитализм выступает главным мотором модернизации. Согласно второй рост индустриального рабочего класса приведет к захвату им власти (диктатуре пролетариата), социалистической революции, ликвидации частной собственности, государства и в итоге — к бесклассовому обществу, в котором восторжествуют гуманистические ценности. Противостояние этих двух концепций после Второй мировой войны приобрело характер противоборства двух сверхдержав, соответствующих мировых систем и идеологий. Показательно, что при всей яростности этого противостояния обе они ориентировались на экономический рост и модернизацию.

Поиски «третьего», или «особого» пути модернизации в послевоенный период оказались малосостоятельными, так же как и попытки объяснить «слаборазвитость» внешней эксплуатацией. Более эффективной оказалась интеграция в глобальные экономические связи: производство дешевых товаров для мирового рынка запускает механизм экономического роста, вложение доходов от экспорта в социальный и человеческий капитал формирует квалифицированную рабочую силу, способную порождать высокую добавленную стоимость на производстве высокотехнологичной продукции, экспорт которой приносит еще большие доходы, что способствует росту урбанизации, городского среднего класса. А когда его ряды достаточно расширяются, становится невозможно остановить его запрос на инсти-

туты либеральной демократии. Примеры стран Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, Китая, ЮАР¹ в этом плане достаточно наглядны.

История показала, что правильны обе точки зрения, но не каждая в отдельности, а именно вместе и во взаимодополнении. Важны не просто институты сами по себе, а то, ради чего эти институты существуют.

Согласно многолетнему исследованию М. Олсона и сделанным по его результатам обобщению, серьезным тормозом развития может служить «перепроизводство» гражданского общества. Для развития необходима конкурентная среда, свобода рынка не только от государства, но и от сговоров, картелей и «монополий на справедливость» групп интересов: гильдий, профсоюзов и других общественных организаций. Такую ситуацию Олсон назвал «институциональным склерозом».

Эти выводы подтверждаются рядом исторических фактов:

- успешное развитие стран, переживших военное поражение, одним из итогов которого становится разрушение старых форм общественных связей и формирование новых форм и структур гражданского общества;
- старые города с устоявшейся системой монополий и картелей профессиональных гильдий уступают свои позиции новым, в которых социальные связи строятся «с листа», заново.
- империи, таможенные союзы, организации типа ВТО дают мощные импульсы развития, открывая новые возможности свободы, избавляя от местного, национального институционального склероза.

В этом плане показательно, что, при всех различиях стран так называемых стран БРИКС (Бразилии, России, ЮАР, Китая, Индии), у них общие культурные барьеры развития, такие как семейственность (фамилизм), клановость, этничность, а также иерархичность организации социальной и экономической жизни. Фактически, речь идет о доминировании этнически-клановой и статусной идентичности личности. Местная, национальная бизнес-среда, буржуазия стремятся к достижению монополии, преференций, картелей. Так, бизнес сам по себе в инновациях

¹ Южно-Африканская Республика.

не заинтересован. Целью любого бизнеса является не конкуренция и инновации, а достижение, хотя бы временной, но монополии: за счет отношений с властью, эксклюзивного доступа к сырью, наконец инновации. Но, достигнув монополии, бизнес будет всеми средствами ее отстаивать и сохранять, вступать в сговоры, удерживать монопольные цены, мешать конкурентам-инноваторам и т.п. Аналогична ситуация и в политике. Партия или лидер, достигнув монополии, доминирующего положения, будут всеми средствами не допускать конкуренции. Та же ситуация и на «рынке справедливости» гражданского общества.

Поэтому одной из задач любой модернизации, инновационного развития становится преодоление барьера институционального склероза, создания конкурентной среды не только на рынке, но и в обществе в целом.

7.3. Потенциал имперской политической культуры

Процесс глобализации вызывает рост интереса к переосмыслению имперского опыта и наследия. Ранее, на основе анализа особенностей империй Нового времени (Британской, Французской, Испанской, Российской, включая СССР), динамики их трансформации, был наработан некий набор характеристик империй, противопоставляющих их другим формам государственного устройства. Сформирована «общая закономерность» развития: от империй — к национальным государствам.

Вместе с тем выявились и остаются слабо изученными ряд проблем, связанных с парадоксальной неоднозначностью имперского и постимперского исторического опыта. Отмечается степень конструктивности различного имперского наследия (например, британского в сравнении с испанским и французским). И дело оказывается именно в различных культурах, соответствующих «культурных барьерах».

Обычно в отечественной, и не только, историософии империи связываются с колониальными захватами, экспансией (империализм), империалистическими войнами, угнетением народов... Имперская экспансия осуществляется с претензией на глобальные масштабы в отличие от «нормальной страны» с государством «ночным сторожем».

Помимо стремления к экспансии в набор характеристик империй традиционно включаются также:

- полиэтничность с доминированием одного этноса, силой удерживающего другие (в этом империи противопоставляется национальное государство с единым гражданством);
- наличие центра и периферии (провинций, колоний) (этим империи отличаются от унитарного государства, федерации);
- автократия в сочетании с бесправием населения (этим империи отличаются от демократии и гражданского общества).

Не оспаривая эти квалификации, тем не менее, нельзя не признать неоднозначность, если не парадоксальность исторической роли империй.

Прежде всего это **цивилизационная роль** империй. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи Древнего и Средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Можно утверждать, что прорывы и «разливы» цивилизации в истории осуществлялись именно империями. Несомненен цивилизационный вклад Римской империи, в Новое время великие культуры оставили Британская империя, империя Габсбургов. Недолгий век наполеоновской империи оставил заметный вклад: от распространения метрической системы и «кодекса Наполеона», легшего в основу ряда европейских конституций, до правостороннего движения, введенного Бонапартом в пик Британии. Даже империя Чингизидов оставила после себя не только несколько долговременных династий с определенной системой государственного управления, но и эффективную систему почтового сообщения на просторах Евразии.

Кроме того, поверхностной выглядит дилемма «империи — национальные государства». С точки зрения идентичности, культуры все империи, включая дореволюционную Россию и СССР, уже были в той или иной степени национальными государствами со своей национальной идентичностью в плане отождествления личности и ее судьбы с империей (в гражданском, или хотя бы подданническом смысле). Для государства-нации, для государственного национализма и для национально-государственного

самосознания форма государства — империя, федерация, унитарное государство — не важна.

Империи и толерантность. В постимперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению, гуманитарного развития, личностной реализации. Не случайно М. Уолцер, один из крупнейших теоретиков современного либерализма, рассмотрев все исторические формы государственности, пришел к удивительному его самому выводу, что наиболее толерантными из них были империи. В империях представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и прочие карьеры, которые просто немыслимы в условиях национальных государств. Таким образом, тема толерантности, еще на стыке веков привлекательная и оказавшаяся столь плохо продуманной, является производной от процесса глобализации и может получить новую глубину и практическое наполнение именно в контексте постимперской политической культуры.

Империи и глобализация. Претензия имперской экспансии на глобальные масштабы позволяет рассматривать их как глобалистские проекты, претендующие на общечеловеческую универсальную культуру, выступают ростками («пробами пера») глобализации, создавая надэтническую и надконфессиональную политическую культуру.

Тем самым открываются новые перспективы рассмотрения самой глобализации, ее содержания с точки зрения имперской культуры. Это тем более актуально в настоящее время, когда новые национальные государства (не только «неудачные») остро нуждаются в наднациональном патронаже для своего социального и экономического развития. В этой связи сама глобализация приобретает несколько иной смысл и глубину: как выход к общемировому цивилизационному «фронтиру». Неинтегрированные на этом уровне страны и народы оказываются на обочине мирового развития. Речь идет не столько об экономике и технологиях, сколько именно о социальном развитии и качестве жизни. Следовательно, именно особенности имперской и постимперской культуры оказываются ключом к пониманию современной ситуации.

Имперская культура как колыбель и background либерализма. В связи с изложенным становится особенно понятно

то, почему либерализм вызрел и развился именно в контексте имперских культур Британии и Франции. США взяли этот комплекс идей уже в качестве «готового продукта».

Как уже отмечалось выше, социальной базой формирования и продвижения идей и ценностей либерализма является прежде всего научная среда. И дело даже не в исторических реалиях, таких как связь либерализма с философией позитивизма и утилитаризма. Сами эти реалии порождены глубокой и интимной укорененностью идей свободы и ответственности в научной деятельности. Нетрудно заметить, что само построение мировоззрения либерализма строится в нормативно-ценностной системе, близкой имперской: главенство закона, признание многообразия и терпимости к нему в рамках этого закона. Кроме того, не следует забывать, что и сама наука для своего развития предполагает мощные ресурсы, которые могли дать только империи.

Все это, кстати, было весьма наглядно продемонстрировано на примере правозащитного движения в СССР. Научно-техническая интеллигенция по данным авторитетных и обстоятельных социологических исследований в советское время была наиболее продвинутой («опережающей») социальной группой. Практически все социально-культурные нововведения (от авторской песни до оздоровительного движения и от самиздата до видео) инициировались и осуществлялись научными и инженерно-техническими работниками, занятыми в производственной сфере. Свободомыслие в этой среде было наиболее аргументировано, рационально, позитивистски ориентировано, в наибольшей степени тяготело к классическому либерализму, выдвинуло такие яркие фигуры общенационального масштаба, как В. С. Есенин-Вольпин, А. Д. Сахаров, С. А. Ковалев. Недаром значительное число нынешних успешных предпринимателей являются выходцами именно из этой социальной группы. К сожалению, в интересующем нас плане, постперестроечные реалии лишили эту социальную среду ближайших перспектив — оказались подорванными сами физические условия существования этой среды, которая могла стать основой действительного возрождения страны с опорой на интеллектуально-нравственный потенциал, имевшейся критической массы социальной базы реформ, оставшейся невостребованной.

Немалый интерес представляет опыт реализации модернизации и создания новых государств с опорой на постимперскую политическую культуру — так же, как и опыт игнорирования этой роли.

«Феномен Эспаньолы» был детально описан Л. Харрисоном¹, В России этот остров Эспаньола известен как Гаити, на котором расположены два государства: Республика Гаити и Доминиканская Республика. Остров один и тот же, климатические условия те же, обе страны щедро одарены плодородными землями, сельское хозяйство долгое время базируется на одной и той же культуре — сахарном тростнике, на плантациях которого трудились рабы, завозимые из Африки. Этнический состав населения обеих стран фактически один и тот же. Независимости обе страны добились в XIX столетии практически одновременно. Гаити — бывшая французская колония, Доминикана — испанская. В первой половине XIX в. Гаити была гораздо сильнее и богаче Доминиканы, однако сегодня это самая бедная страна Западного полушария, заметно уступающая в развитии своей соседке.

Анализ показывает два решающих обстоятельства столь разительных отличий. Во-первых, доминирование в Гаити анимистической религии вуду, завезенной рабами из Африки в отличие от католической Доминиканы. И во-вторых, жестокое обращение с рабами в Гаити французских плантаторов и администрации, после ухода которых политические режимы в Гаити тоже не отличались гуманизмом — достаточно вспомнить таких многолетних диктаторов как Ж. — Б. Аристид и Ф. Дювалье. Политический режим в Доминикане был более мягкий, плантаторы нередко жили в одних домах с работниками. Именно эти социально-культурные факторы, в конечном счете и привели одну страну к превращению в одного из главных мировых поставщиков тростникового сахара и туристический центр, а другую — к национальной катастрофе.

Не менее показателен компаративистский кейс «Сингапур — Шри-Ланка». Цейлон, получивший при достижении независимости название Шри-Ланка, был любимой жемчужиной в короне Британской империи. Британия «сда-

вала» этот райский уголок «под ключ». Сингапур получил независимость в составе Малайзии. И этнически однородная (малайцы) мусульманская Малайзия с удовольствием отбросила депрессивный ошметок Сингапур — гиблый бесперспективный порт, экологическую клоаку, жители которого представляли несколько разрозненных этносов: конфуцианских китайцев, мусульман малайцев, индусов и небольшое количество христиан. Ключевую роль в истории Сингапура сыграл его первый премьер-министр Ли Куан Ю, правивший в стране с 1959 по 1990 г., т.е. 31 год¹.

«Негативный потенциал» Сингапура был очевиден: разрозненное этнически и конфессионально население; отсутствие ресурсов — все привозное, даже вода; жуткая экология; бесперспективный порт.

Ли поставил задачу *создать новую нацию, способную выйти к цивилизационному фронтиру*. И за 30 лет была создана мощная экономика города-государства, страна совершила скачок от страны третьего мира до высокоразвитой страны с высоким уровнем жизни. И теперь в сингапурскую идентичность входят мощная развитая экономика, передовые технологии, высокий уровень качества жизни и охраны окружающей среды — образец современной урбанистической цивилизации. Такой результат получен за счет ставки на конфуцианские ценности и на культурное наследие Британской империи: на британское законодательство, английский, взятый в качестве государственного и административного языка — вплоть до полного перевода на него системы образования. Это решение Ли объяснял тем, что если этого не сделать, мы в образовании сразу будем отставать минимум на полтора десятилетия. Лучшие студенты направлялись на учебу при господдержке в вузы Британии и США. В экономической политике был отдан приоритет высоким технологиям. Американские ТНК заложили фундамент масштабной высокотехнологичной промышленности Сингапура

Сегодня Сингапур — финансовый и торговый центр Юго-Восточной Азии. Всячески, в том числе через увеличение налогов на жилье, сдаваемое в аренду, поддерживается приобретение и строительство гражданами собствен-

¹ Харрисон Л. Главная истина либерализма : Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М. : Новое изд-во, 2008.

¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира — в первый. М. : МГИМО, 2005.

ного жилья. И, наконец, национальной идеей стала чистота. Запрещались жвачки, неряшливость в одежде, даже одно время — длинные прически. Суровые наказания следовали даже за неправильное пользование туалетом. Брошенные окурки, жвачка карались штрафами до тысячи с лишним долларов. Если у нарушителя не было таких денег, он их отработывал на уборке города. И результат был получен — в течение полутора десятков лет из нескольких этносов была создана новая нация.

В благословенной Шри-Ланке вектор развития оказался противоположным. Введение в качестве государственного сингальского языка не только существенно затормозило подготовку квалифицированных специалистов, но и дало толчок противостоянию сингалезцев и тамиллов, приведшему к затяжной и разрушительной гражданской войне, правительственной чехарде. И в настоящее время Шри-Ланка представляет собой глубокую периферию мировой экономики.

Показателен и опыт Израиля — одна из успешных попыток реализации проекта создания политической нации. Утопическая сионистская идея Герцля и Вейцмана о создании государства Израиль не была принята и до сих пор не принимаются ортодоксами иудаизма, полагающими, что создание Израиля — дело грядущего пришествия Мессии. Еврейская эмиграция со всего мира стремилась в США и Канаду. В Палестину заезжали считанные тысячи. Решающую роль сыграли Холокост, когда в Европе из 7,5 млн евреев погибли 6 млн и послевоенный отказ ряда стран принимать обратно евреев из лагерей перемещенных лиц. Получалась одна дорога — в Палестину. Сионистский проект получил неожиданную мощную дополнительную внешнюю поддержку со стороны СССР: Сталин увидел в создании еврейского государства именно в Палестине контригру против Британии и США в борьбе за сферы влияния на нефтеносном Ближнем Востоке. Если бы не Холокост и поддержка Сталина, решение Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г. не состоялось бы.

Но принципиальное отличие Израиля от США и Сингапура в этничности государственной идеи. По сути дела, это попытка создания государства на этнической основе в реальной ситуации принципиальной полиэтничности и поликонфессиональности, конгломерата культур и этно-

сов — как в пространстве, так и во времени: храмы греко-православные, русской православной церкви и зарубежной русской православной церкви, коптские, бенедиктинские и францисканские... — все рядом, в одном городе, на одной улице. Стены храмов одной религии из камней храмов другой. Шесть христианских конфессий в храме Гроба Господня, который отпирает и закрывает мусульманин из той семьи, которой это было поручено еще Саладином 800 лет назад. Тот принял это мудрое решение, справедливо предвидя, что иначе греки, католики, копты, ассирийцы и прочие передерутся из-за прав на святыню. И это при специфике еврейства, различающемся даже не столько на ашкенази и сефардов, сколько на ортодоксов, светских и бывших советских и постсоветских граждан. Причем всех возрастов.

В такой ситуации эффективной может быть только власть надэтническая и надконфессиональная. Османская и Британская империи с этим справлялись. Недаром до сих пор в Израиле пользуются турецкими законами на недвижимость. И Израиль, в принципе, неплохо осуществляет функции имперской власти. Но беда в том, что при этом одновременно (конституционно!) является этническим государством. Отсюда и все проблемы Израиля — как бывшие, так и будущие.

Во всех рассмотренных случаях речь идет о нетривиальной роли и значения имперской и постимперской культур в становлении и развитии современного общества: США и СССР с различным успехом реализовывали проекты надконфессиональной и надэтнической государственной власти и соответствующей политической культуры. В Гаити и Доминикане сказалось различное колониальное культурно-историческое наследие. Сингапур является примером успешного освоения постимперского политического опыта, а Шри-Ланка — образчик негативных последствий отказа от этого опыта. В свою очередь, Израиль — пример вынужденного воспроизводства такого опыта.

Можно говорить о нескольких смыслах постимперской и соответствующей политической культуры.

1. Прежде всего, это культурно-историческое наследие, обладающее достаточно длительной по историческим меркам инерцией, сказывающейся на развитии общества после ухода с исторической арены самой империи как формы

государства. Чрезвычайно показательны и поучительны в этом плане результаты исследования содержания идеи европейскости, представленной в докладе Совету Европы и которую авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир: рыночная экономика, роль права и правосознания, включая права человека, мультикультуральность, толерантность, вера в исторический прогресс и пр.

2. Кроме того, можно говорить о постимперской фазе мирового развития. И современная постимперскость двойственна. Это и кризис традиции, и стремление выхода к новому глобализированному фронтиру цивилизации. Нации-лидеры и слабые («несостоявшиеся») государства устремлены к новой интеграции. В условиях глобализации империи становятся невозможными политически. Однако сама культура глобализированного мирового сообщества имеет отчетливые черты, свойственные именно культурам имперского типа. Мир активно входит в новое политическое структурирование.

Помимо интеграции финансовых и товарных рынков, ТНК, формирования наднациональных политических и военных союзов, организаций, альянсов, формируются «над» и «сквозь» государственные общественные организации: Greenpeace, Врачи без границ, Amnesty International — всего таких организаций уже более 5000, и они успешно оказывают влияние на политику национальных государств, международные решения. Все более проявляются очертания мирового гражданского общества. Интернет и мобильная связь, бизнес, гуманитарные связи порождают все возрастающее число «граждан мира», способных к успешной самореализации и востребованности на рынке труда практически в любой стране. Такая «пара-имперская» идентичность наделяет личность не только некоей глобальной компетентностью, но и содействует толерантности, способности к конструктивному сосуществованию и даже партнерству с представителями других этносов, конфессий. Ведь толерантность — не просто политкорректность. И толерантность, и полкорректность предполагают наличие некоей супер-идентичности, примеры которой вырабатывал имперский политический опыт.

В обоих случаях раскрываются нетривиальные роль и значение постимперской культуры в развитии современного общества:

- несомненный конструктивный потенциал имперской и постимперской культуры, обладающей мощным потенциалом открытого общества и являющейся в этой связи соответствующим ресурсом инновационного развития;
- дополнительная жизненная компетентность и конкурентные преимущества;
- формирование новой элиты;
- толерантность;
- инновационность, модернизация.

Все это показывает важную историческую роль империй и имперской культуры, ее несомненный потенциал в плане модернизации и инновационного развития. В дальнейшем мы еще обратимся к примерам использования этого потенциала из недавней истории и настоящего.

7.4. Суверенитет, сецессия, сепаратизм

Суверенитет современных национальных государств находится под двойным давлением. С одной стороны, это глобализация и международные обязательства; с другой — проблемы экономического развития, обеспечения социальной справедливости и прав человека, миграция, угрозы голода и нищеты, экология и смертность, этнические конфликты. В определенном смысле современные национальные государства как собственники стратегических ресурсов и центры принятия суверенных решений в условиях глобализации предстают переходной политической формой, что заставляет переосмысливать понятие государства и нации, вновь и вновь возвращаться к истокам.

Традиционное понимание легитимности государственной власти заключается в признании гражданами правомочности этой власти, добровольно подчиняются ей и поддерживают ее в ситуациях угрозы. На этом основана идея общественного договора Т. Гоббса и Ж. — Ж. Руссо конкретизировала эту идею гражданским согласием на основе истинности и справедливости законов, что, собственно, и послужило яacobинцам оправданием развертывания массового террора.

Идеи Великой Французской революции, ее лозунг «Свобода, Равенство, Братство» привлекательны до сих пор. Однако толкование этих идей и лозунговых ценностей в современной политической мысли существенно разнится. Либерализм делает акцент на свободе и равенстве граждан. Консерватизм — на общности людей по их этничности и культурной идентичности. Марксизм и неомарксизм настаивают на классовой солидарности, феминизм — на солидарности гендерной. Такие идеологические разночтения неизбежно сказываются на требованиях к суверенитету государства.

Когда оправдана делегитимизация власти? Согласно идее общественного договора его неисполнение нарушает баланс между гражданами и властью, лишая последнюю легитимности — вплоть до восстания и революции. И главное достоинство демократии с этой точки зрения состоит во встроенности «перманентной революции» в политический процесс: смена режима происходит легко и безболезненно в результате демократических выборов.

Однако попытки «экспорта демократии» почему-то не дают позитивного результата, порождая «гибридные режимы», в которых за внешним демократическим дизайном кроются совсем иные политические реалии. Да и сами выборы в таких странах проходят под контролем власти, выполняя чисто декоративные функции. И примеров тому много.

Насколько оправдан и необходим суверенитет в современном глобализованном мире? С реалистической точки зрения суверенитет — вопрос самоопределения. Внешняя политика выражает интересы государства, и в международных отношениях нет места морали. Например, Саудовская Аравия не подписывает Декларацию прав человека и не собирается это делать, не признавая надгосударственные нормы.

Согласно коммунитаризму (М. Уолцер, Л. Фрост) государство имеет право на суверенитет, если обеспечивает право человека и помощь развитию без насилия и угнетения. В этом русле примерно с 1970-х гг. развивается внешняя политика США и стран НАТО, приводя к достаточно неоднозначным последствиям, вроде войны в Югославии, Ираке, Афганистане, ситуации после арабской весны 2012—2013 гг.

С позиции космополитизма (Ч. Бейц) аморален суверенитет государств, попирающих права человека, допускающих голод и разрушение окружающей среды. Должно ли мировое сообщество игнорировать такое положение дел? А бедные страны, ждущие и даже требующие помощь от богатых — согласятся ли они на вмешательство богатых стран в их внутренние дела?

В современных условиях новое содержание приобретает теория и практика сецессии — отделения части государства, в результате утраты его легитимности для части граждан. Обычно сецессия реализуется в форме сепаратизма — обособления части государства и создание нового государства или автономии.

У сепаратизма может быть несколько источников... Во-первых, религиозные, мировоззренческие, идеологические расхождения. Так, за 2000 лет христианства возникло 66 общехристианских сект и ересей, включая девять католических, 27 протестантских (и 33 толка), 30 православных (и 90 толков), в том числе два старообрядческие (и 62 толка).

Например, старообрядцы:

- отрицали государство и его представителей, как воплощения Антихриста и его слуг;
- отказывались от военной и государственной службы, относясь к присяге, флагам, гербам как идолопоклонству;
- отказывались от выполнения распоряжений, уплаты налогов, суда, других повинностей;
- расценивали торговлю, банковское дело, финансовые операции как несправедливый труд;
- активно боролись против несправедливости и несправедности — вплоть до грабежа и убийства богатых;
- воспринимали официальную церковь как блудницу и невесту Сатаны, отрицали таинства и иконы, соблюдали непрерывный строгий пост;
- практиковали образование этно-конфессиональных групп, поселений, заключение браков внутри таких групп;
- отказ от техники, электроприборов.

Однако такое радикальное неприятие государственной власти фактически выход из-под его юрисдикции не приводило к сепаратизму. Вместе с тем английские пуритане выступили в качестве отцов — основателей США, реализовав свое неприятие британской короны.

Во-вторых, причиной сепаратизма (особенно в XIX—XX вв.) является противостояние имперскому владычеству. Именно в результате такого противостояния распались Оттоманская, Австро-Венгерская, отчасти Российская империи. 1960-е гг. вошли в историю как время распада колониальных империй Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Бельгии.

В-третьих, сецессия может быть связана с ликвидацией последствий прошлой аннексии или оккупации. Чаще всего за такое стремление приходится расплачиваться уже не самим оккупантам, а их потомкам.

В-четвертых, речь может идти о самозащите от агрессора или террора, например, геноцида. Эта причина обоснована в случае отсутствия провокации к агрессии и необходимости самообороны, как это было в случае восстания еврейского гетто в оккупированной гитлеровцами Варшаве, да и в целом положения евреев в Польше в 1941—1945 гг.

В-пятых, это явная дискриминация в распределении благ, государственных средств, налогов. Именно такие обстоятельства стимулировали «бостонское чаепитие», с которого началась война за независимость в США, сепаратизм в Стране басков (Испания), Биафре (Нигерия), советской Прибалтике.

Показательно, что во всех указанных случаях аргументация сторонников сецессии апеллировала прежде всего к морали и лишь отчасти к праву.

Таким образом, сепаратизм есть оспаривание суверенитета — полное или частичное. И опыт последних столетий показывает, что ни одно государство не является полностью суверенным. Во внутреннем плане суверенитет (и соответственно легитимность) постоянно находится перед вызовами со стороны прав человека, прав социальных меньшинств, малых народов, требований автономии... Во внешнем плане суверенитет обусловлен и ограничен соблюдением договоров с другими государствами, членством в международных организациях, союзах, соблюдением норм международного права.

Поэтому сепаратизм не сводится к национализму, реализации права наций на самоопределение. Хотя число этнокультурных групп в мире растет (к причинам этого процесса вернемся в следующих разделах), что потенциально ведет ко все большему политическому дроблению мира.

Число потенциальных наций превышает возможности и способы самостоятельной жизни государств. Возникающие слабые, а то и просто несостоятельные государства ищут защиты, покровительства, что в той или иной степени, но ограничивает их суверенитет. Ситуацию все более усложняет перемешанность этносов, мультикультуральность населения современных стран (особенно развитых), больших городов, привлекающих мобильных граждан других стран рабочими местами, качеством жизни. Сецессия всегда конкретна, ее успех зависит от расстановки конкретных социальных сил.

Применять ли силу против сепаратистов? Обычно, по крайней мере, на первых порах проявления таких настроений, а тем более активных действий, государство оправдывает применением силы стремлением к «преодолению анархии», «обеспечением стабильности», «восстановлением порядка» и пр. Используются ссылки на международную норму сохранения территориальной целостности, на конституционные барьеры сецессии.

Часто применение силы против сепаратистов оправдывается интересами большинства населения страны. Нередко, избегая конкретную аргументацию, ограничиваются просто сохранением status quo. Поэтому именно отделяющаяся сторона должна аргументировать сецессию.

Социально-экономическое развитие ведет к переходу от авторитарного, ксенофобского мировоззрения, связанного с ценностями выживания, ко все более толерантному и демократическому мировоззрению, связанному с ценностями самовыражения. Этот процесс чреват серьезными внешнеполитическими последствиями. Так, эффективная полноценная демократия не может быть импортирована или внедрена волевым усилием политической элиты и ее лидеров. Она прочно укоренена в общей системе факторов человеческого развития, когда модернизация в своих экономических успехах связывается с растущей значимостью самовыражения в массовом сознании и закреплении этой значимости в социально-политических практиках и институтах.

Определенную роль при этом играет международная обстановка и поддержка или другое вмешательство из-за рубежа. Так, отказ внешних сил от поддержки авторитарных режимов при наличии в этих странах критической

массы социальных сил, ориентированных на человеческое развитие, чаще всего приводит к смене курса на демократическое развитие, как это было в странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Аналогично в демократической модернизации стран Центральной и Восточной Европы решающую роль сыграл отказ политического руководства СССР во главе с М. С. Горбачевым от силовой поддержки социалистических режимов в этих странах. А в успешной модернизации европейских стран после Второй мировой войны немаловажную роль сыграли план Маршалла и обеспечение их безопасности силами НАТО, ключевую роль в котором играли опять же США. Сказалась американская поддержка и на демократическом развитии Японии, Южной Кореи, Тайваня. Однако опыт советского и американского вмешательства в Афганистане, американские попытки «демократизации» Ирака показывают важность готовности критической массы социальных сил страны к новому этапу развития, принятия предлагаемых институтов, понимания сущности их работы.

Провести выборы нетрудно, но построить стабильную демократию в условиях высокого уровня жизненной незащищенности совсем не легко. Стабильная и эффективная демократия, как правило, возникает в процессе человеческого развития, отправной точкой которого является экономическое развитие, порождающее культуру толерантности, взаимного доверия и акцент на самостоятельности личности. И пока значительная часть населения не ощущает гарантированной физической защищенности, расцвет демократии вряд ли возможен. Так, война с террором не увенчается окончательной победой, пока в жизни значительной части населения планеты преобладает отчаяние от собственных бед и осознание того, что во многих других странах люди живут несравненно благополучнее. Это подпитывает рессентимент, ощущение того, что мир устроен несправедливо, и создает условия, позволяющие экстремистам-демагогам манипулировать людьми, внушая им ксенофобскую идеологию. Истребление ни в чем неповинных людей, к которому призывают террористы, — это противояственная идеология, противоречащая основным традициям ислама, включающим толерантность, щедрость и гуманизм. Однако гнев и отчаяние создают питательную среду для экстремистских идеологий.

Побороть бедность в мировом масштабе можно. Китай и Индия — в двух этих странах проживает 40% населения планеты — сегодня превращаются из бедных стран, где люди едва обеспечивали себя средствами к существованию, в государства, граждане которых могут чувствовать себя относительно защищенными в материальном плане. Такой же цели способны добиться и другие бедные страны. Необходимые для этого ресурсы в мире есть: суммы, относительно небольшие по экономическим меркам богатых стран, способны радикально изменить ситуацию в государствах с низкими среднедушевыми доходами. В рамках программы ООН «Цели развития тысячелетия» богатые страны установили целевой показатель выделения помощи в целях развития в размере 0,7% своего ВВП. Если бы это обязательство выполнялось, то искоренения крайней нищеты, обеспечения всеобщего начального образования в масштабах планеты, достижения гендерного равенства и других важных прогрессивных сдвигов можно было бы добиться в течение 15 лет. Однако на практике развитые страны выделяют обещанные средства далеко не в полном объеме.

Так, если Норвегия в 2003 г. выделила почти 1% ВВП, то США — лишь 0,15%, т.е. намного меньше, чем другие страны ОЭСР¹. Сегодня американское государство ежегодно тратит 405 млрд долл. на военные нужды, а его граждане — 60 млрд долл. на алкогольные напитки: при этом официальная помощь в целях развития, предоставляемая менее развитым странам, составляет всего 3 млрд долл. Страны Европейского союза расходуют на субсидии своим сельхозпроизводителям 350 млрд долл. в год, и основная часть этих средств достается крупным агрофирмам. Уже сам отказ от этих субсидий представлял бы собой серьезную помощь бедным аграрным странам, позволив им зарабатывать столь необходимую валюту.

Печальная истина заключается в том, что в прошлом значительная доля помощи в целях развития впустую тратилась на бессмысленные «престижные проекты», с помощью которых люди, находившиеся у власти, укрепляли лишь собственные позиции. «Цели развития тысячелетия», сформулированные ООН, основаны на ином подходе, и это

¹ Организация экономического сотрудничества и развития.

внушает оптимизм. Они носят реалистический характер и направлены на решение самых насущных проблем, имеющих ключевое значение с точки зрения эффективного развития, предоставляя простым людям возможность самостоятельно определять свой жизненный путь.

7.5. Глобализация и разнообразие культур: перспективы современной цивилизации.

«Диалог культур», «цветущее разнообразие культур», «культурная интеграция» — красивые метафоры. Но культуры диалогов не ведут. Они не задают вопросов. Каждая культура самодостаточна, нормативна и дает ответы на все вопросы. Задавать вопросы и вести диалоги способны только люди — носители определенных культур и способные выходить за их рамки.

Другое дело, конфликт культур, о котором в новейшее время наиболее весомо и убедительно писал С. Хантингтон. Действительно, культуры могут быть причинами недоразумений и конфликтов между: отдельными людьми, группами, государствами, цивилизациями (определяемыми религией и языком).

Межэтнические и межконфессиональные конфликты наиболее ожесточены. Это не конфликты интересов, которые могут быть разрешены. Чаще всего межкультурные конфликты не разрешимы в принципе, потому что это конфликты на уничтожение: «не просто мне не нравится что и как ты делаешь, а мне не нравится все, что бы ты не делал — по простой причине — мне просто не нравишься ты сам, и я хочу, чтобы тебя просто не было».

Однако по мере развития глобализационных процессов, культуры и цивилизации приходят ко все более плотному взаимодействию. Сама глобализация нередко рассматривается как торжество христианской по истокам европейской цивилизации в ее наиболее успешном — американском — исполнении.

Действительно, цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы неспроста произошел именно в христианской Европе. Практически все основные идеи и открытия, необходимые для такого цивилизационного старта уже

имелись в культурах Египта, Индии, Китая. Но прорыв произошел именно в Европе. Факторов, обусловивших это, великое множество, но есть главный, решающий — это «встреча Афин и Иерусалима», синтез двух великих идей: иудео-христианского монотеизма и греческой логики.

Так или иначе, но цивилизация, возникшая в лоне христианства, оказала существенное влияние и на другие культуры, связанные с другими религиями: исламскую, буддистскую, конфуцианскую, индуистскую, синтоистскую. Более того, эта многократная рецепция породила ряд цивилизационных альтернатив и перспектив. Некоторые из таких альтернатив и перспектив уже в ближайшее время потребуют достаточно внятную оценку, поскольку последствия их развития выглядят весьма нетривиально, если несерьезными вызовами и испытаниями европейской цивилизации.

Важно учитывать одно нетривиальное типологическое различие. Речь идет о различии в зависимости от религиозно-мировоззренческого фактора и соответствующей религиозной ментальности, субъектных и бессубъектных культур. К первым относятся западное христианство, православие и иудаизм. Ко вторым — ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство и синтоизм.

Роль монотеизма в становлении европейской науки хорошо известна. В роли субъектных конфессий в оформлении идеи субъекта познания выделяется значение идеи равносущной Троицы, обусловившей идею доступности человеку трансцендентному. Субъект христианского монотеизма выделен из космоса и противопоставлен природе, но способен к их познанию. Гносеологическое основание в вере в абсолютное трансцендентное начало, в сопричастности этому началу имеют не только наука и мораль, но и активизм европейской культуры, и их следствия, включая тотальное насилие, глобализацию, проблемы экологии.

Кроме того, по мнению В. В. Можаровского, именно иудаизм и христианство ответственны за формирование бессознательного как феномена психики. С этой позиции фрейдизм — не наука и не некая технология овладения эффективными методами, трансформация комплекса запретов, сформулированных в Торе и Ветхом завете. Речь идет о таких заповедях, как «чти отца своего», «не убий», «не прелюбодействуй», «не кради», «не лжесвидетельствуй»,

«не возжелай дома, жены ближнего». Любая культура формирует личность, переделывает ее с помощью установления неких пределов, запретов, табу. Но заповедей подобно тем, которые содержатся в Пятикнижии, нет в язычестве. Так же, впрочем, как нет и автономной от космоса души. В традиционных обществах прелюбодеяние, воровство, убийство и пр. — признаки удачливости, они не табуируются. Введение же ветхозаветных заповедей породило психические феномены: вытеснение либидозности, эдипов комплекс и др. Иначе говоря, первобытное общество, язычество не знают бессознательного. С этой точки зрения юнгианство оказывается укорененным в протестантизме, а творчество Ф. М. Достоевского — формулировкой православной идеи бессознательного.

Бессознательное — иррациональный коррелят рационализма, компенсация за приобретения рациональности (наука и техника), укорененные в догматической сфере. Как, например, все плоды и достижения субъектной цивилизации, ее технологии, механизмы неестественны и разрушаются в мире натуральных вещей, так и сам субъект, сам человек монотеизма весьма неестественен и затрачивает огромные усилия для поддержания своего статуса в природном мире. Он находится в таком постоянном внутреннем напряжении, которое, возможно, не было присуще язычникам. Так, в язычестве нет проблемы сексуальных маньяков или суицида, составляющих целый пласт современной западной культуры. Можно сказать, что сама проблема бессознательного актуализируется лишь тогда и там, когда и где утверждается догматическое мышление. Также и экономические проблемы возникают только при реальном воплощении установок монотеизма через постулаты «догматических» положений науки.

И этот результат развертывания христологии — сердцевины христианства, выраженной в новозаветных текстах, похоже, является источником грядущих метаморфоз и открытий нравственности и права. Идея свободы как ответственности, будучи укорененной в христианской культуре, привела к своеобразному оборачиванию метода.

Атака Аль-Каидой Всемирного торгового центра в Нью-Йорке; затянувшееся противостояние в Ираке и Афганистане; приход к власти агрессивных режимов в Иране и Палестине; активность исламского фундаментализма

в Алжире и Турции, Северном Кавказе, Средней Азии и Индонезии; парижская осень 2005 г.; всемирная «война карикатур» в феврале 2006 г. — этот ряд событий очень убедительный для выводов типа «ислам проснулся», «невидимый халифат действует» и т.п. Всплеск исламской экспансии оказался неожиданным для большинства политиков и экспертов, очевидно, ожидавших после крушения «империи зла» торжества демократии, политкорректности, мультикультурализма и толерантности в рамках единых экономических, информационных, культурных и политических «пространств». Ф. Фукуяма, сделавший имя на тезисе о наступившем к началу 1990-х гг. «конце истории», вынужден с 2006 г. говорить об определяющей роли различных политических культур¹. А большинство политиков, не говоря уже об обывателях, открыто заявляют о прямом вызове, брошенном оказавшимся удивительно единым исламским миром миру христианскому, оказавшемуся не готовым к выработке единой позиции перед лицом этого вызова.

Для уяснения смысла противостояния можно воспользоваться моделью, предложенной в 1994 г. Э. Геллнером в связи с выявлением им источников и перспектив гражданского общества. Для Геллнера главным было различие между христианством и исламом в плане поляризации «энтузиазма» (порывов духовного опыта к трансцендентному, к внебытийным и добытийным началам бытия) и «предрассудков» (бытовой ритуализации)².

С этой точки зрения различие состоит в том, что, если в христианстве носителем «энтузиазма» выступала «периферия» (секты, ордена, раскольники), своеобразный культуральный «низ», тогда как «верх», «центр» (папство, патриаршество) выступал носителем терпимой ритуальной консолидации, то в исламе обратная ситуация. Там всегда носительницей «энтузиазма» выступала «умма» образованных книжников, тогда как ритуальное бытовое разнообразие накапливалось и довольно мирно существовало на «низовой периферии».

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

² Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.

В этой ситуации секуляризация христианской цивилизации породила такие социальные институты, как гражданское общество, демократия, правовое государство, обеспечивающие довольно мирное сосуществование носителей различных взглядов. Прорывы «энтузиазма» обычно затухали, достигнув пределов «национализма». Исламская культура в таких институтах просто не нуждалась.

Ситуация радикально изменилась в результате глобализации, формирования в исламских странах урбанистического образа жизни, освоения современных информационных технологий, формирования массового общества и массовой культуры. «Прорывы в иное» духовных лидеров, дающие объяснение и утешение обездоленным, слились в едином надгосударственном мощном порыве «энтузиазма». Получилось что-то вроде накачки лазера, за которой последовал импульс мощного излучения, а средством этой «накачки» оказались плоды европейской цивилизации: наука, техника, СМИ и т.д.

Структурные синхронические различия двух монотеизмов, двух мировых религий, определяющих «осевое время» мировой истории, перешли в параметры диахронические, характеризуя различные стадии развития. Иудео-христианская цивилизация оказалась в статично-оборонительной позиции, тогда как исламская приобрела качественно новую энергетику развития, перейдя в фазу «горячего» общества. Причем общества надэтнического, претендующего на глобализм.

Любопытна в этой ситуации история с «реальным социализмом» — попыткой реализации коммунистической доктрины, восходящей к марксизму и традиции утопического социализма. Фактически речь идет о «монотеистическом вывихе», попытке построения «Царства Божьего» на земле, т.е. построения идеального и разумного общества справедливости при отказе от трансцендентного сакрального плана бытия. Эксперимент этот закончился печально. Причины неудачи уже вскрыты и неоднократно обсуждены. Важно отметить две вещи. Во-первых, то, что одной из причин краха стало противоречие декларируемых целей и результатов, недовольство отсутствием гражданских прав и свобод. Во-вторых, важно, что за крахом тоталитарного государства не последовали формирование гражданского общества и экономическое развитие, что оттолкнуло насе-

ление от идей демократии и либерализма и создало условия для политической манипуляции и нового авторитаризма.

Как бы то ни было, но несколько неожиданно «плодами цивилизации», результатами реализации проекта гуманистического Просвещения воспользовались другие. Европейская цивилизация своими руками, в результате собственной экспансии, стоившей ей много сил и жизней, создала себе «преемника» (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Историческая динамика «глобальных» проектов политических культур

Монотеизм	«Предрас-судки», традиция, терпимость	«Энтузиазм», духовные прорывы в трансцендентное «иное бытия», важные для продвинутых интеллектуалов и дающие утешение слабым, нетерпимость	Современность: в условиях массового общества, урбанистической среды, современного производства, СМИ, массовой культуры, современных информационных технологий
Христианство	«Центр»/«верх» (папство, патриаршество)	Местные пуританские сообщества (протестантизм, ордена, секты, староверы)	Десакрализация, секуляризация, гражданское общество, демократия, толерантность
Ислам	Местные сообщества	Умма	Сакрализация, трансляция и торжество пассионарной уммы
Коммунизм (реальный социализм)	Отождествление экономики, политики и идеологии	Отказ от трансцендентного, цезарепапизм	Крах, разочарование в несуществующих гражданском обществе и демократии, запрос на идеалы и «сильную руку»

Дело, однако, не ограничивается «исламским вызовом» и угрозой «нового халифата». Фактически это лишь внутренний конфликт в рамках монотеистической традиции. В современном мире существует еще целый спектр цивили-

лизационных вызовов, связанных, например, с нравственными установками по отношению к проблемам генной инженерии и прочих биотехнологий. В принципе, можно обозначить две крайние позиции в качестве своеобразных «полюсов», между которыми размещаются все прочие.

Наиболее жесткую этическую и правовую позицию занимает Германия и большинство других стран континентальной части Западной Европы. Западная Европа, *Abendlandes* является колыбелью современной цивилизации, выросшей в лоне катафатической ветви христианства. Западная Европа является также родиной наиболее сильных организованных экологических движений, а в некоторых странах, особенно в Германии («зеленые»), они давно уже входят в политический истеблишмент. И осторожность, даже враждебность по отношению к биотехнологиям является одним из программных принципов.

Другой конец спектра составляют многочисленные азиатские страны. Эти общества, в силу религиозных, культурных, а значит и исторических обстоятельств куда менее озабочены этической стороной биотехнологий. Такие великие религии Азии, как конфуцианство и буддизм не знают идеи трансцендентного Бога. В конфуцианстве речь идет о почитании культа и заветов предков, а в буддизме каждый может стать Буддой, т.е. просветленным. И та, и другая религия бессубъектны. Столь же бессубъектны даосизм, синто и бон, которые наделяют духовными качествами животных и предметы. Буддизм объединяет людей и создания природы в единый космос без качественных границ.

Все эти традиции не проводят резких этических различий между людьми и прочим миром. Столь же бессубъектен и индуизм, в котором человеческая жизнь может цениться меньше жизни животного. А если сюда добавить еще и монотеистический, но также бессубъектный ислам, то становятся ясными масштабы «нравственного вызова» европейской цивилизации. Наверное, к этой же альтернативе можно отнести и африканский регион, север которого составляют страны ислама, а «черная Африка» является христианской и исламской достаточно поверхностно и условно. Языческие культы чрезвычайно распространены в странах экваториальной Африки.

Этим культурам свойственно намного большее сочувствие животным и растениям и существенно меньшая зна-

чимость человеческой жизни. Во многих регионах Азии широко распространены аборт и даже инфантицид, особенно по отношению к младенцам женского пола (Китай). Правительство КНР проводило официальную политику ограничения рождаемости, а в 1995 г. приняло евгенические законы. В том же Китае официально разрешено изъятие органов у осужденных к смертной казни и использование их тел для самых различных целей, включая «художественные». Для первых «пластинатов» немецкого «скульптора» Г. фон Хагеса использовались тела казненных граждан КНР.

Промежуточную позицию между Европой и Азией занимают англоязычные страны, Латинская Америка, страны Восточной Европы. США и Великобритания, в силу либеральных традиций, всегда скептически относились к государственному регулированию, в том числе — науки. Но и американское общество начинает раскалываться сторонников консервативного подхода и ограничений биотехнологий, вплоть до запретов на аборт. А Соединенное Королевство, пережившее шок от потерь в связи с «коровьим бешенством» (бычьей губчатой энцефалопатией), оказалось родиной самого мощного протеста против генетически модифицированных организмов и биотехнологий в сельском хозяйстве.

Таким образом, мир все более поляризуется. Огромный азиатский регион, переживающий бурный экономический рост, не испытывает никаких правовых и нравственных ограничений на определенные технологии. Некоторые из этих стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур) обладают необходимой научной и технической инфраструктурой. Кроме того, у них имеются мощные экономические стимулы завоевать свою долю рынка биотехнологии. Ужесточение европейского и американского законодательства по ограничению биотехнологий уже активизировало отток соответствующих научных, технических и финансовых ресурсов в азиатский регион. Поэтому в будущем биотехнология может оказать значительное влияние на международную политику.

В нынешнем мире противостояние господствующему миропорядку со стороны бессубъектных культур выглядит как «геополитический вызов цивилизации». Хотя последствия этого процесса трудно установить и оценить заранее,

общие направления наметившихся глобальных изменений можно проследить в общих чертах, исходя из нормативно-ценностных установок соответствующих культур.

По мере того, как численность носителей бессубъектных культур, а значит и население соответствующих государств, стремительно возрастает, тогда как население субъектно-ориентированных общностей сокращается, эта проблема приобретает настолько рельефную форму, что уже проглядывает возможное расслоение человечества по религиозно-ментальному принципу. Перспектива такого расслоения, похоже, будет определять политическую ситуацию ближайших десятилетий. Дело не ограничивается противостоянием ислама и христианства. Экономически развитый иудео-христианский Запад сталкивается с экономической, технологической и демографической экспансией бессубъектных цивилизаций. Альтернативой такому противостоянию может быть некий «синтез», поиск оснований которого становится чрезвычайно актуальной задачей.

Вопросы для обсуждения

1. Какую роль играет символический капитал в формировании легитимного государства?
2. Объясните, почему развитие институтов является частью более общего — человеческого развития? Какие существуют противоположные этому концепции?
3. Почему с индустриализацией экономика выходит на первый план и политика начинает рассматриваться как «концентрированное выражение экономики»?
4. Почему сложно построить стабильную демократию в условиях высокого уровня жизненной незащищенности? Существуют ли противоположные примеры?
5. Почему империи — это «проба пера» глобализации? Приведите примеры.
6. Как влияет постимперская культура на развитие современного общества?
7. Какие существуют источники сепаратизма? Как связан сепаратизм и сецессия?
8. Насколько обоснована традиционная трактовка глобализации как торжества христианской по истокам европейской цивилизации в ее наиболее успешном — американском исполнении?
9. Как соотносятся реализация права наций на самоопределение и суверенитет?
10. Что означает культуральный релятивизм?

11. В чем заключается «геополитический вызов цивилизации»? Приведите примеры.

12. Сецессия — отделение части государства, в результате утраты его легитимности для части граждан. Проведите дебаты по поводу источников сепаратизма за последние 30 лет. Объясните, почему некоторые из этих случаев завершились сецессией, а другие — нет.

Рекомендуемая литература

Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Можаровский, В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики / В. В. Можаровский. — СПб., 2002.

Наследие империй и будущее России / под ред. А. И. Миллера. — М.: НЛЮ, 2008.

Уолцер, М. О толерантности / М. Уолцер. — М.: Идея-Пресс, 2000.

Харрисон, Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / Л. Харрисон. — М.: Новое изд-во, 2008.

Ясин, Е. Г. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры / Е. Г. Ясин, М. В. Снеговая. — М.: ГУ ВШЭ, 2009.

Motyl, A. Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires / A. Motyl. — N.Y., 2001.

Глава 8

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, НАЦИИ И ГОСУДАРСТВО

• Этносы и нации • Национальная идентичность • Нации и национализм • Наднациональное и кросс-национальное в современной политической культуре.

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- различные подходы к понятиям «этнос», «нация» и «национальная идентичность»;
- основные методологические трудности работы с национальной идентичностью;
- различия и сходства этнического и гражданского национализма;
- специфичность наднационального и кросс-национального в современной политической культуре;

уметь

- объяснять различие между понятиями «нация» и «этнос»;
- использовать примордиалистскую и конструктивистскую точку зрения для объяснения феномена нации;
- объяснять влияние советской национальной политики на перспективы российского национализма;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - навыками анализа политической культуры, наций и государств в рамках политической философии;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

На политической картине мира, сложившейся в эпоху Модерна, доминирует норма, согласно которой государства «конституируются» нациями. Нации следует отличать от этносов (греч. *ethnos* — народ, племя, род) — общностей людей, объединенных биологическим происхождением (включая расу), языком, историей, религией, культурой, часто общей территорией проживания. Таким образом, происхождение этносов имеет природно-социальный характер. Раса, другие наследуемые признаки определяют происхождение. К этому следует добавить природные условия, среду, в которой возникает и развивается этнос. То, как этнос вписался в кормящий ландшафт, определяет его образ жизни, жильё, костюм, еду и способы приготовления, режим необходимого и свободного времени, взаимоотношения, обычаи — все то, что соотносится с культурой. Традиционные культуры носят этнический характер, будучи связанными именно с первичными формами социальной деятельности (сельское хозяйство, охота, собирательство). Городской образ жизни, помимо этнических культур порождает новые — профессиональные, досуговые, молодежные и пр.

В науке до сих пор отсутствует единство в подходе к определению этноса и этничности. В настоящее время понимание этноса и этничности во многом обуславливается противоборством сторонников *примордиалистского* (от англ. *primordial* — по происхождению) и *конструктивистского* подходов. Первые пытаются доказать устойчивость и основополагающее значение этноса по отношению к другим видам общностей и объединений, что этничность — эмоционально неизменный и фундаментальный аспект самовосприятия каждого человека. Вторые — отстаивают точку зрения о непостоянстве, искусственности и изменчивости подобных образований. Примордиалисты затрудняются объяснить историческую изменчивость этничности, а конструктивисты — устойчивость этносов на протяжении многих столетий.

Понятие «нация» (от лат. *natio* и *nativus*) первоначально также означало род, рожденный, родной, рождение, племя. Подобно *ethnos* в Древней Греции, *nation*, *nationes* в Древнем Риме употреблялось преимущественно в отношении других, чужих народов (племен, рас), которые противоп-

ставлялись римлянам (*civitas*). При этом, римские юристы отличали *право народов* (*jus gentium*), предназначенное для решения споров между жителями зависимых земель, а также инородцев, находящихся на подконтрольной Риму территории, от *цивильного права* (*jus civile*), распространявшегося на римлян.

Вопрос о происхождении наций, и даже о самом понятии нации до сих пор остается актуальным и острым. Упомянутые «примордиалистский» («органический») и «конструктивистский» подходы применяются и по отношению к пониманию нации и национального. В первом случае нация сближается с этнокультурной и языковой целостностью, не связанной с наличием единого государства. Согласно немецким романтикам, И. Гердеру, ключевым в нации является культура, народные традиции, «почва». В этом случае нация фактически отождествляется с этничностью. Именно так трактовалась нация в советское время, благодаря «сталинской теории нации»: еще в 1912 г. будущий нарком по делам национальностей И. В. Сталин, ссылаясь на Р. Шпрингера и О. Бауэра, утверждал, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».

Во втором случае нация понимается именно как политическое сообщество, связанное с зарождением института государства на определенной территории. С конструктивистской точки зрения, нация невозможна без политического вмешательства и участия государства. Она, по сути, есть соединение государства с определенной культурой при активной роли государства. Д. С. Милль видел центральный момент нации в общественной солидарности. К. Маркс, полагая, что фундамент государства в рыночной экономике, считал нации пережитком буржуазного общества. В советском марксизме-ленинизме (точнее в его сталинской версии) нация понималась как общность территории, языка, культуры, психического склада, экономической жизни и государства. К. Дойч одним из первых обратил внимание на особенности коммуникаций в городском образе жизни. В них он видел главный фактор интеграции наций. Б. Андерсон ввел понимание нации как «воображаемого сообщества», формируемого с помощью администра-

тивного языка, печати, музеев, с помощью которых формируется сознание «союза равных» граждан государства, носителей суверенитета, требующих государственной независимости, причастных к этому государству, а тем самым и носителей общей государственной гражданской идентичности.

Эти идеи были развиты Э. Хобсбаумом, Э. Геллнером, связавшими формирование наций с индустриализацией, урбанизацией, мобильностью населения, просвещением, грамотностью, гомогенностью массовой культуры, когда формировался запрос на новую легитимность власти, объединявшей представителей различных этносов. Согласно этой концепции не нации порождают национализм как идеологию, а наоборот — национализм порождает нации. По К. Хейзу, формирование национальных государств превратило нации в подобие новой религии, нередко инициирующей кровопролитные войны, только закрепляющие и обостряющие национальное самосознание (табл. 8.1).

Таблица 8.1

Примордиалистское и конструктивистское понимание нации

Нация в примордиалистском понимании	Нация в конструктивистском понимании
Культурная общность	Политическая общность
Извечный феномен	Феномен Нового времени
Уходит корнями в прошлое	Создается
Органична	Искусственна («воображаемая общность»)
Целостна	Может быть этнически разнородной
Некие общие особые качества («кровь и почва», «дух»)	Общие ресурсы
Создается народом	Создается политической элитой
Основана на родовом происхождении	Основана на гражданстве и коммуникации

Важно понимать, что различия между государственнической и примордиалистской трактовками нации принципиально важны, особенно тем, что они находят отражение

в правовых актах и имеют серьезные политические последствия. Биолого-культурный, *этнический* подход до 2001 г. выражался в законодательстве о гражданстве ФРГ. А Организация Объединенных Наций объединяет именно государства, а не народы. В то же время в Конституции РФ сказано, что Российская Федерация является не многонародным, а многонациональным государством, со всеми вытекающими отсюда весьма неоднозначными последствиями.

В США, большинстве стран Северной и Западной Европы «национальность» означает «гражданство», т.е. принадлежность к государству; а слова «нация» и «государство» часто употребляются как взаимозаменяемые. В Центральной и Восточной Европе, напротив, «нация» и «национальность» подразумевают обычно этнокультурную идентичность. Идентифицировать человека как американца можно только при наличии у него гражданства США. А идентифицировать, например, русского или чеха по национальности значит взывать к этнокультурной «нации», существующей независимо от государственных границ.

Однако не следует забывать, что категории «нация», «народ», «этнос» — это прежде всего способ классификации, инструмент деления общества на группы, т.е. способ понятийной организации социальной реальности, а вовсе не «сама» социальная реальность. В России все еще сохраняется старое советское отношение к так называемому национальному вопросу, суть которого — в жесткой государственной институционализации этничности граждан и придании неоправданной значимости этническим общностям как неким базовым социальным группировкам («народам» или «этносам»), из суммы коих состоит российская гражданская и социально-культурная общность. Это создает довольно своеобразные политические практики вроде претензий на «титულную» (доминирующую) нацию, что может поддерживаться материальной инфраструктурой и символической властью современного государства.

В осуществлении проекта гражданской нации существуют объективные сложности. Конструктивистское предложение считать «нацией» народ, обладающий государством, звучит заманчиво, однако с ним наверняка не согласятся представители очень многих народов (баски,

татары, сикхи, сардинцы, квебекцы, каталонцы, шотландцы). Такой подход неявным образом вводит иерархию между народами и провоцирует конкуренцию, направленную на повышение места в этой иерархии. Например, если грузины — нация, то почему такого статуса лишились абхазы? Ответы на такие вопросы важны для политических активистов. Задачей же исследователей является анализ факторов придания статуса нации. «Нация» — это скорее категория практики, а не анализа, политико-идеологическое, а не научное понятие.

Показательно, что именитых авторов, придерживающихся этих подходов, объединяет понимание того, что в истории собственно феномен нации возникает в Новое время в связи со становлением «национальных государств», т.е. оказывается связанным с формированием городского образа жизни и активным выходом на арену политической жизни буржуазии. Из этого обстоятельства государственники делают вывод о том, что именно с этого момента и можно говорить о нациях и национальном самосознании. Примордиалисты — о том, что речь может идти об оформлении государственной составляющей идеи нации, уходящей корнями в историческое прошлое, прежде всего, «государствообразующего народа».

В Античности, Древнем Риме и Средневековье наций не было. Существовали сельские общины, кланы, тейпы, племена, народы, религиозные сообщества — этнические сообщества. Они могли жить самостоятельной жизнью, могли оказываться подданными каких-то царств, королевств, империй, управляться их наместниками. Но тождества с этой властью не возникало, да и необходимости в этом особой не было, поскольку царства возникали и распадалась, подданные легко переходили от одной власти к другой, народы иногда переселялись, вытесняя других с территории.

Можно признать, что до Нового времени в истории существовали нации в их примордиалистском понимании. Однако с Нового времени ситуация радикально меняется. И связано это с формированием «национальных государств», т.е. созданием наций в государственно-конструктивистском плане. Любая власть нуждается в объяснении и осмысленном оправдании. Голый силы недостаточно, чтобы вырабатывать, а тем более исполнять этические

и правовые нормы, в том числе и принятые властью. Поэтому необходимы символы, коды, манипулирование ими.

Национальные государства — результат социально-экономической трансформации общества в эпоху Модерна: перехода от аграрного общества — к обществу индустриальному (табл. 8.2).

Таблица 8.2

Различия аграрного и индустриального обществ

Характеристики	Аграрное общество	Индустриальное общество
Экономика	Сельское хозяйство	Индустриальная
Образ жизни	Аграрный, на жестко закрепленной территории	Урбанистический (городской), унифицированный, стандартизированный в рабочее и свободное время
Социальная структура	Сословная	Маргинализованная, ролевая (массовое общество)
Культура, образование	Разнообразные по вертикали (социальным уровням) и горизонтали (этничности)	Гомогенны, стандартизированы (культура массового общества)
Искусство	Традиционное, фольклор	Индивидуальное творчество, театр, кино
Досуг	Конфессионально-аграрные праздники	Развлечения, эстрада, шоу, массовые мероприятия, спорт
Коммуникация	Устная, письменная	СМИ (печать, радио, ТВ, интернет)
Государство	Династическое	Буржуазная демократии
Ведущая идентичность личности	Этнически-конфессиональная, клановая	Гражданская
Нация	Политическое сословие (дворяне, Adelsnation)	Народ (граждане, Volksnation)

Освоение мануфактурного производства, индустриализация стимулировали рост городов, в которые стягивались представители разных этносов, носители разных культур и соответствующих идентичностей. Урбанизация, индустриальное производство, практики управления в этих условиях с необходимостью требовали не только единый административный язык... Главное — требовались новые условия легитимности власти, которые основывались бы на новой идентичности — не только культурно-этнической, но и государственной.

В этот процесс активно включились историки, философы, писатели, поэты, специалисты-гуманитарии, профессора университетов и учителя школ, воспитатели дошкольных учреждений, журналисты, деятели театра, прочие работники сферы культуры и культурно-массовой сферы.

На базе одного из диалектов формируется единый язык, кодифицируемый с помощью письменности, словарей, образования. На этом языке пишутся романы, стихи, на него переводятся священные тексты. На базе фольклора пишется «национальный» эпос, очерчивающий сакральные пространство и время. В этом плане важную роль сыграла поэтика романтизма, воспевавшего «почву», «народный дух». Изображаются и транслируются символические ландшафты «большой родины», пишутся национальные истории, уходящие чуть ли не к сотворению мира, из которых становится ясно, что французы были уже в Древнем Риме, а «коренные жители Америки до открытия Колумба вынужденно проживали в Европе». Нередко «национальные традиции и символы» изобретаются заново, как это было с шотландским килтом, русскими народными музыкальными инструментами и танцами, матрешками и т.д.

Формируется новая национальная культурная идентичность, в которую входят:

- язык, на котором говорят и думают члены данного этноса;
- «грамматисты», которые дали и выпестовали этот язык, зафиксировали на нем наше предание;
- вера: деноминация, конфессия, другие формы религиозности, объединяющие наш народ (в том числе, возможно, — с другими народами);
- «отцы нации» — исторические персонажи, сыгравшие ключевую роль в формировании нашего народа;

- «герои»: исторические персонажи-победители, которыми мы гордимся, а также «жертвы», отдавшие свои силы и жизнь за наше светлое будущее, пролившие кровь за нашу свободу;

- «деятели», внесшие вклад в развитие нашего общества, его культуры, науки, искусства;

- памятные и знаменательные даты, важные, священные для нас, которые мы чтим и празднуем;

- места, опять же важные и священные для нас, которые мы храним, показываем детям, гостям;

- знаковая система, символизирующая нашу общность: флаги, гербы, гимны и т.п.

Большая часть этих составляющих образует так называемое национальное культурно-историческое наследие, которое изучается, сохраняется, транслируется с помощью специальных технологий социально-культурной деятельности: образования, праздников, церемоний, профессионального и любительского творчества, работы СМИ. Именно на основе этих технологий формируется определенная социальная мифология, вплоть до политической идеологии. Национальное самосознание формировалось с помощью изучения в гимназиях классических текстов, задающих базовые мифы и исторический канон. Далее эти представления транслировались посредством социально-культурных технологий, включая массовую коммуникацию, искусство.

В информационном обществе ситуация несколько упростилась и усложнилась одновременно. Арсенал социально-культурных технологий обогатился радио, кино, телевидением, музыкальной эстрадой, шоу-бизнесом, специальными событиями. С прошлого столетия в этот процесс была активно включена сфера спортивно-массовых мероприятий. Чем дальше, тем все более специализировалась деятельность по изобретению и трансляции культурно-исторических символов, кодов, манипулированию ими.

Разумеется, весь этот массив социально-культурных технологий во многом направлялся и координировался политической властью, поскольку производимая и закрепляемая этой деятельностью идентичность обеспечивает лояльность к политической власти, оправдывая ее исторически и культурно.

Однако не стоит однозначно сводить все вышеперечисленные технологии к простому обслуживанию власти.

Идентичность — лояльность именно культуре. И в истории можно найти много примеров, когда власть утрачивала лояльность именно в силу нарушения ею самой лояльности культуре (нарушение «завета предков», конфликт с традиционной верой и т.п.). Обусловлено это, как представляется, просто большей инерционностью культуры (в том числе — политической) по сравнению с политической системой, развивающейся более динамично.

Тем не менее нельзя отрицать и роли власти в формировании и даже выращивании определенной культуры, в целенаправленной работе с культурно-историческим наследием.

Именно ролью государственной власти объясняется, например, доминирование норманнской теории происхождения российской государственности. А примерам переписывания истории в советское время в угоду политической идеологии просто нет числа. В этой связи необходимо признать, что «История» — не только научная дисциплина, а полновесный институт политической культуры общества: институт и инструмент.

В не меньшей мере сказанное относится не только к культурно-историческому наследию, но и к религии и языку — не менее значимым институтам политической культуры. Крещение Руси, история распространения ислама на Балканах, история протестантизма и не только англиканства, письменность — в формировании нации китайцев, литературный французский язык — в становлении французской нации — все это тому наглядные примеры. Ли Куан Ю, запретив преподавание в Сингапуре на китайском языке, введя английский в качестве государственного, фактически создал новую нацию сингапурцев на основе китайского, малайского, индусского и европейского этносов. А правительство С. Бандаранаике, введя в Шри Ланка в качестве государственного языка сингали, фактически тут же раскололо нацию, которую до сих пор сотрясает гражданская война.

Таким образом, так или иначе, но приходится признать, что практически все факторы формирования национального самосознания оказываются связанными с конкретными социально-культурными технологиями, ролью гуманитарного знания и сообщества специалистов-гуманитариев, политической властью, деятельностью государства. И делается это в целях укрепления легитимности этого

государства, формирования соответствующей идеологии. Таким образом, можно согласиться с конструктивизмом, что национализм как запрос на (и даже требование) совпадение (достаточно стандартизированной образованностью и СМИ) культуры и государственных границ возникает только в индустриальном обществе, порождая буржуазные национальные государства.

Любопытно в этой связи объяснение Г. Кона корней примордиалистской и конструктивистской национальной идеологии. В Западной Европе и США интеллектуальная элита, вырабатывающая национальное самосознание, рекрутировалась и формировалась преимущественно из буржуазии, что и предопределило доминирование в этих странах конструктивистского понимания нации. В Центральной и Восточной Европе (Германии, Польше, Украине, России, балканских странах) интеллектуальная элита формировалась преимущественно из аристократии с ее озабоченностью происхождением, органической эксклюзивностью, что и обусловило доминирование в этих странах примордиализма, являющегося питательной средой нацизма. Это различие тонко прослеживается на различии фашизма германского с его расистской эксклюзивностью и фашизма итальянского инклюзивного, что создало идейную основу корпоративного государства Б. Муссолини.

Если примордиализм прав, то только относительно догосударственных форм политической власти. С возникновением государства, не случайно коррелирующим с возникновением и развитием письменности, и формируются национальное самосознание и идентичность, а значит и, собственно, нации. И всякая сформировавшаяся нация ищет свои символы в своем прошлом — чем глубже, тем лучше. Поэтому и сам примордиализм можно рассматривать как проявление позднейшей конструктивной деятельности общественного сознания умами гуманистами и идеологов этого общества.

Таким образом, национализм суть требование и процесс формирования национальной идентификации у подавляющего большинства населения конкретной территории, связанные с формированием и укреплением суверенного (национального) государства. Национализм может быть идеологией политической оппозиции, движения за автономию или суверенитет, но может быть и официальной иде-

ологией, действием уже сложившихся институтов по укреплению легитимности существующего государства.

Во взаимоотношениях национализма и национального государства возможны варианты:

- даны и государство, и культура (Британия, Нидерланды);
- дано государство без культурной идентичности — необходима социальная инженерия по формированию государственной идентичности и соответствующей культуры (Франция, некоторые государства после Первой мировой войны; африканские государства после распада колониальных систем; Россия, Украина после распада СССР);
- дана культурная идея без государства — борьба за политический суверенитет, автономию, независимость (страны бывшей Югославии);
- отсутствие национальной культурной идеи и государства — формирование гражданской нации либо на основе государственности (США), либо на основе культурной идентичности (Квебек, Фландрия).

Поэтому и стратегические цели национализма также могут быть различны:

- национализм как оппозиция по отношению к исходному государству;
- национализм как сепаратизм;
- национализм как политический реформизм (на основе автономизации или федерализации);
- национализм как интеграция и унификация (Франция, Германия, Италия, Польша).

Все такие стратегии будут националистичны. Технология их реализации также будет единая: гражданство; символы; карта; политический центр, столица; лидеры, вожди; праздники, специальные события; природные границы (реки, моря, горы); унифицированный образ; исторические документы; протонациональные мифы.

Можно сказать, что конструктивизм не исключает примордиализм — как один из компонентов конструирования нации и национального государства.

Существует чрезвычайно распространённое мнение, что источником, питающим националистические настроения и движения в обществе, являются депрессия и депривация. В результате этих процессов создаются маргинальные группы, рессентимент которых находит выражение в апел-

ляции к национальной идентичности, националистической идеологии, в стимулируемых ими формах агрессивного поведения. Не менее распространенным является и оценка таких цивилизационных процессов, как глобализация и массовое общество (тем более постиндустриальное общество массового потребления) в качестве нивелирующих, усредняющих факторов общественного сознания.

Оба эти тезиса являются заблуждениями, опасными не только и не столько теоретической несостоятельностью, сколько политическими ошибками. Суть кроется в более глубоком понимании общецивилизационного тренда. И нынешний национализм, и «национально-освободительные движения» суть проявления, продукты именно этих цивилизационных процессов: массового общества и глобализации. Но не реакции на них, отторжения этих процессов, а наоборот и эти процессы, и национализм лежат в одном тренде. И этот тренд — формирование и развитие среднего класса, выступающего расширяющимся ядром массового общества, социальной базой и носителем национального сознания. И по мере развития цивилизации эта социальная база расширяется и нарастает.

Различение этнического и гражданского национализма не стоит преувеличивать. Так, с одной стороны, современный сепаратизм, например, в Квебеке, Каталонии, Шотландии, Уэльсе, как и национализм в Украине, Казахстане апеллирует не столько к этнокультуральным аргументам, сколько к гражданским. А с другой — внекультуральное понимание гражданской нации отходит в прошлое. Даже США и Франция, которых чаще всего приводятся в пример «чисто» гражданского понимания нации, не являются таковыми, поскольку у них присутствует решающий культуральный компонент в виде языка, истории и ряда других факторов.

8.2. Наднациональное и кросс-национальное в современной политической культуре

Суверенитеты и идентичности национальных государств в XXI в. все более активно проблематизируются. Разъедаемые силами глобализации они становятся объектами фрагментации, конкуренции и воздействия самых разнообразных налагающихся друг на друга сил.

Выше нами была рассмотрена концепция мультикультурализма, связанная с проблемой толерантности, камнем преткновения для которого является вопрос: как быть с толерантностью к нетолерантным? Опыт выявил две формы политики мультикультурализма: мягкую и жесткую. Мягкий мультикультурализм предполагает сохранение идентичности, культурную автономию, дополнение идентичности и национального самосознания, расширение жизненной компетентности. Жесткий мультикультурализм реализуется как интеграция или ассимиляция, следствием чего являются либо изоляционизм (чреватый сепаратизмом и сецессией), либо апартеид.

Возрождение этнотерриториальных идентичностей совпало с вызовом, брошенным в отношении центристской модели унитарного государства. Одновременно происходит заметное усиление субнациональных и наднациональных идентичностей. В многообразных по составу организациях децентрализация, федерализация находятся в поиске институционального ответа внутреннему многообразию. Они часто охватывают группы, страны и регионы с множественными идентичностями: в этом смысле типичны случаи Каталонии и Шотландии.

Данная проблема вызывает острую полемику, в частности о месте цивилизации как формы наднационального сообщества. Так, С. Хантингтон, отталкиваясь от примордиалистской концепции столкновения цивилизаций, утверждает, что «цивилизации представляют собой человеческие племена в предельной форме развития, и столкновение цивилизаций суть племенной конфликт в глобальном масштабе»¹. А отечественный специалист В. Л. Цымбурский применяет характеристику цивилизации к России. С его точки зрения, цивилизации в геополитике — это человеческие популяции (этносы или группы этносов), из которых каждая, во-первых, образцово, эталонно воплощает определенный, резко контрастирующий с иными типами духовности и социальности, и во-вторых, заполняет собою некоторое достаточно обособленное пространство (ареал) в мировом раскладе, как бы конвертирует свой духовно-социальный тип в особую традицию государственного стро-

¹ URL: http://modernlib.ru/books/hantington_samyuel/stolknovenie_civilizaciy/read (дата обращения: 20.07.2014).

ительства и геополитики: либо по типу ее духовности, либо по типу ее социальности, либо по основной геополитической нише, либо, наконец, указывая на тот этнос или группу этносов, которые исторически представляют популяционное ядро цивилизации. В таком понимании основное популяционное ядро цивилизации для самого себя предстает как «особое, самодовлеющее человечество на особой земле»¹. Любая из великих цивилизаций могла бы при благоприятных условиях заселить Землю и составить законченное человечество, если бы иные цивилизации ей не мешали. Поэтому каждая цивилизация — древнеегипетская, китайская, исламская, античная или евро-атлантическая — могут рассматриваться как некие модели человечества.

В основе такой модели лежит принцип «сакральной вертикали» при котором «ядром» цивилизации выступают носители особых (сакральных) идей и культурных практик, которые совпадают с «трансцендентным назначением человечества». Так, в случае российской цивилизации «ядровым народом» являются «русские», а сама Россия, по мнению Цымбурского, «может быть непротиворечиво описана как геополитическое воплощение цивилизации, популяционным ядром которой были русские, независимо от их собственного этнического или субэтнического — как угодно — членения. А это значит, что сама цивилизация под именем России может быть представлена в виде “ядра”, окруженного геополитическим и этническим континуумом с различным содержанием инокультурных, а на некоторых направлениях — и иновцивилизационных признаков»². Такой вариант цивилизационной геополитики включает три важных момента: 1) различие для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии; 2) тезис об отсутствии непреходимых границ между перифериями соседних цивилизаций; 3) ставку на консолидацию и развитие цивилизационного ядра наряду со взвешиванием и определенным ограничением обязательств стран ядра в отношении периферии.

Действительно, ядро китайской цивилизации в основном составляют китайцы-ханьцы, а ядро древнеегипет-

¹ URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/earth/> (дата обращения: 20.07.2014).

² Цымбурский В. Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом : цивилизация и ее геополитика // Геополитика. Антология. М, 2006. С. 940.

ской — древние египтяне. Подобные цивилизации не менее распространены в истории, чем полисоставные, такие как романо-германская или арабо-иранская.

Цивилизационный подход открывает интересные перспективы развития геополитики. Однако он нуждается в дальнейшей концептуальной проработке, что, возможно, позволит ему выйти из идеологического и мифологического контекста.

Другой концепцией политического сообщества в эпоху глобализации является «транснационализм», восходящая к идеям гарвардского философа Х. Каллена, который еще в 1915 г. выступил, в частности, против идеи «плавильного котла». По мнению Каллена, эта идея угрожает США либо окончательным англо-американским доминированием, либо дальнейшей деградацией американского общества в сторону массовой культуры. Он отстаивал идею, что национальные достоинства американцев и культурное многообразие их страны смогут прекрасно ужиться друг с другом, делая Америку только сильнее, позволяя представителям различных культур и религий вносить свой вклад в богатую, гармоничную «американизацию».

Впервые термин «транснационализм» был введен в оборот Р. Борном именно как попытка развить учение об американском плюрализме и мультикультурализме Каллена. То есть в этом смысле транснационализм Борна вырос из дискурса о необходимости гармоничного сочетания консервативной «Великой Америки» с левыми идеями плюрализма, религиозных свобод и этнического многообразия в Америке. Р. Борн в «Транснациональной Америке» также как и Каллен в «Демократии против плавильного котла» пишет о том, что ошибочно ассоциировать Америку только с англо-саксонским началом. На его взгляд, вместо того чтобы насильно заставлять эмигрантов ассимилироваться в англофильскую культуру США необходимо научиться интегрировать эмигрантские культуры в «космополитическую Америку». Борн высказывает также интересный взгляд на проблему национальной идентичности человека. Наблюдая за тем, как эмигранты чаще ассоциируют себя с литературой и культурой той страны, откуда они родом, Борн полагал, что национальность человека связана с его «духовной родиной» (spiritual country), а не местом текущего проживания. Так, любознательный студент англо-

саксонского происхождения, поступивший в американский университет, может найти себе настоящих друзей среди «акклиматизировавшихся» немцев, австрийцев, евреев, скандинавов или итальянцев. В этих молодых людях, родившихся в другой стране, или чьи родители родились в другой стране, он может найти решение многих своих проблем, выйдет из-под консервативного давления того провинциального мирка, в котором он вырос, освободится от его застарелых стереотипов. В континентальной литературе он найдет неизмеримость (*unplumbed depths*) русской глубины, стройность французской мысли, тевтонскую философскую силу, и почувствует себя гражданином большего мира. Потому колледж, пусть даже и в самой малой степени, уже содержит в себе зерна международного интеллектуального мира будущего.

Борн страстно выступал и за единую и дисциплинированную Америку, но не за Америку, которая объединится на почве новой экономической эксплуатации и империализма, против объединения путем милитаризма и применения силы, но только на основе солидарности и чувства, что все американцы могут внести равную лепту в будущее своей страны. Этот дух, по его мнению, обеспечит гораздо более сильную интеграцию страны, чем любая узко понимаемая «американизация» или шовинизм.

Идеал транснациональности у Борна плавно перетекает в рассуждения о двойном гражданстве, которое он понимает в качестве переходной формы к международному гражданству. При этом он ссылается на двойное гражданство Франции, в которой, однажды став гражданином, ты остаешься им навсегда — не важно как много новых гражданств приобретает личность, свою «французскость» она при этом не теряет никогда, оставляя французской часть души. Такое расширение не вызывает внутреннего стыда и конфликта, не требует отказа от своей первой родины. Американец (сюда Борн включает и мигрантов), по мнению мыслителя, может стать гражданином мира. Он находит здесь людей с новым мировоззрением. Это уже не масса чужаков, ожидающих ассимиляции, ждущих, что их сплавят в однородное англо-саксонское тесто. Такая Америка может стать не национальностью, а транснациональностью, связанной с другими странами.

Идеи Борна оказали сильное влияние на таких интеллектуалов, как писатель-модернист Дж. Дос Пассос, историк и общественный критик К. Лаш и специалист в области американской интеллектуальной истории Д. Холлинггер. Кроме того, на сегодняшний день активно функционирует Институт международного согласия и мира Рандольфа Борна, нацеленный на поддержку стратегии невмешательства США в военные конфликты в других странах. Идея транснационализма как некоторый компромисс между патриотизмом и культурным плюрализмом, национализмом и пацифизмом оказывается полезной для осмысления перспектив «транснациональной» Европы, перспектив Российской Федерации, стран бывшего СССР.

Важной вехой в новом определении транснационализма через систему взаимозависимостей государств в международных отношениях стала статья классиков неоллиберализма Дж. Ная и Р. Кохэна «Транснациональные отношения и мировая политика», вышедшая в 1971 г. Авторы дали следующее определение «транснациональному»: «транснациональные взаимодействия» — это понятие, которое мы используем для описания перемещения материальных или нематериальных объектов через государственные границы, когда хотя бы один из акторов не является представителем государственной или межгосударственной организации¹. Таким образом, Най и Кохэн попытались показать, что транснациональное отличается от межгосударственного тем, что в первом случае хотя бы один из партнеров взаимодействия не является национальным актором вообще. Так транснациональное начало постепенно отдаляется от уровня «нации — государства» или простого взаимодействия нескольких государств.

Особенно сильно последняя тенденция проявилась в 1980-е и 2000-е гг. в связи с усилением акторов экономической глобализации и надгосударственных институтов конфликто разрешения (например, Европейский Суд в Европейском союзе), а также формированием того, что называется мировой культурой (*world culture*). Все эти явления существуют относительно независимых от воли

¹ Най Дж. С., Кохэн Р. О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений : хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2002. С. 152–167.

отдельно взятых современных «наций-государств». Не последнюю роль здесь, конечно, сыграли и нарастающие миграционные потоки, влияющие на укрепление диаспорального сознания и размывание классической национальной идентичности.

В то же время, в результате своего активного использования понятие «транснационализм» размывается и смешивается с понятием «глобализация». Границы между «транс», «интер» и «мульти» затуманиваются, и транснационализму на данный момент грозит превратиться во всеобъясняющую концепцию, с почти таким же количеством интерпретаций как и примеров самого транснационализма. В дискурсе транснационализма можно выделить три аспекта: «международная история или история дипломатии» (international and diplomatic history), «мировая история» (world history) и «глобальная история» (global history). При этом наиболее перспективным представляется культурологический подход. Так, П. Клавин предлагает размышлять о транснациональных сообществах не как о жестко связанных сетях, но скорее через метафору медовых сот, которые поддерживают и оформляют идентичности национальных государств, институтов и определенного социального и географического пространства. Такая структура изначально содержит «пустые соты», в которых институты, индивиды и идеи отмирают, чтобы оказаться замененными на новые, «инновационные». Таким образом, для того, чтобы транснациональное сообщество сохранялось, его границы должны оставаться открытыми, пористыми, постоянно пересматриваемыми и интерактивными. В противном случае одна «сота» национальных, региональных и международных отношений заменится другой.

В 2008 г. профессор политологии Университета Тулейн (Новый Орлеан) Р. Тарас предложил определение транснационализма, как состояния, когда национальные интересы подчиняются интересам более широкого плана, включая и продвижение общего блага (common good). Посылка большинства теорий транснационализма то, что граждане обладают множественными, ситуационными и подвижными идентичностями — вместо какой-то одной фиксированной идентичности. По мнению Тараса, «парадигматической формой» транснационализма сегодня выступает именно «европейскость». Вместе с тем транснационализм предпо-

лагает преодоление границ и идет рука об руку с постнациональностью. Однако, по мнению ученого, конечной стадией постнациональности выступает уже не транснационализм, а именно сверхгосударственные образования, а на уровне индивидов — космополиты; космополитизм Тарас называет «племянником» транснационализма¹.

С этой точки зрения, либеральные ценности могут существовать как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Различие между транснациональным и национальным либерализмами лежит в фокусе идентичности, существующей либо на уровне политического сообщества, простирающегося за пределы нации (например, Европейский союз), либо лишь на уровне отдельно взятого национального сообщества. Наряду с этим, когда национализм нации-государства совмещается с нелиберальными ценностями, то возникает этноцентризм и ксенофобия. В качестве примеров можно привести исламофобию во Франции и Германии или даже русофобию в ряде стран Восточной Европы.

Исследования С. Вертовека и его с коллег опыта совместной работы представителей разных наций (в морских экипажах, совместных компаниях, участия беженцев и мигрантов в восстановлении стран, переживших конфликты) позволили выдвинуть рассматривать «транснационализм» как «наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы наций-государств». Вертоveck выделил шесть теоретических подходов к транснационализму².

Первый подход рассматривает транснационализм с позиции социальной морфологии (кросс-границные этнические диаспоры и сетевые сообщества, анализируемые в работах В. Сафрана, Р. Кохэна, М. Кастэльса, А. Гупта, Ф. Вейкмана).

Второй подход в основном включает культурологов и культурных антропологов, рассматривающих транснациональное как особый тип сознания, описываемое в терминах двойных или множественных идентификаций (работы Н. Шиллер, С. Холла, П. Гилроя, А. Онг). Вертоveck свя-

¹ Taras R. Europe Old and New: Transnationalism, Belonging, Xenophobia. Lanham : Rowman & Littlefield, 2009.

² Vertovec S. Transnationalism. NY ; London, 2009.

зывает с транснационализмом возникновение нового типа субъективности, укорененной в киберпространстве и силе коллективного воображения. Двойная идентификация транснационального сознания приближает его к феномену «космополитического локализма» Л. Морено.

Третий подход — понимание транснационализма как способа культурного производства и потребления (в формах синкретизма, креолизации, гибритизации и «бриколажа» (франц. *bricolage* — мастерить что-либо из подручных материалов)). Вертовек имеет в виду работы Г. Спивак, А. Аппадурраи или, например, К. Робинса в области транснационального телевидения.

Четвертый подход — подход к транснационализму как форме глобального капитализма (ТНК), освященный в работах Л. Склейра и К. Митчелл. Причем речь идет не только о транснациональном потоке капитала «больших игроков» (Big Players), но и о том, что в 2007 г., например, совокупность денежных переводов рядовых мигрантов, отравленных обратно в страны своего происхождения, составила 300 миллиардов долл., на которые в основном живут родственники этих мигрантов в Филиппинах, Пакистане и странах Латинской Америки. Это значит, что правительства этих и других стран заинтересованы бороться за капиталы богатых трансмигрантов.

Пятый подход к транснациональному затрагивает область политики и строится на понимании новой диалектики между глобальным и локальным, не ущемляющейся в рамках наций государств (имеются в виду работы У. Бека о космополитических рисках и Л. Крисберга о транснациональных некоммерческих организациях (ТНКО) и транснациональных агентствах при ЮНЕСКО и ООН). С. Вертовек пишет о детерриторизации наций-государств, о транснациональной политике, связывающей политическими связями влиятельные диаспоры в США с политиками Ирландии, Израиля, Италии и Польши.

Наконец, шестой подход к транснационализму Вертовек связывает с «(ре) конструкцией места и локальности» и с «транслокальными смыслами». По его мнению, сегодня транснационализация изменяет отношение человека к категории «места», создавая так называемые транснациональные «социальные поля» (transnational «social fields»), в которых теряется само понятие локального (в том числе

и локальных взаимоотношений между людьми). Пространство виртуализируется посредством электронной медиации в интернет. Здесь транснационализм может рассматриваться в качестве зонтичной конструкции (umbrella concept) для различного рода мультивокальностей.

Что касается меняющегося характера транснациональных миграций, то Вертовек указывает на несколько неразрешенных до конца теоретических проблем. Во-первых, это злоупотребление термином «транснационализм», который часто заменяется такими словами как «интернациональный», «глобальный», «мультинациональный» или «диаспорический». Другая проблема, по его мнению — смешение понятий «транснациональное», «трансгосударственное» и «транслокальное». Третья проблема — конструирование мнимой дихотомии между «транснациональным» и «мультикультурным» или «транснациональным» и «ассимиляционистским» (в то время, как эти явления скорее взаимосвязаны, чем находятся в оппозиции к друг другу). При этом сам Вертовек в своей книге четко очерчивает границу между интернациональным и транснациональным. Под «интернациональным» он понимает взаимодействия, соединяющие людей или институты сквозь границы, но на уровне государств. Под «транснациональным» он понимает такое же взаимодействие, но уже между негосударственными акторами. Речь идет о представителях бизнеса, НКО, о сообществах по интересам, объединенных общим религиозным, культурным или географическим происхождением. Такие группы и практики людей Вертовек предлагает называть транснациональными.

Среди оснований для классификации современного транснационализма Вертовек выделяет транснационализм «сверху» (глобальный капитал, СМИ, политические институты) и «снизу» (локальные инициативы некоммерческих организаций); транснационализм «узкий» (т.е. институционализированный и носящий системный характер) и «широкий» (приуроченный к конкретным событиям); транснационализм «большой» (на уровне сообщества) и «маленький» (уровень семьи и домашнего хозяйства); по сфере своего проявления транснационализм может быть «стержневым» (предсказуемо проявляемым в определенной области социальной жизни) или «растянутым» (проявляемым спонтанно). Разъяснение этих теоретических вопросов требует,

считает Вертовек, еще многих дополнительных исследований.

Интересным представляется и опыт переосмысления транснационализма, предложенный коллективом авторов под руководством Л. Приеса, которыми были выявлены такие понятия, как «методологический транснационализм», «эмпирический транснационализм», «транснациональные социальные единицы», «транснациональные социальные пространства» и «философский транснационализм». Под последним Приес понимает эпистемологическое обоснование того, что социальная жизнь по самой своей природе транснациональна и что человечеству необходимо дискурсивное пространство для обсуждения своих нормативных транснациональных установок и ценностей. Приес называет такое дискурсивное пространство сценой «публичного транснационализма»¹.

В транснациональных исследованиях Приес предлагает в отношении качественных методов антропологических исследований придерживаться принципов: «идите (follow) за людьми, идите за цепочками товаров, идите за метафорами, за сюжетами историй, за нарративами и аллегориями, за биографиями и человеческими конфликтами». Метафоры не только сами способны к созданию собственной реальности, но и часто прячут за собой в качестве фигур речи именно властные отношения.

Особое внимание Приес отводит необходимости выработки новых концептуальных оснований транснациональных исследований, а именно методологии единиц анализа, сравнения и измерения «транснационализма». Старая метафора государств, вообразаемых в виде неких «контейнеров» (так Приес метафорически выражается в отношении принципов исследования национальных государств или даже межгосударственных образований), к анализу транснациональных сообществ, на его взгляд, применена быть уже не может. Это связано с тем, каким образом качественно отличается сама природа подобных транснациональных коллективов. Скорее всего, по мнению Приеса, здесь подходит образ проходящих сквозь границы трансгрессивных сетей или даже цепочек сетей.

¹ Rethinking Transnationalism The Meso-link of organizations / L. Pries (ed.). NY, 2008.

Наиболее перспективной единицей в рамках транснациональных исследований Приес видит транснациональные организации, например, в области международных гуманитарных некоммерческих организаций или организаций транснационального образования (типа Greenpeace, Attac, Oxfam), которые в отличие от глобальных характеризуются децентрализацией своих ресурсов. Одновременно, в противоположность мультинациональным организациям транснациональные имеют высокий уровень координации. В широком смысле под транснациональными исследованиями (transnational studies) Приес понимает область кросс-граничного и полилокального. Понятие «сообщество» он предлагает заменить термином «социальные пространства» (societal spaces), погруженным в три измерения: 1) измерение социальных практик; 2) измерение символических систем и 3) измерение человеческих артефактов. При этом в своей антропологии Приес опирается на приобретающую особую актуальность в современном информационном обществе концепцию «жизненного мира» и «поссибилизма альтернативного опыта» социолога А. Шюца. Близко к этим идеям примыкает идея политического «хронотопа», предложенная А. Ю. Сунгуровым.

Вопросы для обсуждения

1. Какова роль национального самосознания в политике?
2. Какое значение гуманитарных наук и технологий (практик) при формировании наций, национализма, национального самосознания?
3. Как выражается национальная политика и в чем ее возможное содержание?
4. Почему Б. Андерсон считает нацию и государство «вообразаемым сообществом»?
5. Объясните, почему феномен нации возникает в Новое время и связан с формированием городского образа жизни.
6. Почему конструктивистский подход к формированию нации не исключает примордиалистский?
7. Как соотносятся национальная политическая культура и национальный характер?
8. Каковы технологии формирования национальной политической культуры?
9. Дайте характеристику особенностям политической культуры массового общества.
10. Существует ли политический конфликт культур?
11. Как соотносятся национализм и шовинизм?

12. Назовите факторы современной жизненной компетентности, образующие глобальную идентичность.

13. Разъясните сущность космополитической трансидентичности. Как она влияет на преодоление социальной отчужденности?

14. Как пересматриваются границы идентичности в эпоху глобализации?

15. Решает ли мультикультурализм проблему толерантности? Почему? Приведите примеры.

16. Как сказываются последствия советской национальной политики на современной России?

17. Является ли транснациональное эффективное альтернативное способа воображения политического сообщества в эпоху глобализации?

18. Какова роль интернет в размывании традиционного суверенитета национальных государств?

19. Назовите возможные стратегии развития российского федерализма.

Практическое задание

Разделитесь на две группы и в соответствии с таблицей «Примордиалистское и конструктивистское понимание нации» (см. табл. 8.1) в ходе дебатов обоснуйте примордиалистский и конструктивистский подходы к формированию выбранной нации. Попытайтесь осуществить сравнительный анализ формирования двух выбранных наций.

Рекомендуемая литература

Акопов, С. В. Развитие идеи транснационализма в российской политической философии XX века / С. В. Акопов. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2013.

Ачкасов, В. А. Этнополитология : учебник / В. А. Ачкасов. — СПб., 2005.

Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. — М. : Высшая школа экономики, 2012.

Малахов, В. С. Национализм как политическая идеология / В. С. Малахов. — М., 2005.

Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2012.

Clavin, P. Defining Transnationalism / P. Clavin // Contemporary European History. — 2005. — Vol. 14. — No. 4. — P. 421–439.

Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions / R. Taras (ed.). — Abingdon and New York : Routledge, 2013.

Глава 9 РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

• Культура как ресурс и барьер модернизации • Современные концепции революции • Управление нововведениями: принуждение, адаптация и кризис

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- примеры государств, сформировавшихся в короткий исторический период как реализация некоего проекта;
- различные современные концепции революции;
- влияние разнообразных стилей руководства на управление нововведениями;

уметь

- использовать концепцию «государство как проект» для объяснения всевозможных социальных процессов и явлений;
- объяснять, как стиль руководства оказывает влияние на развитие политической культуры на макроуровне (общества в целом), так и на уровне организации;

владеть

- основным терминологическим аппаратом в области политической философии;
  - навыками анализа развития политических культур;
  - способностью формулировать на основе приобретенных знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам.
-

9.1. Культура как ресурс и барьер модернизации

Впервые роль социально-культурных факторов и предпосылки формирования экономического уклада была исследована М. Вебером. На примере формирования рыночной

экономики в Западной Европе и на Севере Америки им было убедительно продемонстрировано, что главным условием успеха этой модернизации послужили предпосылки, заложенные Реформацией. Базовые ценности протестантизма, особенно в его кальвинистской версии, сформировали систему нравственных ценностей, мобилизующих человека на активную хозяйственную деятельность, инициативу, предприимчивость.

Духовный переворот, совершенный М. Лютером, Ж. Кальвином и их последователями состоял в утверждении нового понимания идеи спасения, которое они связывали с идеей полного божественного предопределения. Вопрос о том, кто будет спасен, решен и никакие подвиги, добрые дела, индульгенции не могут помочь. Человек способен только надеяться на то, что он принадлежит к богоизбранным. И такую надежду ему может давать, например, жизненный успех. Поэтому надо не подвиги совершать, не каяться, а праведно жить и трудиться. Нетрудно заметить, что такое мировоззрение радикально отличается от традиционного католицизма или от православия, в которых добрые дела, покаяние дают возможность искупления грехов. Хорошо известна русская пословица: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Протестантизм не дает личности такой лазейки и создает мощный мобилизационный импульс на активное жизнеустройство. Бедность и нищета в протестантской культуре, в отличие от традиционного христианства и некоторых других религий, не только не несут в себе позитивных моральных ценностей, но и не могут быть поводом для сострадания и тем более — благотворительности. В отличие, например, от православия, где бедность, нищета — свидетельства близости к Богу, а подать милостыню — дело исключительно богоугодное, в протестантизме бедность — признак богооставленности, бедный неудачник отвержен Богом. Подавать нищему значит испытывать Господа. Другой разговор, что человек может попасть в беду, и тогда ему надо дать шанс проверить себя: не денег дать, а предложить работу, дать ссуду и т.п.

Эта система ценностей и предопределила возможность перехода от традиционного способа хозяйствования к капиталистическому. Если в условиях докапиталистической экономики трудятся лично зависимые работники (рабы,

крепостные, беспаспортные крестьяне, зависимые крестьяне), труд которых основывался на личном, часто физическом принуждении, то капиталистическое производство оказывается связанным с рациональной организацией и самоорганизацией деловой активности, в том числе и с учетом свободного рынка труда. В отличие от лично зависимого работника, свободный найм давал возможность не только заинтересовать денежным вознаграждением, но и стимулировать качественное выполнение работы, соблюдение дисциплины и, тем самым, качественный рост производительности труда.

Классическая работа «Протестантская этика и дух капитализма» сознательно подготовлена М. Вебером в духе «анти-капитала», как альтернатива марксизму с его акцентом исключительно на экономических факторах социального развития и пренебрежением к факторам культурным и духовным. Марксизму свойственно рассматривать культуру в качестве вторичного явления, эпифеномена экономических отношений. Вебер убедительно доказал, что капиталистической модернизации западного мира предшествовала модернизация духовная — Реформация. Мир и общество меняют не внешние по отношению к личности факторы, а внутренние — нравственные, духовные — мотивы, побуждающие человека к занятиям активной деятельностью. При этом, стремление к наживе, — писал Вебер, — само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Такое стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих и т.п. Модернизация невозможна на базе оголтелой наживы и потребительства. Она предполагает изрядную долю самоограничения и усилий, направленных одновременно как на самореализацию, так и развитие общности.

Концепция Вебера о роли протестантской этики для капиталистической модернизации и формирования индустриального общества была развита в наши дни Д. МакКлеландом. Он обратил внимание на то, что историческое назначение протестантской этики состоит в особой роли достижительной мотивации, направленности на личный успех и профессиональное мастерство, когда детям с раннего детства прививается ориентация на собственные силы, необходимость достижения высоких результатов.

Именно в этих нравственных основаниях МакКлеланд видит источник того мотивационного импульса, который связан с модернизацией.

Как показала история модернизации, опыт постколониального развития стран Востока и Африки, в условиях модернизирующихся обществ образуются некие переходные формы хозяйственной культуры, включающие в себя как традиционные ценностные ориентации и нормы, так и заимствованные, которые вступают в сложные неоднозначные отношения с первыми. Главной проблемой такого общества становится вопрос о том, должен ли переход к современным способам хозяйствования сопровождаться заимствованием их культурных и духовных оснований? Обязательно ли модернизация и экономический рост предполагают принятие западной системы ценностей? Или они возможны на основе самобытной культуры? Вопросы эти не простые, весьма болезненные и, похоже, не имеют универсального решения, а предполагают каждый раз конкретный содержательный анализ нормативно-ценностного содержания соответствующих культур.

Так в добуржуазных культурах общинное достояние понимается как некая постоянная величина, как достояние не личности, а клана, семьи, касты, и что-то личное обогащение рассматривается, как претензия на чужую долю благ. Поэтому явное стремление к накоплению в традиционных культурах считается предосудительным, если оно не сопровождается расходом значительных средств на ритуальные, религиозные и прочие общинные нужды. Работа, труд в таких обществах не выделены из общей системы статусных, символических отношений, носят ритуальный характер, рассматриваются как исполнение долга, служение, оказание личной услуги, но не воспринимаются как самостоятельный профессионализм. В результате по-европейски образованный инженер предпочитает чиновничью или конторскую работу «низкой» работе на производстве, работники отказываются от выполнения технологических операций, если они не соответствуют нормам, предписаниям или запретам (табу) традиционной культуры. Более того, на этой основе неприятия нового могут возникать протестные движения, пользующиеся широкой общественной поддержкой, а то и острейшие социальные конфликты, чреватые переходом в религиозный и прочий

фундаментализм. Убедительные примеры таких цивилизационных срывов дает новейшая история Ирана, Афганистана, Индонезии, отчасти Алжира. Подобная симптоматика проявляется и в России.

Практически любая модернизация сопровождается разрушением традиционных структур, норм, ценностей, социальных ролей и статусов, картин мира. И модернизация, не сбалансированная с традиционными культурами, ведет к дезорганизации и хаосу, ставя под угрозу не только осуществление модернизации, но и существование самого общества. Поэтому, как подчеркивает Ш. Айзенштадт, специально исследовавший причины цивилизационных срывов, главной проблемой модернизации и главной причиной ее срыва является не тормозящее воздействие традиционной культуры, в том числе хозяйственной, или слишком медленная трансформация традиционной системы ценностей и социальных институтов, а их слишком быстрое разрушение без создания взамен новой синтетической культуры, в которой устойчивые архетипы массового сознания и новые ценности могли бы конструктивно взаимодействовать, усиливая и подкрепляя друг друга.

Факты говорят, что традиционные культуры могут и способствовать новому развитию, и успешным инновациям. Так, монархические символы сыграли стабилизационную и даже мобилизационную роль в модернизации Великобритании и Испании XX столетия. Аналогичное значение в модернизации Японии эпохи Мэйдзи и в послевоенном японском «чуде» сыграли не только монархия, но и идея беззаветного государственного служения — одна из центральных в синтоизме, этическом самурайском кодексе Бусидо. Модернизация и бурный экономический рост стран Юго-Восточной Азии связаны с традиционными конфуцианскими ценностями рациональной хозяйственной деятельности, семейной и государственнической корпоративности, трудолюбия, бережливости, аккуратности, накопительства. Индуистское представление о карме и сансаре порождает не только и не столько апофатичное отношение к реальности (эскапизм, пассивность и фатализм), но и активную деятельность по накоплению заслуг и, тем самым, шансов на спасение.

Общий вывод несколько парадоксален: успех модернизации и инновации предполагает наличие достаточно зрелой

традиционной культуры. Незрелость таковой или сознательное пренебрежение обрекает реформаторов на провал, а общество приводит к глубокому кризису и подвергает его серьезнейшим испытаниям.

Именно традиционная культура и «самобытность» обеспечивают такие существеннейшие факторы успеха экономических реформ, реорганизаций и нововведений, как:

- консолидацию общества, обеспечивающую его способность преодолеть временные трудности, пойти на временные жертвы;
- придание духовного начала и нравственное оправдание новым целям и средствам их достижения;
- ограничение потребительского индивидуализма;
- легитимность деятельности реформаторов;
- мотивация к активной трудовой и предпринимательской деятельности.

Пристальное внимание к историческому опыту модернизаций показывает важнейшую роль в них локальных религиозных и этических субкультур. Вебером была описана подобная роль протестантских общин кальвинистского толка. Но это только частный случай действия более общего механизма. Существование религиозной общины в конфессионально, культурно, а то и этнически чуждой среде предполагало необходимость обеспечения воспроизводства этой общины: сохранение священных текстов, традиций, воспитание детей и т.д. Это, в свою очередь, предполагало активную хозяйственную деятельность с изрядной мотивацией самоограничения, а то и самоотречения, аскезы индивида во имя интересов общины. Иначе говоря, речь идет о довольно коллективистской нравственной культуре по отношению к хозяйственной и трудовой деятельности в том числе.

Важный, но частный случай следствий существования общины (клана) в противостоящей социально-культурной среде описан Вебером. Именно то, на какой основе создалась община, что обеспечивает ее сознание, является частными проявлениями. Без учета этого обстоятельства оказывается необъяснимым опыт еврейской, армянской, китайской диаспор, для нравственной культуры которых характерна высокая степень мотивации на активную хозяйственную деятельность. В ряде случаев она дополнительно усиливалась прямым противодействием среды, например,

запретами на владение недвижимостью, следствием чего стало вытеснение представителей скотоводческой и земледельческой культур в коммерческую деятельность.

Так, джайнам вследствие строгого запрета на умерщвление живых существ были недоступны сельскохозяйственные занятия, но строгость религиозных запретов породила традицию рациональной регламентации любой деятельности, и они оказались наиболее успешными коммерсантами и финансистами в современной Индии. В той же Индии сикхи стали основными носителями и проводниками «зеленой революции», проявив восприимчивость к новым сельскохозяйственным технологиям. У истоков «экономического чуда» формирования «новых драконов» в Южной и Юго-Восточной Азии стоят представители китайской диаспоры хуацяо, демонстрирующие высокую предприимчивость.

Капитализацию японского общества осуществили остатки феодальных кланов. В Африке это делают тейпы. В Китае — родовые кланы. Да и в дореволюционной России предпринимательская и коммерческая элита состояла преимущественно из староверов и выкрестов из иудеев и мусульман, а также протестантов-инородцев.

Поэтому Вебером, во-первых, описан лишь частный случай социально-культурных предпосылок и механизма модернизации. Для западного мира это были конфессиональные общины кальвинистского плана. Во-вторых, коллективистская мораль не противоречит рыночной модернизации, а наоборот предполагается ею. И главное, в-третьих, для успешной модернизации в обществе должна быть достаточно зрелая традиционная культура с ее общинно-коллективистским сознанием и мотивацией. Оголтелый индивидуализм и потребительство не могут быть нравственной основой модернизации. Последняя предполагает нравственную аскезу, самоограничение индивидуального потребления в интересах общности.

Осмысление опыта неудачных реформ и цивилизационных срывов, критика модернизации как односторонней радикальной вестернизации, осознание значимости нормативно-ценностного содержания традиционных культур привели к формированию новой модели модернизации. Она предполагает значимость сложившихся социально-культурных способов поведения и типов сознания в качестве

основ устойчивости и целостности общества; устойчивость ценностно-смысловых факторов регуляции политической и хозяйственной деятельности; вариативность смысловых, символических и организационных интерпретаций реальных процессов модернизации.

Именно традиционная «архаичная» гуманитарная культура сыграла свою решающую роль не только в экономическом развитии Японии, Индии, стран Юго-Восточной Азии, но и в успехе реформ в некоторых бывших социалистических странах. В Польше коммунисты смогли сесть за один стол с представителями «Солидарности», что стало возможным прежде всего в силу традиционного авторитета в польском обществе католической церкви. И костел оказался третьим, если не главным участником общественного согласия. Китайские реформы опирались на традиционные конфуцианские ценности: культ семьи и предков, авторитет государства.

Сделанный выше «парадоксальный» вывод можно усилить. Давно и хорошо известен факт: между типом экономики и государственного устройства, с одной стороны, и экономическим ростом — с другой, нет прямой зависимости. Экономический рост может быть обеспечен как в условиях свободной рыночной экономики, так и в условиях экономики огосударственной; как в условиях демократии, так и в условиях оккупации, а то и тоталитаризма. Примеры СССР, Германии 1930-х гг., КНР, послевоенных Западной Германии, Японии, Испании, Южной Кореи достаточно убедительны. Но от чего экономический рост зависит однозначно, так это от культурной консолидации общества.

Утратившее культурную идентичность общество, общество с расколотой культурой, в котором правящая элита идентифицирует себя с одними культурными ценностями, а «низы» — с другими, не консолидировано, люди не осознают себя «в одной лодке», не переживают «общность судьбы». Такое общество не способно не только к новым успешным прорывам в своем развитии, но бессмысленно транжирит свои природные, человеческие, интеллектуальные ресурсы. Любые нововведения, в том числе по прописям, доказавшим свою эффективность в других обществах, в такой ситуации ведут к совершенно противоположным результатам, только все больше расшатывая социум.

9.2. Современные концепции революции

Революция — скачок в развитии, коренное изменение качества социальной жизни, ее обустройства, связанный с резким открытым разрывом с прошлым. Это акт суверенной свободы, средство смены суверена, отменяющего прежнюю и учреждающего новую власть и ее институты. Политическая революция по своей сути — крах власти, утратившей свою легитимность, и формирование новой власти.

Революция — серьезный вызов теории и философии политики. Так, практически все революции последних десятилетий (революционные события 1968 г., иранская исламская революция, череда «цветных» революций 1989—1991 гг., арабская весна 2011—2013 гг.) были неожиданными для экспертов. Большей частью они не имели ясных развернутых идеологических программ.

Обычно революция противопоставляется реакции — отторжению, сопротивлению новому, стремлению вернуться назад, «к истокам». Сама революция является реакцией на консервацию устаревшего, несостоятельного, сохранение прошлого. Однако революционные изменения не всегда связаны с освободительным эффектом (контрреволюции, нацизм в Германии, исламистские революции). Часто этапом революционных изменений становится подавление самостоятельности возникших в ходе революции новых организаций. Поэтому противоположностью революции является, скорее, эволюция — развитие не в результате радикальных изменений, а в ходе поступательных, постепенных, относительно продолжительных изменений.

Более того, революция — такое событие или их ряд, которые становятся революцией вследствие переосмысления их значения со временем. Так, только со временем события 1991—1993 гг. в России были осознаны как революционные. Именно со временем выделяются некоторые события, приобретающие символический революционный смысл: взятие Бастилии в революционном Париже, Бостонское «чаепитие», залп «Авроры», штурм Зимнего дворца в Петрограде... Поэтому не всякое восстание является революцией, как известно, «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае зовут его иначе» (Р. Бернс).

Революционная ситуация — точно и ясно ее характеристика была дана В. Лениным в работе «Государство и революция» — это ситуация, когда низы не хотят жить по старому, а верхи не могут управлять по-старому. Более детальную диагностику революционной ситуации дал Ф. Бэкон, писавший еще в XVII в. о следующих «признаках мятежа»:

- снизу: шум, пасквили, речи, направленные против власти; переворачивание ценностей — что бы власть не сделала, все плохо; плохая циркуляция приказов, которые отдаются робко, принимаются дерзко, не исполняются, а обсуждаются, истолковываются;

- сверху: окружение действует по собственному усмотрению; неспособность власти встать над партиями; власть занимает позицию одной из сторон.

Нетрудно заметить, что сквозной темой характеристики революционной ситуации является разлитое в обществе недоверие.

В революционном процессе можно выделить:

- Вектор направленности. Революционный процесс чаще всего на начальной стадии не имеет далеко идущих целей. Такие цели проявляются со временем, выступая как бы аттрактором политического процесса. А сама революция с синергетической точки зрения предстает прохождением точки бифуркации, нелинейным процессом, результат которого непредсказан точно.

- Социальные силы — движущий революцию социальный капитал, конкретные социальные группы, лидеры, способные мобилизовать критически важные массы, сконцентрировав их в нужное время в нужном месте.

- Конкретные ресурсы: материальные, информационные, финансовые, необходимые для решения текущих задач революционного движения.

В марксизме политические революции связывались с противоречием производительных сил и производственных отношений: когда развитие производительных сил достигало такого уровня, когда старые производственные отношения (прежде всего собственности на средства производства) начинали тормозить развитие, происходит (в результате классовой борьбы) революционный переход к новому общественно-экономическому строю (формации). Так рабовладение сменило первобытно-общинный строй.

Ему на смену пришел феодализм, который сменил капитализм. И будущее человечества связывалось с социалистической революцией. Легко заметить некоторые натяжки в этой концепции. В истории трудно обнаружить рабовладельческие и феодальные политические революции. Неслучайно развитие теории марксизма привело к фактическому выделению трех типов политических революций: буржуазной, социалистической и национально-освободительной.

Марксистская теория революции связывала ее преимущественно с классовой вооруженной борьбой. Именно эта сторона революций была развита Мао Цзедунгом и подхвачена революционизмом Э. Че Гевары, Р. Дебре («революция возникает из дула винтовки»). Хотя еще А. Грамши настаивал, что в социалистической революции главное не восстание, а изменение массового сознания (культурная революция).

Как радикальная политическая инновация политическая революция может осуществляться двумя способами:

- 1) «сверху», когда революционные изменения инициируются самой политической элитой, правящим политическим классом;

- 2) «снизу», когда инициатива радикальных изменений исходит из низов общества.

Рубеж XX—XXI столетий ознаменовался чередой качественно новых революций:

- 1) «бархатные» революции 1989—1991 гг. в странах бывшего социалистического лагеря;

- 2) «цветные» революции («оранжевая» в Украине, «роз» в Грузии, «тюльпанов» в Киргизии) 1999—2009 гг.;

- 3) социальные революции в Латинской Америке (Куба, Венесуэла, Боливия, Колумбия, отчасти — Чили) с конца 1980-х гг. по наше время;

- 4) исламистские революции в Иране, Тунисе, Ливии, Египте.

Последние примеры представляют интерес в силу ряда особенностей:

- протест связан не столько с экономикой, сколько с культурой;

- в требованиях и целях нет модернизационного компонента, наоборот, протест ориентирован на традиционные религиозные ценности;

- опора в мобилизации сторонников делается на современные средства связи и информационно-коммуникатив-

ные технологии, прежде всего социальные сети, неконтролируемые государством;

- ведущую роль в революционной активности играет молодежь и маргиналы, группы, дистанцированные от власти, но обладающие организационным потенциалом, например, футбольные болельщики.

Молодежь как социальная группа с очевидностью обладает необходимым потенциалом: еще социально не укоренена, испытывающая проблемы с социализацией, обладает относительно большим свободным временем, склонна к групповым и массовым действиям и наиболее продвинута в освоении новых информационных технологий. Группировки футбольных фанатов в этом случае выполняют роль отобранного организационного ресурса, склонного к агрессивному поведению вплоть до насильственных действий.

Согласно автору современной «теории революции» Д. Шарпу, это объективный общемировой процесс, связанный с изживанием себя диктатур, образовавшихся в «несвободных странах», число которых увеличилось в ходе политического транзита конца 1980-х — начала 1990-х гг. Шарп применяет упрощенную классификацию политических режимов Х. Линца, в которой мир делится на авторитарные, тоталитарные и демократические страны.

В современном мире достижение свободы невозможно через насилие. Поэтому на первый план выходят ненасильственные методы, успешно примененные М. Ганди и его сторонниками при освобождении Индии от британского владычества.

В наши дни свобода может быть достигнута в результате относительно мирной революции при поддержке «мирового сообщества». Когда попытки договора с властью оказываются бессмысленны и вредны, необходимо консолидировать ресурсы прежде всего организационные и информационные и заручиться поддержкой мировых «демократических центров».

Технология 200 методов ненасильственных действий, описанных Шарпом, в общем виде может быть представлена как ряд конкретных шагов:

1. Квалифицировать политический режим страны как тоталитарной или авторитарной диктатуры. Для этого можно опираться на ряд авторитетных международных рейтингов демократичности рейтингов.

2. Сформулировать стратегию, тактику, узнаваемый яркий образ борьбы за демократию.

3. Заручиться политической, финансовой поддержкой авторитетных демократических СМИ, НКО, политических лидеров. Для установления контактов желательно пройти подготовку на базе международных НКО, поддерживающих демократические процессы.

4. Создать организационную сеть, включая вербовку сторонников, электронные ресурсы, СМИ, спонсорскую поддержку.

5. Начать пропагандистскую кампанию по разоблачению злоупотреблений правящего режима.

6. Непризнание результатов очередного электорального цикла. Начало протеста, неповиновения власти.

7. Перевыборы или блокирование центров действующей власти.

8. Сдерживание силовых структур и недопущение кровопролития.

9. Случаи насилия, особенно приведшие к арестам, ранениям в этом случае оборачиваются против режима.

10. В случае успеха частичная или полная люстрация, развертывание действий по формированию новой гражданской идентичности (переписывание истории, новации в системе образования, государственного языка и других социально культурных и гуманитарных технологий).

В таком понимании революция сводится к технологии захвата политической власти, фактически, к государственному перевороту. Вопрос о социальных целях, реальном переустройстве экономического и культурного уклада выносится за скобки. Такие революции — особенность стран полупериферии, резко меняющих свою политическую ориентацию с одного центра на другой.

Отличительной чертой реально демократического политического режима является то, что необходимость революции в этом случае отпадает. Смена режима осуществляется в результате демократических процедур. В этом плане революция «встроена» в демократию, которая сама по себе предстает перманентной «революцией». Эта особенность демократии иногда оборачивается против нее, когда вполне демократическим путем устанавливается авторитарный, а то и тоталитарный политический режим (Салазара в Португалии, Гитлера в Германии и пр.).

9.3. Управление нововведениями: принуждение, адаптация и кризис

Еще в 1930-х гг. К. Барнард отмечал два преувеличения в практике управления. Во-первых, это преувеличение роли власти, тогда как более важно участие людей в конкретной деятельности, где их интересы, мотивы не менее важны, чем власть. И, во-вторых, преувеличение роли экономических интересов, homo economicus, тогда как людьми движет не только экономический интерес, но и другие ценности. Даже в бизнесе прибыль — не цель, а ресурс, стимул в достижении целей.

Власть же, в принципе, ни что иное как система, тип коммуникации, который ее (коммуникации) участники согласны поддерживать, в нем участвовать, соблюдая определенные правила. И это решение именно адресатов власти, пусть даже из страха перед насилием, но это их решение.

Поэтому власти как коммуникации необходимо иметь каналы информационного воздействия, которые должны быть известны и определены. Эти каналы должны доходить до каждого адресата — члена общества, и линии такой коммуникации следует быть максимально прямой и короткой. Это обеспечивает адекватное понимание требований, осознание их непротиворечия общим целям и ценностям, а также уяснение того, что общество и каждый его член могут эти требования выполнить.

Такая эффективная коммуникация особенно важна при управлении проектами и программами различного уровня и масштаба, особенно нововведениями, которые зачастую вызывают сопротивление их реализации. Такое сопротивление — осознанное или бессознательное противодействие нововведению, нередко сводит на нет средства и усилия, затраченные на разработку и реализацию программ и проектов.

Сопротивление нововведению может исходить извне и быть внутренним. На нейтрализацию внешнего сопротивления направлены усилия внешней международной политики и другие ресурсы. С точки зрения сохранения и закрепления легитимности власти главную роль играет управление внутренним сопротивлением. Оно может быть неорганизованным, стихийным, выражаться в личностном неприятии новых идей и действий, ставящих под удар

личные планы, опыт, компетентность. Может оно носить и организационный характер, когда нововведению противодействуют не столько отдельные люди, сколько организационные структуры: характер полномочий, распределение обязанностей и прав, зафиксированных в положениях, уставах и должностных инструкциях.

Технология нововведения пользуется тремя основными методами управления сопротивлением: принудительное, адаптивное и кризисное нововведение. В реальной практике они редко встречаются в чистом виде. Каждое нововведение в большей или меньшей степени содержит компоненты каждого из них.

Принудительное нововведение — наиболее трудоемкий путь, но у него есть одно серьезное преимущество перед другими способами — он может дать выигрыш во времени. Поэтому, когда испытывается дефицит времени, вынуждены идти на принудительное нововведение. Главной проблемой при этом становится факт, что люди оказываются вынуждены реализовывать программу, возможно, не отвечающую их привычным мотивациям, интересам, опыту. Сопротивление при этом может проявляться в широком спектре:

- неосознанное нежелание («давайте начнем новую жизнь с понедельника», «с нового года»);
- неверие в проект или программу («зачем нам эти новые штучки?»);
- пассивное противодействие, искажение и утайка информации о ходе нововведения («о чем руководство не знает, от того не страдает»);
- игнорирование («без меня, ребята, я в эти игры не играю»);
- активное противодействие, саботаж с призывами вернуться к «настоящему делу» (т.е. отказаться от нововведения и заняться привычными делами).

Какой бы предварительный анализ интересов и мотивов участников принудительного нововведения ни проводили специалисты, всех возможных причин и источников сопротивления принудительному нововведению предусмотреть невозможно. Поэтому, рано или поздно, принудительное нововведение приходит к той или иной форме насилия: конфликтам, выговорам, административным мерам, перестановке кадров, увольнениям. В национальном масштабе

дело может дойти до столкновений. В силу этих причин практически ни одно принудительное нововведение не укладывается в запланированные сроки и в запланированном объеме. Неизбежны искажения содержания нововведения, искажения и срывы сроков.

Однако существует ряд условий, обеспечение которых снижает действие этих негативных аспектов принудительного нововведения.

1. Создание социальной базы поддержки нововведения. Эта задача решается путем определения круга лиц — сторонников нововведения, силами которых оно и будет осуществлено. Желательно, чтобы эти люди обладали авторитетом, были компетентны, иначе их деятельность натолкнется на противодействие «лидеров мнений»; желательно также, чтобы они были достаточно молоды и энергичны и способны связать с нововведением свои профессиональные, деловые и жизненные перспективы. Необходимо по возможности расширять базу поддержки на остальных граждан с помощью разъяснений целей нововведения, перспектив, возможностей, которые оно открывает. Обычно в принудительном нововведении люди вынуждены осуществлять не свою волю, не свои идеи. Поэтому даже простое непонимание — уже является источником неприятия и сопротивления. Поэтому эффективным средством управления сопротивлением является разъяснительная работа, вовлечение общественности в обсуждения. Это служит не только «выпуску пара», но и формированию сопричастности идущим изменениям, выявлению инициатив.

2. Перераспределение обязанностей и полномочий. Важно, чтобы нововведение сопровождалось соответствующими организационными мерами — либо полным освобождением участников нововведения от старых обязанностей и вменением им исключительно самого нововведения (с предоставлением необходимых прав), либо они должны быть освобождены от части своих старых функций. Очень много программ и проектов не состоялось лишь потому, что работники должны были их внедрять, одновременно выполняя старые обязанности и текущие дела. Если работники сталкиваются с выбором между новыми задачами и старыми обязанностями, то жизнью доказано, что выбор делается в пользу последних. Поэтому нововведению необходимо создать (расчистить) пространство обязанностей и полномочий.

3. Поскольку всех возможных причин и источников сопротивления не предусмотреть, то необходимы жесткий контроль за ходом (процессом, а не результатом!) нововведения и оперативное принятие необходимых организационных и административных мер.

4. В силу сказанного очевидно, что принудительное нововведение может быть успешным только при условии, что его инициаторы обладают всей необходимой полнотой административной власти, необходимой для перераспределения обязанностей, полноты контроля, принятия административных мер. Если у инициаторов проекта нет такой полноты административной власти на «революцию сверху», то на принудительное нововведение им лучше не идти.

Адаптивное нововведение предполагает наличие запаса времени. По этому пути обычно идут инициаторы, не обладающие полнотой административной власти. Не спеша, явочным порядком совершаются кадровые перестановки, шаг за шагом реализуются фрагменты программы «революции снизу». При таком пути сопротивление обычно минимальное, и оно гасится на стадиях разработки и согласования.

Кризисное нововведение может быть следствием как неудачных предыдущих решений руководства, так и кризисных явлений в экономике, в обществе в целом, масштабных стихийных бедствий. Сопротивления нововведению в условиях кризиса практически нет. Руководству мешает, скорее, другое — возможные панические настроения. В этом случае усилия должны быть направлены на решение следующих задач:

1. Убедить граждан в неизбежности кризиса.

2. Поскольку у кризисов есть одно замечательное свойство — рано или поздно они проходят, то руководство должно готовиться к его окончанию, выходу из него, посвящая свои усилия двум вещам: борьбе с возможной паникой и сохранению своего авторитета и имиджа.

3. Иногда полезно до наступления настоящего кризиса создать искусственный, чтобы отмотилизовать социум к началу собственно кризиса. Однако такие действия опасны. Во-первых, можно преждевременно ввергнуться в неконтролируемый кризис. А во-вторых, подобные действия могут быть расценены как провокация в ущерб авторитету и легитимности инициаторов. Новейшая история

России знает много примеров таких действий: от «корниловского мятежа» августа 1917 г., стоившего власти Временному правительству, до ГКЧП августа 1991 г.

Вопросы для обсуждения

1. Дайте определение революции.
2. Актуально ли в наши дни ленинское учение о революции?
3. Какие социальные силы в современном обществе обладают революционным потенциалом?
4. Возможен ли экспорт революции?
5. Существуют ли специальные технологии революции?
6. Приведите примеры опыта реализации модернизации и создания новых государств с опорой на постимперскую политическую культуру. Являются ли эти проекты успешными?
7. Какова роль и значение имперской и постимперской культуры в становлении и развитии современного открытого общества?

Практическое задание

Проанализируйте стиль руководства лидеров основных политических партий в вашей стране, городе, районе или организации. Сделайте сравнительный анализ с руководителями из других стран или с историческими личностями.

Рекомендуемая литература

Ленин, В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В. И. Ленин // *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. — М. : Политиздат, 1974. — Т. 33. С. 3—120.

Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира — в первый / Ю, Ли Куан. — М. : МГИМО, 2005.

Почепцов, Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Г. Почепцов. — М.: Европа, 2005.

Троцкий, Л. Д. Перманентная революция / Л. Д. Троцкий. — М. : Азбука-классика, 2009.

Шарп, Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / Д. Шарп. — М. : Новое изд-во, 2012.

Че Гевара, Э. Партизанская война / Э. Че Гевара. — М. : АСТ, 2010.

Заключение

Содержание дисциплинарного комплекса политической философии и политической культуры демонстрирует, с одной стороны, принципиальное значение философского осмысления для изучения и понимания феноменов политической культуры, а с другой, — роль развития политической культуры в динамике и конкретизации философских идей. В этом плане политическая философия и политическая культура с необходимостью предполагают и дополняют друг друга. В определенном смысле политическая философия не только вырабатывает рациональные концепты, объясняющие феномены реальной политической культуры, но и создает некий теоретический задел идей, важных для развития политической культуры, политической теории и практики.

Политическая философия и теория политической культуры постоянно стремятся отвечать на вызовы современности, осмысляя и переосмысляя пройденный исторический путь, открывая возможные перспективы и альтернативы. Поэтому дальнейшие векторы их развития связаны с такими факторами современного социально-политического развития, как дальнейшее развитие процессов глобализации, формирование проектно-сетевых социумов, все более глубокое проникновение в биологические и физиологические механизмы поведения, деятельности мозга. Человек во все большей степени осознает свою включенность в мир природы и возможности влияния на эту природу: от собственного субмолекулярного и даже субатомного уровня до космического масштаба. В этой связи все радикальнее и интенсивнее меняются возможности политической жизни, формирования и реализации власти, представления о возможностях влияния на политические процессы, характера необходимых политических институтов, перспективах гражданского и политического участия.

Тем самым раскрываются роль и место политической философии и политической культуры как концептуальной и теоретической основы изучения и развития других политических дисциплин: от политического права до конкретных политических технологий, включая управление политический маркетинг и менеджмент политических проектов.

Глоссарий

Аксиология — философская дисциплина, в рамках которой рассматривается происхождение, типология и роль ценностей в различных проявлениях общественной жизни, формирования и развития личности.

Анархия — политическая идеология и практика, основанная на отрицании государства и самодостаточности ответственности свободной личности.

Антропология — учение о происхождении и развития человека как биологического и социально-культурного феномена. В этой связи следует различать антропологию как часть естествознания, философскую и культурную антропологии.

Безопасность — базовая ценность социогенеза, связанная с необходимостью обеспечения возможностей выживания и развития конкретного общества, группы, семьи. В современном обществе безопасность становится предметом разветвленной системы институтов, обеспечивающих ее в сферах внешней политики, обороны, здравоохранения, продовольствия, информации, бизнеса и т.д.

Власть — одно из основных понятий в политической науке, при этом социологически «аморфное» (по М. Веберу) понятие, т.е. не уточняемое строго. Сегодня выделяют власть силы (power) и власть авторитета (authority), этим понятием примерно соответствуют концепции «власть над» и «власть для». Классическое определение власти для первого случая дал М. Вебер: «Если субъект А оказывает влияние на В и добивается того, что он выполняет его волю независимо от своего желания, то А имеет власть над В». В рамках второго подхода власть можно определить как способность аккумулировать ресурсы различного вида для решения общественно важных проблем.

Глобализация — всемирный процесс интеграции экономических, финансовых рынков, снятия барьеров между

государствами и культурами, чему в значительной мере способствует использование современных информационных технологий. Глобализация интенсифицирует связи и взаимозависимости в политической, военной, культурной сферах, способствует появлению социальных связей в наднациональном масштабе.

Гносеология — философская дисциплина, представляющая собой общую теорию познания. В настоящее время из нее фактически выделились когнитология (теория познавательных процессов), эпистемология (теория форм знания), логика и методология науки.

Демократия — в современном понимании — способ организации власти на основе мнения большинства и с существенным учетом мнения меньшинства, предполагает постоянный диалог общества и власти, наличие разнообразных форм и институтов влияния общественных групп на процесс принятия решений.

Дискурс, дискурсивный подход — способ рассуждения, речь с учетом ее коммуникативного контекста.

Доверие — важнейшая часть социального капитала, предпосылка конструктивных социальных и межличностных отношений, основанная на осознании общности ценностей и предсказуемости ответственного поведения партнера.

Идентичность — проявление самосознания и самоопределения, выражающее отождествление личностью себя с некоей социальной общностью, сопричастность ей.

Идентификация — характеристика набора свойств, относящая конкретное явление, личность к некоей общности, категории.

Идеология (политическая) — совокупность по преимуществу систематизированных представлений, взглядов и идей, выражающих отношений к действительности тех или иных субъектов политики. Политическая идеология — форма социального мышления, присущая современному обществу, в котором оказалась сломлена монополия церковной интерпретации мира.

Идея — умопостигаемый образ предмета реальности, выраженный в единстве знания существенных свойств, оценочного отношения и возможной деятельности с ним.

Империя — сложное государственное образование (сверхгосударство), унитарное объединение разнородных

частей, находящихся на разной стадии формирования собственной государственности и подчиненных центру-метрополии.

Индивидуализация — стадия социализации личности, выражающая уникальную неповторимость освоенного социального опыта, обусловленная биопсихологическими особенностями, фактами биографии и личностным самоопределением.

Инновации — целевое (сознательное) изменение в структуре или функциях системы определенного вида, переводящее систему в качественно новое состояние. Социально-политические реформы могут рассматриваться как инновации в случае достижения социумом нового уровня цивилизационного развития.

Институт, институты — (от лат. *Institutium* — установление, учреждение) — совокупность фундаментальных форм или структур общественной организации, установленных законом или обычаями конкретного человеческого сообщества.

Институционализм — одно из современных направлений экономической мысли, сформировавшееся в 1920—1930-х гг., в котором ключевая роль отводится социально-экономическим факторам (институтам), определяющим особенности развития общества.

Информационное общество — цивилизационная стадия развития общества, сформировавшаяся ко второй половине XX в., в котором информация, информационно-коммуникативные технологии играют ключевую и определяющую роль во всех сферах социальной жизни.

Коммунитаризм — направление мысли и движение, направленное на восстановление гражданских ценностей и коллективизма. Сторонники коммунитаризма видят смысл общества в моральных ценностях и общине, противопоставляя их государственности и эгоистическому индивидуализму. Они считают, что именно от своей общины — деревни, субкультуры, общественно-политического движения или этнической группы — люди приобретают специфические права и обязанности.

Конструктивизм — концепция в гуманитарных и социальных науках, согласно которой познание выступает как результат активности познающего субъекта, выражающейся в построении моделей, интерпретаций. Аналогично

социальные институты и социальная реальность в целом проявляют зависимость от социально-психологической активности. Социальная реальность, включая политическую сферу (нации, государства, институты), рассматривается как реализация интересов, ценностей, идей и не сводится к материальным условиям.

Культура — система порождения, отбора, сохранения и трансляции социального опыта. Реализуется в ценностно-нормативных системах различной степени институционализации. В этой связи могут выделяться культуры различных сфер деятельности (правовая, политическая, экономическая, организационная и т.д.), национально-этнические культуры, субкультуры (профессиональные, молодежные, досуговые).

Легитимность — признание обществом правомерности какого-либо института или лидера, справедливости выдвигаемых им целей и требований.

Либерализм — политическая идеология, в основе которой — свобода и ответственность личности, приоритет ее интересов и ценностей, равенство прав, терпимость, управление с согласия управляемых, антипатернализм (при различиях в их интерпретации); рационализм, установка на возможность рационального усовершенствования общества.

Личность — наделенный сознанием индивид, вменяемый актер социальной жизни.

Марксизм — философское и политическое учение, связанное с творческим наследием и развитием представлений К. Маркса и Ф. Энгельса, их последователей. Включает в себя «классический марксизм» как творческий синтез трех источников, трех составных частей марксизма — представлений утопического социализма, английской политической экономии и классической немецкой философии, а также такие направления, как философию человека и философию истории.

Модерн — этап развития цивилизации Нового времени и проект современности, связанный с акцентированием роли рациональности, научного познания, преобразования на этой основе реальности.

Модернизация — радикальное социальное обновление, переход от традиционного общества к индустриальному, от индустриального — к постиндустриальному.

Мораль — сторона общественной практики, связанная с представлением о добре, смысле жизни и вытекающими из них правилами человеческого поведения. Наукой о морали является этика.

Мультикультурализм — политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, а также обосновывающие такую политику теория или идеология.

Насилие — принуждение (физическое, экономическое, нравственное), действие одного субъекта над другим, осуществляемое с определенной целью, вопреки его согласию, воле и интересам.

Ненасилие — совокупность этических, социальных и культурологических принципов, развивающих идею отказа от агрессии в любой форме. По своему смыслу данные идеи можно разделить на две основные версии. Во-первых, отказ от агрессии в отношении человека к окружающему миру в целом, включая других людей, животных, насекомых и т.д. Во-вторых, отказ от насилия в социально-политической практике в отношениях между людьми и общественными организациями, государствами. В качестве политической практики ненасилие направлено на лишение правящей политической власти легитимности: демонстративный отказ от сотрудничества с органами власти и ее представителями, мирные демонстрации, попытки общественной самоорганизации для решения насущных социальных проблем без участия государства, активное использование публичного пространства, масс-медиа для выражения и аргументации своей позиции.

Номинализм — направление в философии, в котором понятия рассматриваются исключительно как имена и тем самым отрицают отдельное существование «универсалий» (значения общих понятий).

Норма — формально или неформально установленное правило в определенной сфере, требующее выполнения.

Нравственность — практика поведения, осуществляемого в соответствии с нормами принятой морали.

Онтология — философская дисциплина, учение о бытии (сущем) как таковом.

Ответственность — в нравственно-правовом плане: 1) синоним обязанности что-либо сделать; 2) следствие нарушения обязанности; 3) принятие или возложение определен-

ных обязательств, предъявление на этой основе требований к соответствующему лицу, группе, организации с последующим применением санкций в случае невыполнения подобных обязательств. В плане философской антропологии и метафизики нравственности — неизбежное следствие факта бытия человека, его включенности в причинно-следственные связи. В этом плане ответственность является следствием социализации и условием формирования самосознания.

Парадигма — система нормативных установок (концепций, методов, теорий), признанных научным сообществом, выступающих основанием последующих исследований.

Персонология — философское, а также междисциплинарное учение о личности.

Платонизм — философские представления, опирающиеся на учение Платона о существовании отдельного мира идей, которые представляют собой сущности вещей видимого мира.

Позитивизм — философская концепция, акцентирующая внимание на научном познании, согласно которой значимыми являются только результаты эмпирических исследований. Позитивизм противостоит метафизическим размышлениям о трансцендентных сущностях, не связанных с конкретным опытом.

Политика — отношения по поводу власти. В английском используется два термина — *politics* — борьба за завоевание или удержание власти, включая выборы, и *policy* — выдвижение, обсуждение, принятие и реализация программ решения актуальных для данного общества проблем (например, социальная, экологическая, образовательная политики). Использование в русском языке одного термина для обозначения разных понятий приводит в реальной российской политике к смешению этих смыслов (например, закон об иностранных агентах).

Политическая культура — система порождения, воспроизводства и развития социума и власти.

Политическая философия — философская дисциплина, в которой осмысливается обустройство общества, роль в этом обустройстве власти (государства) и личности. В ее предмет входят вопросы об условиях возможности правильной жизни, о свободе и наилучшем политическом порядке.

Политический класс — часть общества, чья деятельность связана с осуществлением функций государственной власти.

Политология — наука по политическим институтам и политическим процессам.

Постмодернизм — концепция и социально-культурная практика второй половины XX в., в которых переосмысливаются итоги модернизма. Согласно постмодернизму людям недоступна реальность как таковая, представления о ней задаются языком, придающим форму всему мыслимому и воображаемому. Поэтому реальности определяется теми, кто имеет власть над формированием языка и дискурса. Любой феномен в процессе его осмысления может быть подвергнут «деконструкции», показывающей зависимость представлений о нем от различных установок. Нравственным следствием постмодернистских установок является ценностной и нравственный релятивизм.

Постсекуляризм — современное общественно-философское учение, переосмысляющее роль и возможности самодостаточности секуляризма (светскости) модерна, предполагая новый этап включения религии в социальную жизнь, расширения практик поиска трансцендентного.

Права человека — понятие, тесно связанное с идеей свободы, выражающее как само достоинство человеческой личности, так и притязание на обладание конкретными возможностями, позволяющими сделать жизнь этой личности действительно достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношений человек-государство и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком. Содержание прав человека систематизировано во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН.

Просвещение — общественно-политическое течение конца XVIII — начала XIX в., представители которого стремились устранять недостатки современного им общества за счет изменения нравов, распространения гуманистических идей и научного познания.

Равенство — понятие, означающее одинаковое положение людей в обществе, в разных теориях трактуется как правовое равенство, равенство доступа к ресурсам и т.д.

Рационализм (от лат. *ratio* — разум) — философско-мировоззренческая установка, согласно которой бытие, познание и поведение людей строятся в соответствии с принципами, доступными человеческому разуму. Идея рационализма возникла в рамках теологии, где ее сто-

ронники настаивали на очищении религии от всего, что не может найти разумного объяснения, подвергали догматы веры логическому анализу. В науке, технике, социальных практиках рационализм связан с представлением о непротиворечивых (конструктивных) системах, эффективной целенаправленной деятельности.

Реализм — восходящее к платонизму философское учение, согласно которому общие понятия («универсалии») имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей.

Революция — глубокие преобразования (политические, экономические и социальные), происходящие в обществе не в итоге их постепенного накопления (эволюция), а в результате относительно кратковременной совокупности исторических событий, возглавляемых политической силой (группой), пришедшей к власти (иногда в ходе вооруженного восстания) и провозгласившей своей целью эти изменения.

Свобода — одна из базовых ценностей развития общества и личности. Различают свободу суверенную (связанную с фактом самосознания и самореализации, «свободу хотения») и свободу институциональную (связанную с институциональными рамками и гарантиями самореализации без ущерба для суверенной свободы других членов общества, свободу делания»). Идея свободы является центральным понятием в идеологии либерализма, где в институциональной свободе различают «свободу от...», или отрицательную свободу, свободу от насилия и «свободу для...», или положительную свободу, свободу делать что-либо для блага общества.

Семиотика (семиология) — теория знаков и знаковых систем, их формирования, развития и использования.

Солидаризм — учение об обществе, утверждающее солидарность разных его частей. Солидаризм подчеркивает факт, что личность существует не сама по себе: своими знаниями, своей культурой, своей рукотворной средой человек обязан другим людям. Идея «социально-ответственного рыночного хозяйства» легла в основу многих европейских политических партий. В русскую политическую литературу термин солидаризм ввел петербургский юрист Г. К. Гинс (1887—1971), министр колчаковского правительства, профессор университетов Харбина и Беркли. Солидаризм

является идеологией Народно-трудового союза российских солидаристов.

Социализация — процесс и результат усвоения индивидом социального опыта: принципов, норм, правил поведения окружающего его общества. Агентами социализации являются семья, школа, профессиональная среда, друзья, общественные организации и т.д. Именно социализация делает индивида полноценной личностью.

Социум — устойчивая социальная общность, характеризующаяся общностью культуры: едиными условиями и способами жизнедеятельности людей.

Справедливость — одна из базовых ценностей социальной жизни. Различаются два вида справедливости: «уравнительная» как равенство всех членов общества перед действующими законами и правилами, и «распределительная», связанная с доступом к благам в соответствии с определенными критериями, заслугами перед обществом.

Толерантность — добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, даже если они и отклоняются в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и даже если последний не одобряет их.

Утилитаризм — концепция и идеология максимизации блага. Она лежит в основе современной теории справедливости, детально разработанной Д. Ролзом и существенно дополненной в ходе ее активного обсуждения.

Федерация, федерализм (от лат. *foederatio* — союз, объединение) — система правления, в которой государственная власть и суверенитет осуществляются, как минимум, на двух уровнях: общенациональном и субъектов федерации (республики, штаты, земли, провинции, кантоны и т.д.), учреждающих ее на основе специального договора.

Феминизм — идеология и течение в политической науке, делающие акцент на равноправии полов, социальной сконструированности деления общества на мужчин и женщин и необходимости прекращения дискриминации по гендерному признаку, расширения прав и возможностей женщин во всех сферах жизни. Феминизм критически анализирует традиционную гендерную асимметрию, связывает ее с привилегированным положением мужчин и подчиненным положением женщин с точки зрения их социально-экономических, политических прав и культурного авторитета.

«Хорошее общество» — концепция, отрицающая универсальные нормативные образы «идеального государства», предполагает систематический анализ показателей уровня развития и качества жизни, которые могут выстраиваться в рейтинги, отражающие максимальное повышение материального уровня жизни. Лидеры этих рейтингов могут рассматриваться ориентирами, задающими вектор развития.

Ценности — общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться, они составляют основу нравственных принципов и являются важнейшими компонентами культуры наряду с нормами и идеалами.

Экзистенциализм — направление в философии, возникшее в XX в., сводящее представления о бытии, познании, человеке, социальных отношениях к экзистенции — персоналогическому опыту переживания «заброшенности в бытие» наделенного сознанием свободой и ответственности индивида.

Элита — часть общества, выполняющая лидерские функции: постановки целей, путей их достижения, консолидации и мобилизации других членов общества. В современных политических науках зачастую отождествляется с правящей группой политического класса.

Эпистемология — философская дисциплина, связанная с выработкой представлений о природе, формах знаний, их структуре и факторах развития. Сформировалась в рамках общей теории познания (гносеологии) в связи с развитием логики и методологии науки.

Покупайте наши книги:

В офисе издательства «ЮРАЙТ»:

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В логистическом центре «ЮРАЙТ»:

140053, Московская область, г. Котельники, мкр. Ковровый, д. 37,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В интернет-магазине «ЮРАЙТ»: www.urait-book.ru,

e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ст. 93) обращаться по тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Учебное пособие для академического бакалавриата

Под редакцией *Г. Д. Тульчинского*

Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 000.

ООО «Издательство Юрайт»

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru